

Հայ-Ռուսական համալսարան

ԼՐԱԲԵՐ

ՀԱՅ-ՌՈՒՍԱԿԱՆ ՀԱՄԱԼՍԱՐԱՆԻ
ՄԵՐԻԱ՝

ՀՈՒՄԱՆԻՏԱՐ ԵՎ ՀԱՍԱՐԱԿԱԿԱՆ ԳԻՏՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐ

(38)

ՀՌՀ Հրատարակչություն

№ 2/2021

Российско-Армянский университет

Печатается по решению
Ученого Совета РАУ

Вестник РАУ

(серия: гуманитарные и общественные науки)

Главный редактор: *член-корреспондент НАН РА, д.экон. н., проф. Дарбинян А.Р.*
Заместитель главного редактора: *д. филос. н., проф. Аветисян П.С.*

Редакционная коллегия:

*Аветисян С.С., д. юр. н., проф.; Авакян М.Э., к. фил. н., доц. (отв. секретарь);
Акопян К.С., к. фил. н., доц.; Берберян А.С., д. псих. н., проф.; Восканян М.А., д.
экон. н., доц.; Гамбарян А.С., д. юр. н., проф.; Егиазарян А.К., д. фил. н., проф.;
Енгоян А.П., д. полит. н., проф.; Золян С.Т., д. фил. н., проф.; Маргарян Е.Г., д.
ист. н., проф.; Мелконян А.А., д. ист. н., академик НАН РА; Меликсетян Л.С., к.
фил. н., доц.; Мирумлян К.А., д. филос. н., проф.; Ованесян С.Г., д. филос. н.,
проф.; Саркисян О.Л., к. филос. н., доц. (отв. секретарь); Сандоян Э.М., д. экон.
н., проф.; Симонян А.А., д. фил. н., проф.; Суварян А.М., д. экон. н., проф.*

(38)

Издательство РАУ
N 2/2021

Редакционно-издательский совет

«Вестник» РАУ

Председатель РИС «Вестник» РАУ – ректор РАУ, член-корреспондент НАН РА, д. эк. н., проф. Дарбинян А.Р.

Заместитель председателя РИС «Вестник» РАУ – проректор по науке РАУ, д. филос.н., проф. Аветисян П.С.

Состав РИС «Вестник» РАУ:

Погосян Г.А., академик НАН РА; Аветисян П.С., член-корр. НАН РА; Григорян А.П., академик НАН РА; Казарян Э.М., академик НАН РА; Суварян Ю.М., академик НАН РА; Мирумян К.А., д. филос. н., проф.

Журнал входит в перечень периодических изданий, зарегистрированных ВАК РА и РИНЦ

ISSN 1829-0450

Российско-Армянский университет, 2021г.

© Издательство РАУ, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТОЛОГИЯ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Саркисян О.Л., Оганесян Т.А., Дунамалян Н.А., Карамян И.А. Гражданская идентичность в Армении (обзор глубинного экспертного интервью).....	7
Саркисян О.Л., Хачатурян С.О. К вопросу о соотношении государственной и гражданской идентичности.....	19
Карамян И.А. Трансформация идентичности в информационном обществе	27
Աղաշյան Ն.Ս. «Թշնամու կերպարի» ստեղծումը որպես քաղաքական հնարք տեղեկատվական պատերազմում	32
Назаретян Г.А. Изменение приоритетов стратегии энергетической и транспортной безопасности Армении в 2020 году в контексте последствий 44-дневной Арцахской войны	41
Хачикян С.Р. «Мирный атом» в общественно-политическом дискурсе (на примере Республики Армения) (аспирант, РАУ)	51

ЭКОНОМИКА

Գալստյան Ա.Հ., Նաշիկյան Լ.Ս. Բազմաազգային տոկոսադրույքների ազդեցությունը տնտեսության վրա. Եվրոպական կենտրոնական բանկի օրինակով	69
Սանդրյան Է.Ս., Եղիազարյան Ա.Բ., Ոսկանյան Մ.Հ., Գալստյան Ա.Հ., Գրիգորյան Գ.Ա. Մակրոտնտեսական կարգավորման փորձը Վենեսուելայում	81

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Александян Ш.С. Основания применения иностранного права националь- ными судами при разрешении трансграничных частноправовых споров (на примере Республики Армения)....	97
Антонян Г.В. Проблемы совершенствования законодательства Респуб- лики Армения в сфере защиты информации коммерческих организаций.....	113

ПСИХОЛОГИЯ

Մուրադյան Ա.Ռ. Ուսուցիչների, դեռահասների և նրանց ծնողների պատկերացումների հետազոտումը հոգեբանական ծառայության և դպրոցի հոգեբանի գործունեության վերաբերյալ..... 120

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Մկրտչյան Н.Г. Роль и жанровая специфика паратекста в нон-фикшн романах на примере «In Cold Blood» Трумена Капоте..... 140

ЖУРНАЛИСТИКА

Ерицян А.Е. Кризис жанров журналистики в эпоху интернет-СМИ: особенности понятия, трансформации и тенденции развития 151

Сведения об авторах..... 158

ПОЛИТОЛОГИЯ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

DOI 10.48200/1829-0450_2021_2_7
УДК 32

Поступила: 23.10.2021г.
Сдана на рецензию: 25.10.2021г.
Подписана к печати: 18.11.2021г.

ГРАЖДАНСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В АРМЕНИИ (ОБЗОР ГЛУБИННОГО ЭКСПЕРТНОГО ИНТЕРВЬЮ)¹

О.Л. Саркисян, Т.А. Оганесян, Н.А. Дунамалян, И.А. Карамян

*Российско-Армянский университет
hovhannes.sargsyan@rau.am, norayr.dunamalyan@rau.am
tatevik.oganesyan@rau.am, irina.karamyan@rau.am*

АННОТАЦИЯ

В данной статье дается общий обзор глубинного экспертного интервью, проведенного с целью исследования восприятия экспертным сообществом пласта гражданской идентичности в армянском обществе. Сформулированные вопросы были направлены на то, чтобы раскрыть, как армянские эксперты понимают соотношение гражданской идентичности, с одной стороны, и национальной, этнической, конфессиональной, государственной и др. идентичностей, с другой, каковы основные факторы, влияющие на развитие гражданской идентичности, целесообразен ли процесс целенаправленной трансформации этой идентичности как составляющей особой политики нациестроительства.

Ключевые слова: гражданская идентичность, этническая идентичность, национальная идентичность, гражданственность, армянская идентичность.

Развитие обществ по необходимости приводит к трансформации идентичности. Это происходит особенно интенсивно в периоды коренных социально-политических изменений. Развал СССР, возникновение и становление независимых государств на постсоветском пространстве стимулировали изменения во всех сферах общественной жизни, что, в свою очередь, детерминировало процесс интенсивной трансформации идентичности в обществах этих государств. Этот процесс на постсоветском пространстве имел некоторые общие характеристики, но в каждом конкретном государстве имел и свои специфические черты. В некоторых государствах процесс этой трансформации был направлен в русло целенаправленного конструирования идентичности, что позволяет утверждать об особой политике

---

¹Исследование выполнено при финансовой поддержке КН РА и РФФИ (РФ) в рамках совместной научной программы 20RF-182 и 20-511-05025, соответственно.

нациестроительства (или политике идентичности). Так, в обществах с полиэтничным и поликонфессиональным населением особо актуальным стал вопрос конструирования надэтнической гражданской нации. В Республике же Армения с моноэтническим и преимущественно моноконфессиональным населением проблема развития гражданской идентичности, на наш взгляд, выпала из орбиты целенаправленной политики государства, а происходившие трансформации носили спонтанный характер.

В конце 2020г. группа сотрудников кафедры политологии Российско-Армянского университета получила финансовую поддержку Комитета по науке МОНКС РА на проведение исследования трансформации гражданской идентичности на постсоветском пространстве совместно с кафедрой сравнительной политологии РУДН. На основе имеющихся общих предварительных представлений [1] были выдвинуты определенные гипотезы, для проверки которых было решено организовать сбор эмпирических данных посредством «полевых» исследований: проведение глубинного экспертного опроса в 2021г. и использование метода фокус-групп в 2022г. Экспертное интервью было организовано и проведено членами исследовательской группы весной-летом 2021г. 13 вопросов, включенных в анкету, были разделены на несколько блоков: методологический блок, блок «Общие тенденции на постсоветском пространстве», блок «Операционализация» и «национальный» блок. Логика подобного распределения преследовала следующие цели: осмысление понятия «идентичность» в контексте армянской действительности и соотношение его ключевых уровней; анализ гражданской идентичности в совокупности с другими социально-политическими явлениями (государственность, лояльность, доверие институтам, историческая память и т.д.); операционализация понятия «гражданская идентичность»; выявление специфики армянской гражданской идентичности в контексте национальной идентичности. Вышеотмеченные цели очертили круг вопросов, обсужденных с 11 экспертами: философами, политологами, историками, социологами, культурологами. В данной статье дается предварительный обзор результатов экспертного интервью.

Проведение серии глубинных интервью с армянскими экспертами из различных сфер важно с точки зрения понимания тех подходов, которые распространены в экспертной среде и в обществе, в целом. Дело в том, что определенные акценты, конструирующие тот или иной тренд, во многом могут служить объектом анализа и стать основой для нового знания. Так, главным предметом настоящего исследования является «армянская» трактовка идентичности как обозначения принадлежности к какой-либо группе. Большинство опрошенных экспертов отметили, что самая ярко выраженная форма идентичности для армян – этническая, далее идет религиозная, а потом и другие (Рис. 1).

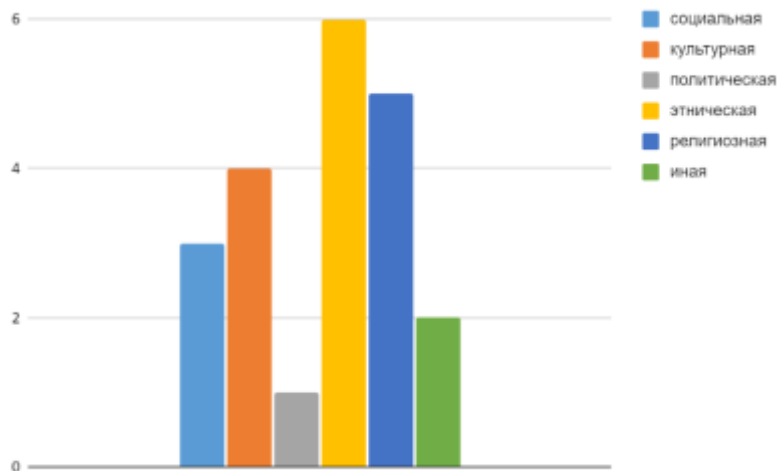

Рисунок 1. Какая идентичность становится самой сильной с точки зрения эмоциональной связи и возможностей мобилизации: социальная, культурная, политическая, этническая, религиозная или иная?

Обозначение армянской идентичности как «этнической» можно связать с несколькими элементами: продолжительное отсутствие государственности, наличие диаспоры, фактор культурного и религиозного обособления. В широком смысле, данный комплекс, формирующий армянскую идентичность, можно назвать «этнокультурным» [2], так как церковь, язык, письменность, традиции стали для армянского этноса неким инструментарием сохранения самобытности и формирования полноценной системы функционирования армянских сообществ, будь то в Республике Армения или за ее пределами.

Ответ на вопрос о связи гражданственности и лояльности логически связан с этнокультурным или «этноконфессиональным» пониманием армянской идентичности [3], поскольку респонденты однозначно не связывают понятия «государственность», «гражданственность» и «лояльность». В случае граждан Армении отсутствует осознание различий между государством, властью, правительством и другими феноменами. Здесь гражданственность может противопоставляться государству, ассоциируемому с конкретными государственными деятелями. Как следствие, лояльность государству и гражданственность не считаются однозначно связанными явлениями (Рис. 2).

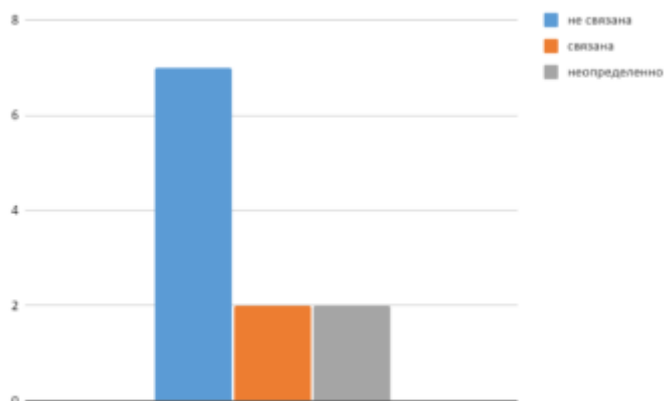

Рисунок 2. Связь гражданственности с лояльностью власти.

Стоит также отметить особое мнение об армянах диаспоры, которые строят свою идентичность на основе памяти об исторической родине, которая не совпадает с границами современной Армении [4]. Общей чертой граждан Армении и представителей диаспоры можно отметить то обстоятельство, что образ государства формируется на основе некоего идеала, которого не существует в реальности.

Проблема отсутствия единого взгляда на роль государства и государственности в развитии армянской нации ведет к отождествлению понятий «национальная», «государственная» и «гражданская» идентичности. В ходе опроса голоса разделились почти поровну, так как половина опрошенных посчитала, что данные понятия переплетаются (в основном, имеются в виду «национальную» и «гражданскую» идентичности). Те же, кто ответили отрицательно, ссылались на моноэтничность населения и, конечно же, на фактор армянской диаспоры (Рис. 3).

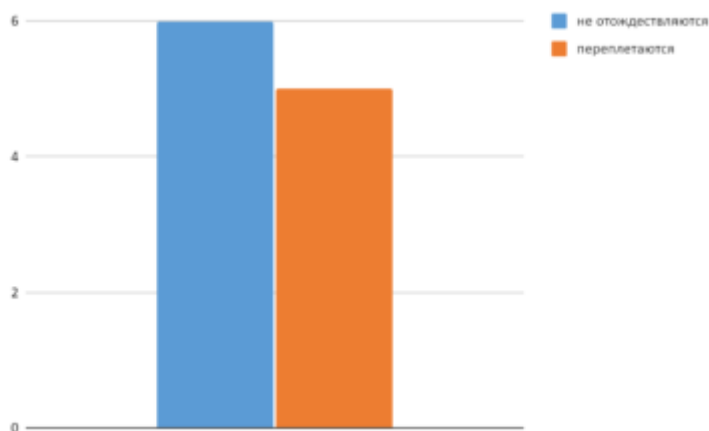

Рисунок 3. Возможно ли, во избежание излишней сложности и терминологической путаницы отождествлять «государственную», «национальную» и «гражданскую» идентичности?

«Внешняя» часть опроса связана с анализом проблем «стихийного» формирования гражданской идентичности, роли религиозных институтов, наличия «постсоветской» идентичности и вопроса применимости «западных» теорий. Так, стихийное становление гражданской идентичности считается большинством экспертов вполне возможным, так как в большинстве случаев этот процесс настраивается с помощью внешних сил, негосударственных институтов и т.д. Но для того чтобы процесс формирования гражданской идентичности в Армении удался, необходимо вмешательство государства, которое может сформулировать определенную стратегию, включающую и образ «идеального гражданина».

Центральным институтом в сохранении армянской идентичности можно назвать Армянскую Апостольскую церковь, что подтверждает большинство экспертов. Однако сегодня влияние церкви на развитие гражданской идентичности может быть как положительным, так и отрицательным. Среди опрошенных встречается подход, который категорически отказывается связывать гражданственность с религиозностью. Есть также понимание переменчивого и разноуровневого соотношения этих двух видов идентичности.

Переходя на уровень «региональной» идентичности, интересно, что многие из опрошенных не считают «постсоветскую» идентичность реальной, или называют ее «незначимой» в сложившихся условиях, признавая ее меньшее влияние по сравнению с национально-культурной идентичностью. Некоторые эксперты ставят под сомнение и существование единой советской идентичности. Однако есть и обратное представление, что «постсоветская» идентичность объединяет страны бывшего СССР, не имеющие сильно выраженной национальной идентичности, сохраняя память о советской культуре и общесоветской идентичности.

Рассуждая об общности и различиях «постсоветских» идентичностей и особенностях армянской модели, стоит заметить, что подходы, исследующие проблемы влияния этничности на политику и становление национализма как такового, сталкиваются с спецификой конкретных государств, и место армянской нации в этом вопросе одно из наиболее уникальных. Исходя из этого, можно поставить вопрос: работают западные теории в случае описания армянской идентичности? Эксперты, участвовавшие в опросе, отвечали по-разному: с одной стороны, любые подходы должны пропускаться через фильтр армянской действительности, но с другой – западные концепции, как и все другие должны быть локализованы, не противопоставляемы, не «имплементированы», а именно: локализованы, учитывая особенности страны и нации. Отмечалось также, что наука не имеет национальности, даже если это – гуманитарная наука, если мы говорим о методах и о концептах, а не, конкретно, о содержании.

«Национальный» блок открывает вопрос о близости некоторых явлений к понятию «гражданская идентичность». Армянские эксперты выделили в первой пятёрке понятий «любовь к родине», «знание языка и культуры государства», «уплата налогов», «гражданство государства» и «участие в выборах». Нужно отметить, что «политическая» интерпретация гражданственности (критика власти,

протест, поддержка политического курса и т.д.) довольно сильно отстала от вышеперечисленных индикаторов (Рис. 4).

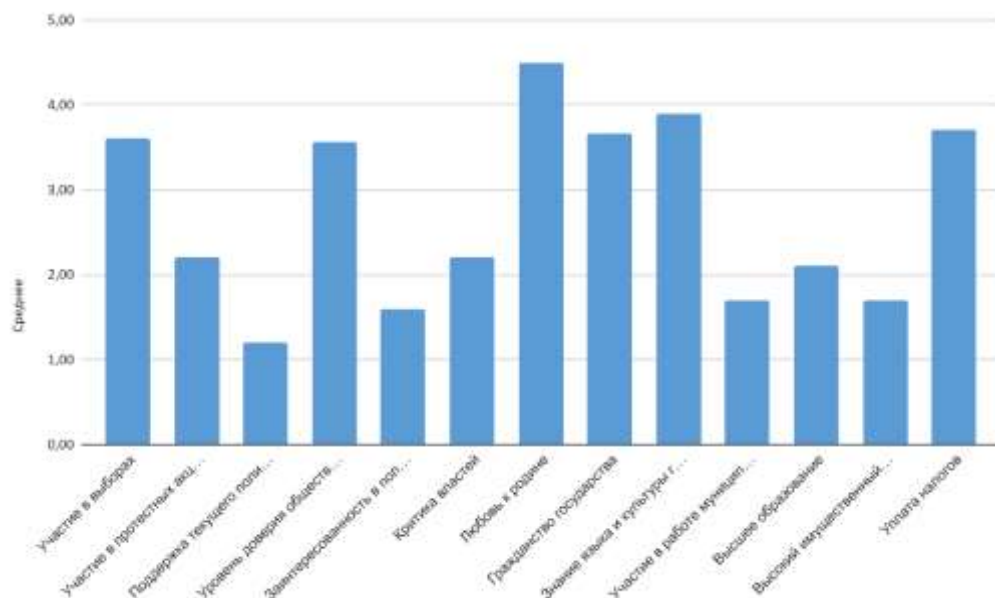

Рисунок 4. Какое из следующих понятий наиболее близко к описанию понятия «гражданская идентичность» (5 – очень близко, 1 – совершенно не имеет отношения)?

Несмотря на то, что «гражданская идентичность» у армянских экспертов ассоциируется с образом «ответственного гражданина», символический портрет армянской идентичности все еще привязан к этнокультурному восприятию армянского сообщества, где «Гора Арарат» и «Комитас» остаются основными маркерами идентичности, а государство «Армения» упоминается, прежде всего, в рамках упоминания политической карты региона (Рис. 5).

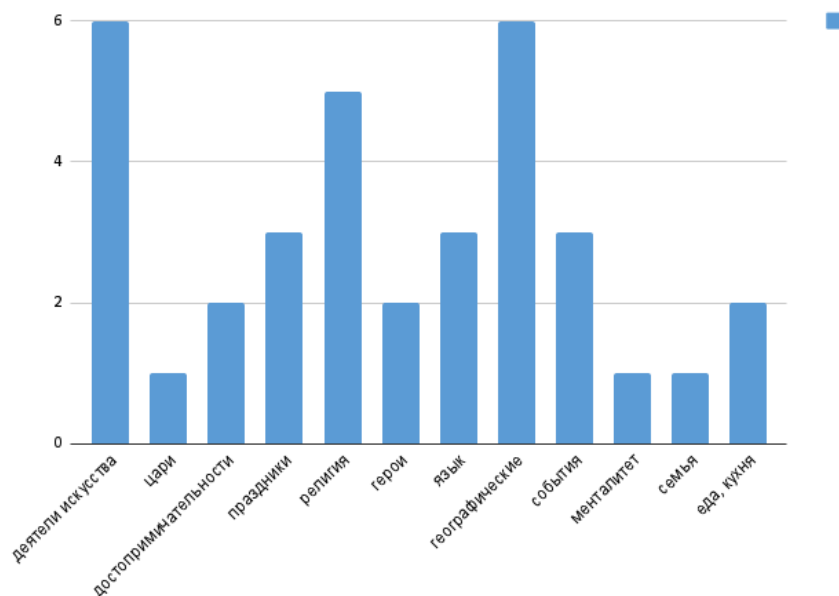

Рисунок 5. Элементы символического портрета армянской идентичности.

К понятию «гражданственности» в современных реалиях развития армянской национальной идентичности эксперты отнесли следующие феномены:

- правовое взаимодействие между органами госуправления и гражданами;
- ответственность за свою страну, свой язык и свою культуру;
- соотношение прав человека с правами и обязанностями;
- связь с государственностью, но с тем государством, которое должно быть;
- небезразличие;
- служба в армии;
- проявления патриотизма, готовность отдать жизнь за родину;
- способность человека трезво оценивать текущую ситуацию в государстве;
- ответственность за будущее Армении, активная профессиональная созидательная деятельность в Армении;
- принадлежность к среднему классу.

В контексте влияния трансформации традиционной (этнокультурной) модели армянской идентичности на развитие гражданской идентичности респонденты разделились на две группы. Первая группа связала развитие армянской гражданской идентичности с усилением основных элементов этнокультурной модели в качестве фундамента для развития самобытной гражданской культуры. По мнению другой группы, отдельные элементы этнокультурной идентичности мешают развитию гражданского сознания, и их отмирание может быть воспринято как позитивный процесс.

Отдельным вопросом является влияние Второй Арцахской войны на развитие гражданской идентичности, так как победа в первой войне позволила частично избавиться от комплекса жертвы, приобретенного во время Геноцида армян в Османской империи. В этом вопросе эксперты отмечали необходимость, учета совершенных ошибок во избежание появления нового образа жертвы.

Что касается унифицированного элемента, объединяющего все армянство, то респонденты выделили следующие аспекты:

- «быть полезным армянскому государству»;
- историзм, связь с прошлым;
- язык;
- вера;
- национальные символы;
- экзистенциальное сиротство и изгнанничество;
- вопрос Геноцида;
- Арцах;
- социально-экономические проблемы;
- государство «Армения».

Заключение

В данной статье мы изложили лишь предварительный общий обзор результатов глубокого экспертного интервью. Более детально конкретные аспекты будут раскрыты в последующих публикациях. Особое внимание будет уделено сопоставлению результатов экспертного интервью с результатами исследования через использование метода фокус-групп, предполагаемого в первой половине 2022г. Наконец, важное значение в контексте темы исследовательского проекта будет иметь сравнительный анализ полученных нами данных с результатами подобных же исследований наших партнеров из РУДН.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Саркисян О.Л.* Некоторые постулаты исследования национальной идентичности в контексте современных социально-политических и культурно-цивилизационных трансформаций // «Вестник» РАУ, № 23 (№ 2/ 2016); *Саркисян О.Л.* Трансформация национальной идентичности как условие национальной безопасности и эффективного общественного развития // Проблемы национальной безопасности в условиях глобализации и интеграционных процессов (междисциплинарные аспекты) // Материалы международного научно-практического форума (3–5 ноября 2016г.). Изд-во РАУ, Ер., 2016; *Саркисян О.Л.* Политика идентичности в республике Армения // Политика развития, государство и мировой порядок // Материалы VIII Всероссийского конгресса политологов, М., 6–8 декабря 2018г. / под общ. Ред. О.В. Гаман-Голутвиной, Л.В. Сморгунова, Л.Н. Тимофеевой. Изд-во «Аспект Пресс», М., 2018; *Саркисян О.Л., Дунамалян Н.А.* Динамика трансформации гражданской идентичности в современной Армении: факторы и субъекты. Полис. Политические исследования. 2020. № 2. СС. 53–72. <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.02.05>

2. Саркисян О.Л., Дунамалян Н.А. Динамика трансформации гражданской идентичности в современной Армении: факторы и субъекты. Полис // Политические исследования. 2020. № 2. СС. 53–72. <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.02.05>
3. Саркисян О.Л. Армянская идентичность: проблема синтеза моделей «культурно-исторической» и «государственной» нации // Проблемы национальной идентичности в контексте современной глобализации. Материалы международной научной конференции. Ер., РАУ. 2017. СС.134–152.
4. Брубейкер Р. «Дiasпоры катаклизма» в Центральной и Восточной Европе и их отношения с родинами (на примере Веймарской Германии и постсоветской России) // «Дiasпоры», 2000, № 3. С. 6.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1**ГАЙД ГЛУБИННОГО ИНТЕРВЬЮ****Методологический блок**

1. Сегодня мир становится все сложнее, усложняется общество, человек играет все больше социальных ролей и оказывается связан с большим количеством людей и сообществ. Какая, по вашему мнению, идентичность – осознание принадлежности к той или иной группе – становится самой сильной с точки зрения эмоциональной связи и возможностей мобилизации: социальная, культурная, политическая, этническая, религиозная или иная?
2. В современном обществе много споров о том, можно ли чувствовать себя гражданином, но при этом не поддерживать текущий политический режим, конституцию, институты и нормы? Обязательно ли гражданственность связана с государственностью? Как, на ваш взгляд, соотносится гражданская идентичность и лояльность государству и политическим институтам?
3. Возможно ли, по вашему мнению, во избежание излишней сложности и терминологической путаницы отождествлять «государственную», «национальную» и «гражданскую» идентичности? Говорим ли мы в этом случае примерно об одном и том же, или это принципиально разные вещи?
4. Возможно ли, по Вашему мнению, «стихийное» становление гражданской идентичности на основе общей истории, исторической памяти, языка, культуры и ценностного единства общества без целенаправленной политики государства по ее формированию (символической политики)? Могут ли альтернативные политические субъекты формировать гражданскую идентичность?

Блок «Общие тенденции на постсоветском пространстве»

5. По вашему мнению, сегодня в постсоветских республиках мы наблюдаем однотипные постсоветские идентичности, имеющие в основе общий советский базис или они все совершенно особые, обусловленные своей предшествующей историей и культурой? Или же обращение к истории формируется как реакция на распад общей советской идентичности?

Блок «Операционализация»

6. Употребление терминов, исходно отражающих реалии западного общества, приводит к определенным искажениям в интерпретации. Насколько, по вашему мнению, применимы западные теории и концепты к исследованиям постсоветских реалий? Или нам следует искать иные категории, методы и подходы? Какие из концептов вам кажутся наиболее проблемными в этом отношении?

7. Какое из следующих понятий, по Вашему мнению, наиболее близко к описанию понятия «гражданская идентичность» (оцените каждую строку от одного до пяти, где 5 – очень близко, 1 – совершенно не имеет отношения):
- Участие в выборах.
  - Участие в протестных акциях.
  - Поддержка текущего политического курса.
  - Уровень доверия общественным и политическим институтам.
  - Заинтересованность в политике на основании публикаций в соцсетях.
  - Критика властей.
  - Любовь к родине.
  - Гражданство государства.
  - Знание языка и культуры государства.
  - Участие в работе муниципальной власти или органов местного самоуправления.
  - Высшее образование.
  - Высокий имущественный ценз.
  - Уплата налогов.
  - Другое _____.
8. Все больше становится заметным, как религиозные институты начинают осуществлять функции объединяющих институтов упрочения государства, и доминирует тренд на их становление как национальных (привязанных к конкретному государству). Каково, на ваш взгляд, влияние церкви или иной религиозной организации на становление гражданской идентичности в странах постсоветского пространства? Способствует или препятствует она развитию гражданской идентичности?

«Национальный» блок

9. Как бы Вы описали символический портрет армянской идентичности? Назовите природные объекты, культурные артефакты, образы, исторические события, личности или праздники, которые, по вашему мнению, отражают этот образ лично для вас.
10. Что бы вы отнесли к понятию «гражданственности» в реалиях армянской национальной идентичности? Могли бы вы привести примеры?
11. Является ли трансформация традиционной (этнокультурной) модели армянской идентичности условием для развития гражданской идентичности (гражданской культуры).
12. Насколько фактор борьбы за Арцах (и победа в Первой Арцахской войне) воздействовали на трансформацию идентичности в годы независимости? Могут ли последствия Второй Арцахской войны стать одним из определяющих факторов развития гражданской идентичности?

13. Каково соотношение идентичности армянства в Республике Армения и в диаспоре? Насколько едина (унифицирована) общеармянская идентичность? Каковы наиболее унифицированные факторы этой идентичности?

**CIVIC IDENTITY IN ARMENIA
(OVERVIEW OF IN-DEPTH EXPERT SURVEY)**

H. Sarkisyan, N. Dunamalyan, T. Hovhannisyan, I. Karamyun

ABSTRACT

The article provides a general overview of an in-depth expert survey conducted in order to study the perception of civic identity in Armenian society by the expert community. The formulated questions aimed to explore Armenian experts' understanding of the relationship between civic identity, on the one hand, and national, ethnic, confessional, state and other identities, on the other. What are the main factors influencing the development of civic identity? As a component of a special nation-building policy, is the process of purposeful transformation of this identity expedient?

Keywords: civic identity, ethnic identity, national identity, civic consciousness, Armenian identity.

DOI 10.48200/1829-0450_2021_2_19
УДК 32

Поступила: 24.10.2021г.
Сдана на рецензию: 25.10.2021г.
Подписана к печати: 18.11.2021г.

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ И ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ¹

О.Л. Саркисян, С.О. Хачатурян

*Российско-Армянский университет
hovhannes.sargsyan@rau.am, satenik.khachaturian@student.rau.am*

АННОТАЦИЯ

В различных социально-гуманитарных науках все более актуализируются проблемы соотношения различных форм идентичности. Распад СССР стимулировал процесс нацистроительства в новообразованных государствах, что выдвинуло на первый план проблему совмещения этничности и гражданственности. В статье рассматриваются различные подходы к поставленной проблеме. Для постсоветского пространства, в том числе и для Армении, особо актуальна также проблема соотношения государственной и гражданской идентичности.

Ключевые слова: гражданская идентичность, государственная идентичность, национальная идентичность, этническая идентичность, нацистроительство.

Концепция «гражданской идентичности» занимает особое место в научном дискурсе из-за процесса трансформации политики идентичности в связи с постмодернистским кризисом иерархизированных идентичностей, которые были основой для самоидентификации индивидов. На сегодняшний день существуют различные подходы к интерпретации содержания понятия и факторов формирования самой гражданской идентичности. Более того, при переосмыслении институтов «гражданства» и «государства» сформировался дискурс относительно взаимосвязи гражданской, государственной и национальной идентичности.

Понятие «гражданская идентичность» находится в центре внимания философов, социологов, политологов и др. Рассматривая национальное государство в контексте современных вызовов, Юрген Хабермас говорит о неизбежности перехода общества к постнациональной форме, в основе которой лежит «конституционный патриотизм» [1]. Он является «функциональным эквивалентом» объединения гражданской и этнической нации, что должно способствовать преодолению внутривнутриполитического кризиса, связанного с вызовами мультикультурализма и глобализационными проблемами. Конституционный патриотизм должен занять

---

¹Исследование выполнено при финансовой поддержке КН РА и РФФИ (РФ) в рамках совместной научной программы 20RF-182 и 20-511-05025, соответственно.

место национализма, что позволит избежать распада нации граждан вне зависимости от этнической принадлежности. Хабермас утверждает, что демократическое гражданство может стать фактором единения политической культуры, которая зиждется на единой конституции.

В свою очередь, Френсис Фукуяма связывал национальную идентичность с идеей конституционализма, верховенством права и равенством людей [2]. Лучшим способом нациостроительства является симбиоз инклюзивности национальной идентичности и процесса ассимиляции новых членов государства. Принадлежность к национальному сообществу проявляется через универсальные права человека и гражданство, включающее в себя преданность и жертвенность. Определяя исключительность американской идентичности, которая отошла от ранних форматов, связанных с расой, этничностью и религией, Фукуяма говорит, что она опирается на общие политические принципы, демократическую подотчетность и равноправие. Именно такой подход является единственным возможным вариантом для объединения в либеральных демократиях. Рассматривая европейские страны, он отмечает важность переосмысления национальной идентичности без привязки к этнической принадлежности, что поможет создать общеевропейскую идентичность.

Некоторые российские исследователи определяют гражданскую идентичность как «понимание личностью своей принадлежности к сообществу граждан определенного государства на общекультурной основе» [3]. М.А. Юшин, раскрывая термин, опирается на концепт гражданственности и считает, что основой гражданской идентичности является «тождественность личности статусу гражданина, готовность и способность выполнять сопряженные с наличием гражданства обязанности» [4]. По мнению российского политолога И.С. Семененко, гражданская идентичность определяется «членством в макрополитическом сообществе и предполагает самоидентификацию индивида с его политической культурой и институтами, в том числе с определяющим индивидуальный политико-правовой статус институтом гражданства» [5].

В данном контексте гражданская идентичность связывается с гражданским обществом, взаимодействием институтов некоммерческого сектора и реализуется посредством различных форм гражданского участия. Взаимосвязь личности и государства определяется формальным статусом гражданина и наделением его юридическими правами и свободами.

Зачастую в научном дискурсе отождествляются такие понятия, как гражданская, государственная и гражданско-государственная идентичность. Однако данный вопрос довольно-таки дискуссионный, и ряд исследователей считает важным разведение данных терминов по тем или иным критериям. Например, выделяется географический (территориальный) критерий, который разводит понятия государства как определенной территории, и гражданства как политико-правового статуса. Здесь важно обратить внимание на географическое обрамление идентично-

сти: если основой государственной идентичности является политико-правовая организация общества, закрепленная на конкретной территории, то гражданская идентичность в своей основе опирается на разветвленную систему социальных взаимоотношений гражданского общества. Соответственно, гражданская идентичность может иметь надгосударственный характер и выходить за пределы одного государства, связывая людей на основе приверженности к объединению граждан различных объединений (например, гражданство Европейского союза).

В статье А.Г. Саниной и А.В. Павлова данный вопрос рассматривается с иной позиции. Высказывается точка зрения, согласно которой порой гражданскую и государственную идентичность противопоставляют друг другу в категориях «хорошее-плохое» и «формальное-настоящее» [6]. Так, гражданская идентичность представляет собой осознанное самоопределение через аксиологическую основу, социальные взаимоотношения, отождествление себя с другими гражданами. Гражданственность выражается в патриотических чувствах, гражданской ответственности и приверженности ценностям государства. Государственная идентичность отличается своей номинальной принадлежностью, при которой государство воспринимается как символический институт, являющийся актором как внешней, так и внутренней политики. Формирование такой государственной идентичности происходит автоматически посредством юридического получения статуса гражданина.

Однако абсолютизация различий может привести к маргинализации этих типов идентичности. При разведении данных понятий государство принимает вид лишь бюрократического аппарата, который не связан с деятельностью граждан. Государство воспринимается как внешний субъект, выстраивающий вертикаль отношений и устанавливающий формальные границы взаимодействия. Это может привести к тому, что государственная структура будет ассоциироваться с органом управления и восприниматься даже как авторитарная сила, препятствующая консолидации гражданской активности людей. Более того, в крайних проявлениях такая форма государственной идентичности представляет собой лишь политический симулякр, имитирующий гражданскую идентичность. Она вбирает в себя внешние элементы государственности, не имеющие под собой аксиологической и социальной подоплеки. Формирование такой идентичности происходит без диалога государства и граждан.

Для преодоления значимых трудностей в восприятии данных понятий в российский научный дискурс было введено понятие «государственно-гражданская (или национально-гражданская) идентичность». Переосмысление взаимосвязи государства и гражданственности позволило вывести гражданскую идентичность на принципиально новый уровень, который характеризуется не только лояльностью государству, но и «отождествлением себя с гражданами страны, представлением об этом сообществе, ответственности за судьбу страны», а также и переживаемые людьми в связи с этим чувствами. Такой подход к пониманию гражданства выходит за рамки формальной трактовки политико-правового статуса и трансформируется в

осознанную гражданственность, связанной с социальной ответственностью, коллективной солидарностью и приоритетом общегосударственного блага.

Такая государственно-гражданская идентичность проявляется в трех структурных компонентах:

- когнитивный включает в себя позицию гражданственности, факт **осознания** собственной принадлежности к гражданской общности, знание государственной символики, истории и культуры, определенный уровень правовой и политической культуры и т.д.;
- ценностный (сформированная аксиологическая основа, положительное **отношение** к статусу гражданина и принадлежности к определенному государству, чувство патриотизма и любви к своей родине, чувство гордости и уважения в отношении своей истории и культуре);
- поведенческий (**проявление** индивидом своей принадлежности, активная гражданская позиция, способность нести ответственность за судьбу своей страны, общественно полезная деятельность и т.д.).

Синтез двух типов идентичностей позволяет нивелировать недостатки каждой из них и сформировать более устойчивую основу для самоидентификации граждан в противоречивых условиях развития современных государств. Так, граждане со сформированной государственно-гражданской идентичностью представляют собой общность консолидированных граждан, осознающих важность основного политического института – государства и реализовывающих приверженность ценностям государства посредством социальной активности. Объединение индивидов на основе реальной, а не формализованной гражданственности, включающей в себя понимание ответственности за настоящее и будущее страны, способствует формированию новых паттернов общественного поведения. Каждый человек становится частью созидательного процесса построения государства совместно с другими такими же гражданами, испытывающими гордость за свою страну, личный вклад, внесенный в процветание страны, позволяет им «чувствовать свою причастность с судьбой государства» [8].

Своей идеологической составляющей общественного участия выделяется швейцарская модель государственно-гражданской идентичности. Швейцария по праву считается одним из мировых лидеров по степени вовлеченности граждан в различные сферы жизни общества и примером партиципативной демократии (демократия участия). Из-за исторических особенностей становления Швейцарии как конфедерации идентичность формируется на основе политической составляющей, а не культурной или этнической. Основой национальной идентичности Швейцарии является чувство гражданского долга. Более того, гражданство Швейцарии – это не просто политико-правовой статус индивида, кроме прав и обязанностей, наличие гражданства помогает человеку стать полноправным членом швейцарского общества. Об этом свидетельствует долгий и сложный процесс получения гражданства, который не просто формально причисляет человека к государству, а

натурализует его. Например, при получении гражданства у эмигрантов могут запросить свидетельства участия в программах добровольчества, что указывает на их желание интегрироваться в швейцарское общество и стать его частью, принимая все культурные особенности страны. В Швейцарии сформирована эффективно действующая система местного самоуправления, проявляющаяся посредством общенациональных и кантональных референдумов. Также в стране функционирует огромное количество некоммерческих организаций, развит третий (некоммерческий) сектор, что говорит о высоком уровне развития гражданского общества и существованием национальной традиции коллективной защиты собственных интересов. Благодаря, этому в стране формируется государственно-гражданский тип идентичности, в связи с которой можно говорить об определенном укладе жизни граждан Швейцарии, признающих ценности саморегулирования и общественного служения.

Если рассмотреть реалии Республики Армения, то можно однозначно отметить низкий уровень развития государственно-гражданской идентичности. Она представляет собой лишь формальное представление о гражданстве как о политико-юридическом статусе, то есть на государственном уровне устанавливается связь гражданина и государства, а также закреплены обоюдные права и обязанности. О наличии декларативной государственной идентичности свидетельствует низкий уровень государственного мышления и отсутствие активной вовлеченности граждан в общественную жизнь. Категориальный аппарат «среднестатистического» армянина включает в себя такие слова как «народ» и «люди», социальная реальность не воспринимается через призму государства. Удивителен тот факт, что ни в общественном, ни в политическом дискурсе Республики Армения практически не фигурируют такие понятия, как «общество» или «гражданственность».

Стоит отметить, что этническое однообразие (преимущественно, моноэтнический состав населения) Армении в данном случае, с определенной точки зрения, могло бы быть преимуществом для развития гражданско-государственной идентичности, позволило бы избежать те трудности, которые можно наблюдать в полиэтничных государствах. Однако, в действительности, это стало вызовом, на который пока армянское общество не готово ответить. Однообразие в итоге не актуализирует развитие гражданского общества: этническая общность не привела к гармоничному переходу к более сложной форме организации общества. Зачастую армяне воспринимают себя лишь через призму армянского народа как культурной общности людей. Но, вместе с тем, в обществе отсутствует отождествление себя с таким понятием, как «гражданин», соответственно, со всеми вытекающими из этого последствиями и обязанностями, и люди не идентифицируют себя с общностью граждан государства. Государственная идентичность Армении характеризуется отсутствием выстроенного диалога государства и граждан, а также низким уровнем доверия к государственным структурам. В своей массе, принадлежность к армянскому государству сводится к формальному упоминанию в паспорте.

Но, с другой стороны, возведение в абсолют гражданского типа идентичности приводит к исключению государства при интерпретации индивидом своей социальной реальности [9]. Ориентация на гражданственность будет способствовать умалению важности государства как основы формирования идентичности, а также размыванию таких понятий, как «долг перед родиной», «служение государству» и полному исключению этнического аспекта, который, так или иначе, может соотноситься с государственной идентичностью. В таком случае государство не идентифицируется индивидами как что-то свое и важное в ценностных категориях; эту роль занимает социальная общность граждан.

Рассматривая развитие гражданской идентичности в независимой Армении, можно сказать, что гражданское общество формировалась хаотично под влиянием протестных движений. В связи с этим гражданственность ассоциировалась в основном с коллективными действиями, в то время, как значение личной ответственности и индивидуального вклада не смогли укрепиться в сознании армянского гражданина. Взаимодействие общества и государства происходило стихийно, что было выражением низкого уровня развития политической и гражданской культуры. Граждане персонализируют политический процесс и не доверяют властным структурам, воспринимая их лишь как обособленный механизм управления. Качественного изменения формата общественного взаимодействия не произошло ввиду отсутствия целенаправленной политики государственного строительства, в целом, и нацистроительства, в частности. Ни смена политических лидеров, ни изменение формы республиканского правления (переход от смешанной формы к парламентской) в содержательном плане не трансформировали работу государства с населением. Как отмечают О.Л. Саркисян и Н.А. Дунамалян в своей статье: действия новой власти подчинялись старой логике [10]. Популистская риторика новых властей имела влияние на политически неграмотную часть населения, а решение проблем носило точечный характер, что не смогло в корне сформировать новую парадигму государственного мышления армянской политической нации. Создавалась имитационная картина, когда общественный дискурс в Республике Армении оставался прежним, а «переменные политического поля страны стремительно менялись» [11].

Глубинность проблемы «оголил» трагический исход Второй Арцахской войны. Современная история должна была привнести новые смыслы для консолидации общества в контексте гражданской идентичности. Важно учитывать тот факт, что в последние годы армянскому обществу удалось отойти от позиции жертвы в контексте национальной идентичности, что создало пространство для новых ценностных ориентиров и паттернов поведения. Теоретически новый тип государственно-гражданской идентичности должен был иметь в своей основе такие факторы, как гражданская активность и высокий уровень политической культуры. К сожалению, процесс нацистроительства не сумел разрешить поставленной задачи, а перехода к новому концепту государственного мышления, где армя-

нин считает себя гражданином Армении, а не просто потомком исторической Армении, так и не произошло. Процесс же становления национального государства понимался исключительно в контексте уже существовавшей этноконфессиональной модели функционирования государства и, соответственно, был сведен к чисто этнонациональному проекту. Между тем, в классическом понимании национальное государство в первую очередь понимается как проект гражданской консолидации общества. Стоит отметить, что формирование гражданской идентичности не умаляет значимость фактора этничности, который в моноэтничном государстве как раз и определяет политическую субъектность. В данном случае этничность должна была быть основой для нового типа взаимоотношений трансформироваться в качественную модель гражданского общества.

Таким образом, можно сделать вывод, что гражданская идентичность является моделью консолидации общества в контексте современных государств и помогает преодолеть противоречивость социальных практик и мировоззренческой позиций. Государственно-гражданская идентичность должна стать новым уровнем функционирования общности людей, главным объединяющим фактором которой будет государство в диалоге с гражданами, разделяющими идеи и ценности собственной страны. Разъяснение смысловой составляющей такого нагруженного термина как «государственно-гражданская идентичность» должно способствовать более глубинному и комплексному пониманию, что, в свою очередь, облегчит деятельность субъектов политики идентичности. Прежние формы взаимодействия и консолидации общества изживают себя, а прогрессивное развитие мира открывает новую сторону познания собственного «Я», в связи с этим у людей формируется запрос на новые категории самоопределения. В данном случае именно такой категорией выступает гражданская идентичность.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Хабермас Ю.* Вовлечение другого. Очерки политической теории. СПб.: «Наука», 2001. С. 216.
2. *Фукуяма Ф.* Идентичность: Стремление к признанию и политика неприятия. М., 2019. С. 212.
3. *Водолажская Т.* Идентичность гражданская // «Образовательная политика». 2010. № 5–6. С. 140.
4. *Юшин М.А.* Политические механизмы формирования гражданской идентичности молодежи в современной России: дис. канд-та полит. наук. Тула. 2007. С. 189.
5. *Семенов И.С.* Идентичность: личность, общество, политика. Энциклопедическое издание. М.: Изд-во «Весь Мир», 2017. С. 354.
6. *Санина А.Г., Павлов А.В.* Государственная идентичность: содержание понятия и постановка проблемы // «Управленческое консультирование». № 9. 2015. С. 31.
7. *Дробижева Л.М.* Процессы гражданской интеграции в полиэтническом российском обществе (тенденции и проблемы) // «Общественные науки и современность». Вып. № 2, 2008. С. 69.
8. *Дробижева Л.М.* Указ. работа. С. 74.
9. *Ачкасов В.А.* Этнополитология: учебник для бакалавров / 2-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во «Юрайт», 2014. С. 495.

10. *Саркисян О.Л., Дунамалян Н.А.* Динамика трансформации гражданской идентичности в современной Армении: факторы и субъекты / Полис. Политические исследования. 2020. № 2. С. 67.
11. *Саркисян О.Л., Дунамалян Н.А.* Указ. работа. С. 65.

TO THE ISSUE OF RELATIONSHIP OF STATE AND CIVIL IDENTITY

H. Sargsyan, S.Khachaturian

ABSTRACT

The problem of the relation of different forms of identity are becoming more and more relevant in various social sciences and humanities. The dissolution of the Soviet Union stimulated the process of nation-building in the newly-formed states, which also brought to the fore the problem of combining ethnicity and citizenship. The article analyzes various approaches to the identified issue. The problem of the correlation of state and civil identity is also especially relevant for the post-Soviet states including Armenia.

Keywords: civic identity, state identity, national identity, ethnic identity, nation-building.

DOI 10.48200/1829-0450_2021_2_27
УДК 32

Поступила: 21.10.2021г.
Сдана на рецензию: 22.10.2021г.
Подписана к печати: 21.11.2021г.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ¹

И.А. Карамян

*Российско-Армянский университет
irina.karamyan@rau.am*

АННОТАЦИЯ

В данной статье сделана попытка проанализировать роль современных цифровых информационно-коммуникационных технологий в процессе формирования и трансформации идентичности. Здесь анализируются различные теоретические подходы к формированию феномена идентичности. Показано, что средства массовой коммуникации и информации, обладая необходимым инструментарием, превращаются в институт конструирования идентичности общества, формируя трансграничную цифровую идентичность современного человека.

Ключевые слова: идентичность, цифровизация, виртуализация, коммуникация, личность, идентификация, публичное, приватное, Интернет.

В последние годы мы являемся активными наблюдателями происходящих технологических изменений в цифровой информационно-коммуникационной среде, которые, в свою очередь, имеют зримые социальные и общественно-политические эффекты, а также непосредственным образом влияют на осмысление понятия идентичности.

В современном мире коммуникации выступают основой конструирования идентичности как на социальном, так и на личном уровнях.

Широкое распространение термина «идентичность» и, главное, его введение в междисциплинарный научный обиход, связано с именем Эрика Эриксона. Идентичность есть не свойство (т.е. нечто присущее индивиду изначально), но отношение. Она формируется, закрепляется (или, напротив, переопределяется, трансформируется) только в ходе социального взаимодействия [1].

По мнению Ю. Хабермаса [2], в «балансирующей идентичности», как и в дуальном противостоянии и взаимопроникновении индивидуального и социального вообразяемого «Я», имеет место «равновесие личностных и социальных процессов в каждый момент времени». Опираясь на дуальную образную модель идентичности,

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке КН РА и РФФИ (РФ) в рамках совместной научной программы 20RF-182 и 20-511-05025, соответственно.

Э. Гидденс [3] также отмечает ее изменчивость, рефлексивность и осознанную конструируемость. Последняя основана на теориях символического интеракционизма, где идентичность рассматривается в качестве социального образования, формирующегося под влиянием различных символических взаимодействий в деятельностном поле интеракций и множества «социальных» идентичностей, благодаря самоотжественности, саморефлексии в процессе взаимодействия с *другими* [4].

Проблемам построения и трансформации гражданской идентичности посвящено множество трудов. В современной западной обществоведческой литературе сегодня одними из основных исследователей проблематики гражданской идентичности являются Д. Уэйнсток, К. Хейс [5], У. Кимлика [6], Ю. Хабермас [7].

Проблема идентичности приобретает не только научное, но и общественно-политическое освещение работами таких авторов, как Ф. Фукуяма («Идентичность: Стремление к признанию и политика неприятия») [8].

В общественно-научной традиции среди исследователей проблем идентичности следует отметить В.А. Тишкова [9], который в своих последних по времени работах исследует главные компоненты формирования национальной идентичности в России как фундамента нациестроительства на гражданской основе. Ряд работ, направленных на раскрытие содержания общероссийской гражданской идентичности (гражданского самосознания), принадлежат научной школе Института социологии РАН, в частности, работы А.Г. Здравомыслова и Л.М. Дробижева.

Российско-армянские исследования в области гражданской идентичности представлены работами О.Л. Саркисяна, Н.А. Дунамалына [10].

В результате нынешней возросшей мобильности, глобализации, гипертрофированной визуализированности, коммуникации и взаимодействию в условиях бурно развивающейся массовой культуры и маркетинга [11] основой для идентификации становится информация, доступ к которой сегодня расширен, практически, до бесконечности, а с развитием цифровых технологий – становится мобильным и постоянным. Информация в мире цифровых технологий превращается в главный ресурс: она «ускоряет время» и «сжимает пространство» (Э. Гидденс и Д. Харвей); ускоряет темп жизни и порождает «поток ситуаций» (Э. Тоффлер); создает «виртуальную, тягучую, мозаичную идентичность» (Ш. Теркл). При этом, как отмечает Э. Гидденс, традиционная идентичность отличается от современной именно направленностью конструирования [12]. Идентичность конструируется!

Развитие информационно-коммуникационных технологий, появление и галопирующее развитие Интернета, а также различных онлайн-платформ стали благодатной почвой для возникновения общества нового типа, а имплементация новых цифровых технологий привела, образно говоря, к сжиманию времени и пространства, что, в свою очередь, стало основой для развития новых способов коммуникации и идентификации. Благодаря тотальной информационной включенности использование цифровых технологий становится базовым навыком современного человека, а виртуальность – основной платформой для репрезентации собственной идентичности на основе цифрового кода [13].

Сегодня в виртуальном пространстве человек реализует потребность в признании и принадлежности, создает сообщества, вступает в ранее ему недоступные группы и стремится к групповой идентификации, опосредованной новыми способами коммуникации и интеграции, при этом постепенно утрачивают свою значимость ранее принятые привычные точки идентичности – такие, как пол, статус, возраст, тело и т.д.

Виртуальная реальность, транслируемая новыми медиа и другими коммуникационными платформами, активно создает условия для реализации культурной, политической, социальной активности людей, где цифровизация выступает как вызов социальности, изменяя процессы коммуникации, стратификации и взаимодействия, становясь, с одной стороны, интегрирующим и объединяющим основанием, с другой, – стимулом, порождающим неравенство и сегрегацию. Диджитализация всех сторон человеческой жизни создала предпосылки для максимального сращивания личной и публичной сфер, смещая акценты с идентичности на постоянный, не завершаемый процесс идентификации, которая в условиях цифровых технологий находит свое отражение в виде «цифровой личности», пребывающей в глобальном пространстве мультикультурной среды [14].

Нужно отметить, что конструирование, а также разрушение политической идентичности в виртуальном пространстве выступает в качестве особой формы политической коммуникации и имеет ряд особенностей.

Современные средства массовой коммуникации имеют колоссальное воздействие на процесс генерирования соответствующих настроений в обществе, в частности, значимая роль играют социальные медиа в процессе формирования виртуальных сетей, постоянная циркуляция информации, формирование групповой идентичности [15], оперативность обмена информацией через виртуальные социальные сети, сложность контроля над ней по сравнению с традиционными СМИ, возможность синхронизации действий.

Важно отметить, что современные цифровые информационно-коммуникационные технологии способствуют как деструктивному, так и конструктивному воздействию на систему национально-государственной идентичности. Это, в свою очередь, выражается в постепенном утрачивании доверия к властным институтам, политическим лидерам, пренебрежительное отношение к национальным символам (памятники, праздники, знаки государственного отличия), посредством абсентеизма, или, наоборот, к различными формами сепаратизма, посредством взращивания радикальных политических настроений и различных форм девиантного политического поведения. В отдельных кризисных ситуациях модели социальной коммуникации «упрощаются» до бинарной оппозиции (свой-чужой). Наступает «кризис идентичности» как отдельного субъекта, так и целых социальных групп [16].

Массовые протесты весны 2018 года в Армении активно освещались и обсуждались в традиционных СМИ и виртуальных социальных сетях, в частности, в сети Facebook. Сетевые информационные технологии аккумулировали высокий протестный потенциал армянского общества и форсировали консолидацию граждан

против действующей на тот момент политической силы [17]. Акции протеста начинались и прекращались по одному заявлению в сети Facebook.

ВКонтакте и Facebook были основными площадками для распространения информации о «молчаливых» протестах в Белоруссии, а сама серия протестных акций носила название «Революция через социальные сети». Facebook и Twitter в конце 2013 – начале 2014 гг. стали ключевыми инструментами для организации выступлений участников Евромайдана в Киеве. Важными факторами организации протестных политических акций в Москве летом 2019 года стали такие интернет-платформы, как Facebook и YouTube [18].

Протестное политическое участие претерпело значительные трансформации, однако социальные сети не являются причиной возникновения политического протеста. Важно отметить, однако, что социальные сети могут быть как инструментом протестной мобилизации, так и инструментом снижения уровня протестных настроений в обществе.

Резюмируя вышесказанное, отметим, что средства массовой коммуникации и информация, обладающие необходимым инструментарием, превращаются в институт конструирования идентичности общества, формируя трансграничную цифровую идентичность современного человека.

Следует отметить в данном контексте, что становление национально-гражданской идентичности в современных реалиях требует осуществления последовательной организационно-управленческой деятельности со стороны политических институтов, нацеленной на формирование установок и моделей конвенционального политического поведения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Малахов В.С. Неудобства с идентичностью. «ВФ», 1998, № 2.
2. Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. Московские лекции и интервью / Под ред. Н.В. Мотрошиловой. М.: «Академия», 1995 (Habermas, Jürgen Demokratie. Der Geist. Moral. Moskauer Vorträge und Interviews, Russian Translation).
3. Giddens, Anthony (1991) *Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age*, Stanford University Press, Stanford.
4. Лисенкова А.А. Трансформация идентичности в цифровую эпоху // «Вопросы философии». 2020. № 3. СС. 65–74.
5. Heyes C. 2014. Identity Politics. The Stanford Encyclopedia of Philosophy. Ed. by E.N. Zalta. (Winter 2014 edition). URL: <http://plato.stanford.edu/entries/identity-politics/> (accessed 08.05.2016).
6. Kymlicka W. 1995. *Multicultural Citizenship. A Liberal Theory of Minority Rights*. Oxford: Clarendon Press. 1995. 296p. DOI: <http://dx.doi.org/10.1093/0198290918.001.0001>
7. Хабермас Ю. Гражданство и национальная идентичность // Хабермас Демократия. Разум. Нравственность. М., 1995.
8. Fukuyama F. *Identity: The Demand for Dignity and the Politics of Resentment*. 2018.

9. Тишков В.А. Российская идентичность: внутренние и внешние вызовы // Вестник Российской академии наук. 2019. Т. 89. № 4. СС. 408–412; Тишков В.А. Российский народ и национальная идентичность / Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Естественные науки. 2017. С. 19.
10. Саркисян О.Л. 2017. Армянская идентичность: проблема синтеза моделей «культурно-исторической» и «государственной» нации. Проблемы национальной идентичности в контексте современной глобализации. Материалы международной научной конференции 3–4 ноября 2017г. Ер.: РАУ. СС. 134–152; Саркисян О.Л. 2018. Культурный ресурс политики идентичности (на примере Армении) // Вестник Российско-Армянского университета. № 2 (29). СС. 28–33; Саркисян О.Л., Дунамян Н.А. Динамика трансформации гражданской идентичности в современной Армении: факторы и субъекты // Полис. Политические исследования. № 2. 2020. СС. 53–72.
11. Тульчинский Г.Л. Культура в шоке // «Нева». 2007. № 2. СС. 128–148.
12. Лисенкова А.А. Трансформация идентичности в цифровую эпоху // «Вопросы философии». 2020. № 3. СС. 65–74.
13. Конева А.В., Лисенкова А.А. Матрица идентичности в цифровую эпоху: социальные вызовы преодоления анонимности // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2019. № 35. СС. 16–27.
14. Там же.
15. Breuer A. The Role of Social Media in Mobilizing Political Protest Evidence from the Tunisian Revolution. Bonn: Deutsches Institut für Entwicklungspolitik. 2012. 33p. URL: https://www.diegdi.de/uploads/media/DP_10.2012.pdf (accessed 09.09.2021).
16. Зубков Н.А. Трансформация национально-государственной идентичности в информационном обществе // Будущее в настоящем: человеческое измерение цифровой эпохи: Материалы III Международной научной конференции Гуманитарные Губкинский чтения (Москва, 5–6 апреля 2018г.). Ч. 2. // Ред.: М.Б. Балычева, О.М. Смирнова. М: Издательский центр РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина, 2018. 256с.
17. Атанесян А.В. «Бархатная революция» в Армении: потенциал, достижения и риски политикопротестной активности. Полис. Политические исследования. 2018. № 6. СС. 80–98. DOI: 10.17976/jpps/2018.06.06
18. Малькевич А.А. Роль социальных сетей в протестном политическом участии граждан // Управленческое консультирование. 2020. № 1. СС. 35–42.

TRANSFORMATION OF IDENTITY IN THE INFORMATION SOCIETY

I. Karamyan

ABSTRACT

This article attempts to analyze the role of modern digital information and communication technologies in the formation and transformation of identity. The article analyzes various theoretical approaches to the formation of the phenomenon of identity. An attempt is made to show that the mass media and information, possessing the necessary tools, are turning into an institution for constructing a society's identity, forming a trans-border digital identity of a modern person.

Keywords: identity, digitalization, virtualization, communication, personality, identification, public, private, Internet.

DOI 10.48200/1829-0450_2021_2_32
 УДК 327.88

Поступила: 22.07.2021г.
 Сдана на рецензию: 24.07.2021г.
 Подписана к печати: 14.09.2021г.

«ԹՇՆԱՄՈՒ ԿԵՐՊԱՐԻ» ՍՏԵՂԾՈՒՄԸ ՈՐՊԵՍ ՔԱՐՈԶՉԱԿԱՆ ՀԱՐՔՏ ԵՂԵԿԱՏՎԱԿԱՆ ՊԱՏԵՐԱԶՄՈՒՄ

Ն.Ա. Աղայան

*Հայ-Ռուսական համալսարան
 katriona2000@gmail.com*

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

«Տեղեկատվական պատերազմը» հաղորդակցության բոլոր հնարավոր ձևերի օգտագործումն է թշնամու պայքարելու ցանկությունը ոչնչացնելու նպատակով: Այս մակարդակի պատերազմում գործածվում են զանգվածային գիտակցության վրա ազդելու մանիպուլյացիոն բազմաթիվ ձևեր ու միջոցներ, որոնցից է առանձնահատուկ միջին՝ «թշնամու կերպարի» կերտումը: «Թշնամու կերպարի» միջոցներն ունի կարծրատիպային կառուցվածք:

Ղարաբաղյան հակամարտության պատմությունը ցույց է տալիս, որ դրա ծագումից ի վեր «թշնամու կերպարի» միջոցներն կիրառվում է կոնֆլիկտում ներգրավված երեք կողմերի՝ Ադրբեջանի, Արցախի և Հայաստանի իշխանությունների կողմից, իհարկե, տվյալ հասարակություններին բնորոշ յուրահատկություններով: Այսպես, ի տարբերություն Հայաստանի, որտեղ «թշնամու կերպարը» ձևավորելիս հիմք են ընդունվում նրա հավաքական բացասական գծերը և մատնանշվում են հայկական կողմի բարոյական բարձր բնութագրերը, Ադրբեջանում պետական ու հասարակական մակարդակներով խրախուսվում ու հերոսականացվում են բռնությունը, ստորությունը, վնասարարությունը հայազգի բոլոր անձանց նկատմամբ:

Հիմնաբառեր՝ թշնամու կերպար, ազգային անվտանգություն, տեղեկատվական պատերազմ, հայատյացություն, քարոզչական հնարքներ:

Ժամանակակից աշխարհում ձևավորված տեղեկատվական հասարակության պայմաններում տեղեկատվությունը անհատների, հասարակական և էթնիկ խմբերի, հանրությունների գիտակցությունն ու վարքագիծը ուղղորդելու, մանիպուլացնելու և կառավարելու հզոր միջոց է: Պատահական չէ, որ տեղեկատվական հակամարտությունների ու մրցակցության ձևերի համախումբը 20-րդ դարի 70-ականն թթ. ստացավ տեղեկատվական պատերազմ [1] ձևակերպումը, որը ներկայումս լայնորեն կիրառվում է քաղաքականության մեջ:

Տեղեկատվական պատերազմը բացառապես տեղեկատվական զենքի, այսինքն՝ տեղեկատվության ստեղծման, մշակման ու տարածման տեխնոլոգիաների կիրառմամբ իրականացվող գործողությունների համախումբ է՝ թիրախային լսարանի, սոցիումի վրա արդյունավետորեն ներգործելու հստակ նպատակադրմամբ [2]: «Տեղեկատվական պատերազմը հաղորդակցության բոլոր հնարավոր ձևերի օգտագործումն է թշնամու պայքարելու ցանկությունը ոչնչացնելու նպատակով» [3]: Այս մակարդակի պատերազմում գործածվում են զանգվածային գիտակցության վրա ազդելու մանիպուլյացիոն բազմաթիվ ձևեր ու միջոցներ, որոնցից է առանձնահատուկ միֆի՝ «թշնամու կերպարի» կերտումը: «Թշնամու կերպարի» միֆոլոգեմը ունի կարծրատիպային կառուցվածք [4]: Դրա հիմնական բաղադրիչը «յուրայիններ-օտարներ» հակադրությունն է: Երկրորդ բաղադրիչը զանգվածային գիտակցության մեջ «օտարների» կողմից բխող վտանգի զգացողություն ներմուծելն է: Երրորդ բաղադրիչը վճռական գործողությունների դիմելու անհրաժեշտությունն է: Նշյալ միֆոլոգեմի հիմնական խնդիրը քաղաքական կամ աշխարհաքաղաքական հակառակորդին «օտարների» շարքին դասելն է՝ դրանով իսկ նրա նկատմամբ բացասական վերաբերմունք ու տրամադրություններ սերմանելը:

Գրականության մեջ առանձնացվում են «թշնամու կերպարի» ձևավորման մի քանի հիմքեր՝ ավանդական, որի շրջանակներում ընդգրկվում են պատմական, կարծրատիպային, սոցիալ-հոգեբանական հիմքերը, արժեհամակարգային և մանիպուլյատիվ [5]:

Միջազգային հարաբերությունների պատմությունը վկայում է, որ «թշնամու կերպարը» կարող է լինել թե՛ մտացածին, թե՛ իրական: Երկու դեպքում էլ այդ կերպարը խիստ արդյունավետ քաղաքական ու քարոզչական գործիք է, որն օգնում է համախմբելու հասարակությունը, բարձրացնելու հայրենասիրական ոգին, և հակառակը՝ բարոյագրկելու հասարակությունը, ազգային գաղափարները, արժեքները, ծնում է ազգամիջյան հակամարտություններ և այլն:

Իրական կամ չավարտված պատերազմական իրավիճակում գտնվող ցանկացած պետություն իր քարոզչության գերխնդիրների մեջ առանձնապես կարևորում է «թշնամու կերպարի» կերտումը՝ վառ պահելով և անհրաժեշտ պահին բորբոքելով հասարակության նեգատիվ հույզերը հակառակորդ երկրի նկատմամբ: Այդ պարագայում ավելի դյուրին է դառնում համախմբել, մոբիլիզացնել ժողովրդին վերսկսված ռազմական գործողությունների կամ բախումների ժամանակ: Դրանով արդարացվում են բռնության դրսևորումները թշնամու նկատմամբ:

Ղարաբաղյան հակամարտության պատմությունը ցույց է տալիս, որ դրա ծագումից իվեր «թշնամու կերպարի» միֆոլոգեմը կիրառվում է կոնֆլիկտում

ներգրավված երեք կողմերի՝ Ադրբեջանի, Արցախի և Հայաստանի իշխանությունների կողմից, իհարկե, տվյալ հասարակություններին բնորոշ յուրահատկություններով:

«Թշնամու կերպարը» ստեղծվում է հոգեբանական մի շարք գաղափարների ու հնարքների կիրառմամբ: Նախ՝ թշնամիներ կայացվում է որպես մի հրեշավոր արարած՝ զերծ մարդկային ամեն ինչից: Սա կոչվում է կերպարի դեմոնիզացում (հրեշակերտում), երբ անցանկալի հակառակորդին տրվում են բացառապես բացասական բնութագրեր և արգելափակվում է որևէ դրական հիշատակում նրա վերաբերյալ: Եվ որքան վատն են տրվող գնահատականները, այնքան ուժեղ է ստացվում այդ կերպարը: Այսպես, Ադրբեջանում այս մարտավարությունը կիրառվում է վաղուց, և ինչպես նացիստական Գերմանիայում էին թիրախավորում հրեաներին, այնպես էլ այդ երկրում նշանառության տակ են պահում հայերին [6]:

«Թշնամու կերպարի» ձևավորումը կարող է տեղի ունենալ ինչպես արդի ժամանակահատվածում (ինչպես օրինակ՝ վերջին տարիներին ռուս-ուկրաինական հարաբերությունների կտրուկ վատթարացման համապատկերում), այնպես էլ պատմական տևական ժամանակահատվածի կտրվածքով, երբ «թշնամու կերպարը» փոխանցվում է ժառանգաբար՝ սերնդեսերունդ (օրինակ՝ հայ-թուրքական հարաբերությունները): Երկրորդ դեպքում թշնամանքի հիմքն ավելի ամուր է, որովհետև ժողովրդի հավաքական գիտակցության մեջ միշտ արթուն է անցյալի ողբերգական իրադարձությունների հիշողությունը: Հայ ժողովրդի համար դա 1915թ. Ցեղասպանության հիշողությունն է, որի շրջանակներում թուրքերը հայերի ընկալմամբ հայատյաց, ցեղասպանել ու միտված, անհանդուրժող էթնիկ հանրույթ են, ուստի և թշնամի են: Այս հիշողությունը, որ խորհրդային տարիներին ինչ-որ չափով նիրհում էր, դարաբաղյան շարժման սկզբնավորման շրջանում կտրուկ զարթոնք ապրեց, ավելին շարժիչ ուժ դարձավ Արցախում ու Հայաստանում ապրող հայության համար, քանի որ ձևավորվեց համոզմունք այն մասին, որ Ադրբեջանի ագրեսիվ ու հայահալած քաղաքականության պայմաններում դարաբաղյան շարժումով ըստ էության ազատագրական, գոյութենական խնդիր է լուծվում: Կարևոր է նշել, որ թուրքերը և ադրբեջանցիները հայերի գիտակցության մեջ գերազանցապես ընկալվում են որպես նույն էթնիկ միավորը՝ իրենց ցեղասպանական բնութագրի դրսևորումներով: «Թուրքը մնում է թուրք», կամ «ադրբեջանցին նույն թուրքն է» արտահայտությունները տևական ժամանակային փորձություն են անցել, և դժվար է հակառակը համոզել սեփական բնօրրանից տեղահանված ու սպանդի են թարկված ժողովրդի ժառանգներին: Այս համոզմունքը հերթական անգամ ամրապնդվեց Ադրբեջանում ծավալված հակահայկական գործողություններից հետո, երբ Սումգայիթում (1988թ. փետրվարի 27–29) ու Բաքվում (1990 թվականի հունվարի 13–19) [7] կազմակերպվեցին հայկական

ջարդեր: Հայ քաղաքագիտական միտքը դրանք որակեց որպես վերոնշյալ «թշնամու կերպարին» բնորոշ ցեղասպանական ձեռագիր:

Այս համատեքստում Ադրբեջանն ինքն էլ սկսեց դարաբաղյան հակամարտությունն օգտագործել որպես միավորիչ գործոն ընդդեմ իր թշնամի երկրի՝ Հայաստանի, ժամանակ առ ժամանակ հայելային արտացոլմամբ շուտ տալով ցեղասպանության մասին հայկական թեզերը՝ այս դեպքում իբր իրագործված ադրբեջանցիների նկատմամբ: Հատկապես արցախա-ադրբեջանական շփման գոտում հրադադարի հաստատումից հետո (1994թ. մայիսի 12) այդ երկիրը ձեռնամուխ եղավ վերոնշյալ նպատակով պատմական, քաղաքագիտական հիմքեր ստեղծելու գործին՝ դրանում ներառելով գիտնականների, քաղաքագետների, չխուսափելով զեղծարարությունից, փաստերի աղավաղումից, կեղծիքներից: Ավելին, 1998թ. Ադրբեջանի նախագահի հրամանագրով մարտի 31-ը սահմանվեց որպես ադրբեջանցիների ցեղասպանության օր: Չբավարարվելով դրանով՝ արդեն 2009թ. դեկտեմբերի 30-ին Ադրբեջանի հաջորդ նախագահը ստորագրեց կարգադրություն Ղուբա քաղաքում «ցեղասպանության զոհերի հուշահամալիր» կառուցելու մասին [8]: Դրա համար հիմք ծառայեց նշյալ քաղաքի աղբանոցի տարածքում հողագործական աշխատանքների ժամանակ զանգվածային հուղարկավորման վայր հայտնաբերելը: Առանց համապատասխան մարդաբանական, ժամանակագրական և այլ փորձաքննությունների միանգամից հայտարարվեց, որ կատարված վայրագությունների հեղինակը հայերն են և դա ցեղասպանական ակտիվ կայություն է:

Ինչպես նշում է ռուս պատմաբան, քաղաքագետ Սերգեյ Մարկելոնովը, «ադրբեջանցիների ցեղասպանություն» հասկացությունը շրջանառելու նպատակը հարևան պետության կողմից ռազմական ագրեսիայի են թարկված պետության կերպար ստեղծելն էր [9]: Բրիտանացի վերլուծաբան Թոմասդը Վաալի դիտարկմամբ՝ «ադրբեջանցիների ցեղասպանության օրվա հիմնադրումը կապված է ոչ այնքան պատմության, որքան արդիականության հետ: Եթե Հայաստանը ունի ցեղասպանության զոհերի հիշատակի օր, ինչո՞ւ Ադրբեջանը չպետք է ունենա նման հիշարժան տարեթիվ» [10]:

Այս և համանման հետագա քայլերը ադրբեջանական իշխանությունների կողմից ծառայում են հայ «թշնամու կերպարն» ավելի թանձրացնելու, հագեցնելու, շինծու բովանդակությամբ լցնելու գործին:

Նշեցինք, որ միջազգային հարաբերությունների պատմությունը վկայում է, որ այդ կերպարը կարող է լինել թե՛ մտացածին, թե՛ իրական: Ադրբեջանի դեպքում «թշնամու կերպարը» իրական է, քանի որ այդ երկիրը շուրջ երեք տասնամյակ անթաքույց հայտարարում է, որ իր գլխավոր թշնամին Հայաստանն է, ավելին ամբողջ աշխարհի հայությունը:

Առհասարակ, երկու երկրների հասարակություններն էլ անթաքույց թշնամական վերաբերմունք ունեն միմյանց նկատմամբ: Այս մասին վկայում են նաև սոցիոլոգիական հարցումները: «Որն է Հայաստանի ամենաթշնամական երկիրը» հարցին պատասխանողների 75 տոկոսը նշել է Ադրբեջանը [11], 22 տոկոսը՝ Թուրքիան, իսկ Ադրբեջանում թշնամական վերաբերմունքը Հայաստանի նկատմամբ մոտենում է 100 տոկոսի:

Ի տարբերություն Հայաստանի՝ ակներև է, որ Ադրբեջանում հայատյացությունը խրախուսվում է պետական քաղաքականության մակարդակով, և այն տեղեկատվական պատերազմ վարելու հիմնական գործիքն ու գաղափարական հենքն է: Այստեղ նույնիսկ դպրոցական դասագրքերում է ուրվանշում «թշնամու կերպարը»՝ աստելություն սերմանելով ամենայն հայկականի նկատմամբ: Բերենք ասվածի մեկ օրինակ: 2008 թ. Ադրբեջանի երիտասարդության և սպորտի նախարարությունը «Տարվա պատմվածք» ճանաչեց ադրբեջանցի գրող Էլիան Ջեյնալիի «Հայը» պատմվածքը [12]: Այստեղ 65 անգամ բացասաբար է հիշատակվում հայերի կերպարը, նրանց տրվում են ամենահակակրեղի բնութագրերը՝ «արնախում», «ստոր», «երկերեսանի», «սպանել բոլոր շուն հայերին», «ողջակիզել հայ տղամարդկանց», «բռնաբարել հայ կանանց», «խեղդել հայ մանուկներին», «հայերը հրեշ են» և այլն: Եվ բացահայտ թշնամանքու հայատյացություն քարոզող այս պատմվածքը ներառված է դպրոցական ծրագրում:

Նույն խնդրի կատարմանն են լծված գիտական հաստատությունները, զանգվածային լրատվամիջոցները, պետական քարոզչությունը: Այդ երկիրը միջազգային կազմակերպություններում, համաժողովներում, տարատեսակ միջոցառումներում, փառատոններում հակահայկական քարոզչություն է ծավալում՝ տարածելով ապատեղեկատվություն, պատմական կեղծարարություն պարունակող տպագիր պարբերականներ, գրքեր, բրոշյուրներ տարածելով և այլն: Այս գործին լծված են ինչպես Ադրբեջանի դիվանագիտական կորպուսը, այնպես էլ տարատեսակ կազմակերպություններ, որոնք իրենց նպատակին հասնելու համար հսկայական ֆինանսական միջոցներ են ստանում պետությունից: Ավելին, հարևան երկիրը չի խորշում որևէ, անգամ հակաօրինական միջոցից, այդ թվում և կառավարությունների, խորհրդարանների անդամների, միջազգային կազմակերպությունների, ընկերությունների, լրատվամիջոցների ներկայացուցիչներին կաշառելուց: Ասվածի ակնհայտ դրսևորումը 2017 թվականին մեծ աղմուկ բարձրացրած՝ «Ադրբեջանական լվացքատուն» կնքված գործն է, որի վերաբերյալ հրապարակումներ ունեցավ բրիտանական հեղինակավոր «The Guardian» պարբերականը:

Ըստ պարբերականի տվյալների՝ այդ նպատակով 2012–2014թթ. փոխանցվել է 2.9 մլրդ դոլար, ինչը նշանակում է, որ ամեն օր Ադրբեջանից միջինը 3 մլն դոլար է փոխանցվել: Ընդհանուր առմամբ, արվել է ավելի քան 16.000

փոխանցում՝ տարբեր արժույթներով: Որպես միջազգային լոբբինգի մի մաս, այս գումարներից շատերն ուղղվել են քաղաքական գործիչներին և լրագրողներին՝ Ադրբեջանի նախագահի հասցեին քննադատությունները դադարեցնելու և նավթով հարուստ պետության նկատմամբ դրական վերաբերմունք ստեղծելու համար [13]:

Այս գործելակերպը միանգամայն բացատրելի է, քանի որ Ադրբեջանը աշխարհում ընկալվում է որպես ոչ ժողովրդավարական ռեժիմով երկիր՝: Ըստ այդմ՝ «Թշնամու կերպարի» ձևավորումը ավելի կառավարելի է բռնապետական-ամբողջատիրական վարչակարգերի կողմից [14], որովհետև նման երկրներում տարբեր սահմանափակումների պայմաններում հասարակությունն ավելի վերահսկելի է, հասարակական գիտակցության վրա ներգործությունը կատարվում է կենտրոնական իշխանության խողովակներով:

Ի տարբերություն Հայաստանի, որտեղ «Թշնամու կերպարը» ձևավորելիս հիմք են ընդունվում նրա հավաքական բացասական գծերը և մատնանշվում են հայկական կողմի բարոյական բարձր բնութագրերը, Ադրբեջանում պետական ու հասարակական մակարդակներով խրախուսվում ու հերոսականացվում են բռնությունը, ստորությունը, վնասարարությունը հայազգի բոլոր անձանց նկատմամբ: Բավական է հիշատակել միայն 2004թ. դեպքը, երբ Բուդապեշտում ՆԱՏՕ-ի միջազգային դասընթացներին մասնակցող հայ սպա Գուրգեն Մարգարյանին քնած ժամանակ կացնահարեց ադրբեջանցի սպան, որին հայրենիք վերադարձնելուց հետո հերոսացրին, կոչումներ ու արտոնություններ շնորհեցին:

Արցախյան 44-օրյա պատերազմի ընթացքում ևս ադրբեջանական քարոզչությունը բացահայտ հայատյացություն էր որդեգրել. շարունակ հնչում էին կոչեր ոչնչացնելու թշնամի հայերին առանց տարիքային ու սեռային խտրության: Անգամ պատերազմից գրեթե մեկ տարի անց, երբ թվում է, թե այդ երկիրը հիմնականում հասել է իր նպատակին՝ օկուպացնելով վերջին երեք տասնամյակում Արցախի տիրապետության տակ գտնվող տարածքները, չի դադարեցնում հոգեբանական և մանիպուլյատիվ տեղեկատվական գրոհը դրանք զուգորդելով սահմանային զինված սադրանքներով: Չնայած Ադրբեջա-

---

* Մարդու իրավունքներն Ադրբեջանում պարբերաբար քննադատության են ենթարկվում մի շարք միջազգային մարմինների կողմից, ինչպիսիք են ԱՄՆ-ը և դեպարտամենտը, տե՛ս 2020 Country Report on Human Rights Practices: Azerbaijan, <https://www.state.gov/reports/2020-country-reports-on-human-rights-practices/azerbaijan/>, “Freedomhouse” միջազգային իրավապաշտպան ոչ կառավարական կազմակերպությունը, <https://freedomhouse.org>, <https://www.amnesty.org/en/>, “Amnesty International” իրավապաշտպան կազմակերպությունը, <https://www.amnesty.org/> կայլն:

նի կողմից միջազգային տարբեր հարթակներում հնչեցվող խաղաղասիրական կոչերին՝ այդ երկրում այսօր էլ Հայաստանը ներկայացվում է որպես թշնամի պետություն, որի դեմ պատերազմը պետք է շարունակվի մինչև վերջնական հաղթանակ:

Հնտորեն օգտագործելով նաև հետպատերազմական շրջանում հայ հասարակության մեջ անկումային տրամադրությունները՝ թշնամի երկիրը հոգեբանական նոր ծուղակներ է գործի դնում:

Այսպիսով, պետք է եզրակացնել, որ տեղեկատվական պատերազմում գործի դրվող միջոցներն ու մեթոդները չեն ենթարկվում բարոյաէթիկական չափանիշների ու պահանջների: Դրանք ունեն հստակ նպատակ՝ համախմբել սեփական հասարակությունը, բարձրացնել հայրենասիրական ոգին, և հակառակը՝ բարոյազրկել հակառակորդի հասարակությունը, ազգային գաղափարները, արժեքները, սերմանել խուճապ և անկումային տրամադրություններ, արդարացնել անգամ բռնությունը այլն: Այս առումով «թշնամու կերպարի» կերտումը բավականին արդյունավետ քաղաքական ու քարոզչական գործիք է, ուստի մեր երկիրը այս ասպարեզում պետք է լուրջ հետևություններ անի՝ նոր փորձություններից ու ծուղակներից խուսափելու համար:

ԳՐԱԿԱՆՈՒԹՅՈՒՆ

1. Dorothy Denning, Information Warfare and Security, Addison-Wesley (1998), 522p.
2. *Почепцов Г.* Информационные войны. Новый инструмент политики, ТД Алгоритм, М., 2015, 265с., նաև՝ *Հարությունյան Գ.* Տեղեկատվական անվտանգություն, Եր.: «Նորավանք» ԳԿՀ, 2017, էջ 194:
3. *George J. Stein.* Information warfare. Airpower Journal – Spring 1995. <http://www.iwar.org.uk/iwar/resources/airchronicles/stein.htm> (հղումը՝ 10.04.2021).
4. *Кузьминская С. И.* «Образ врага» в современной политической мифологии, вестник вгу. серия: лингвистика и межкультурная коммуникация. 2016. № 3, С. 49.
5. Образ врага / сост. Л. Гудков; ред. Н. Конрадова. М.: ОГИ, 2005. СС.7–79, 334с.
6. *Элибегова А., Адибекян А.* Армянофобия в Азербайджане. <http://stophatespeech.net/razrusheniye-kulturnogo-i-istoricheskogo-naslediya-armyan.html>
7. *Мосесова Н.,* Армяне Баку: Битие и исход., Ер., 1998.
8. Распоряжение Президента Азербайджанской Республики Ильхама Алиева о создании в городе Губа «Мемориального комплекса геноцида». г. Баку, 30 декабря 2009 года [Эл. ресурс] <http://kak.znate.ru/docs/index-3035.html?page=144>
9. *Маркедонов С.* Кавказский «плачущий мужчина» <http://www.atc.az/forum/show-thread.php?t=4943>
10. Thomas De Waal Black garden: Armenia and Azerbaijan through peace and war. NYU Press, 2003. P. 97.
11. Caucasus Barometer 2019 Armenia, <https://caucasusbarometer.org/am/cb2019am/codebook/>
12. *Элибегова А., Адибекян А.* Армянофобия в Азербайджане. <http://stophatespeech.net/razrusheniye-kulturnogo-i-istoricheskogo-naslediya-armyan.html>
13. «Աղբիւրը անսակաւ լվացքատուն». 05.09.2017 <http://www.tert.am/am/news/2017/09/05/azerbajjani-laundromat/2474438>

14. Образ врага / сост. Л. Гудков; ред. Н. Конрадова. М.: ОГИ, 2005. СС. 7–79.

СОЗДАНИЕ «ОБРАЗА ВРАГА» КАК МЕТОД ПРОПАГАНДЫ В ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЕ

Н.А. Агаян

АННОТАЦИЯ

В данной статье речь идет о том, что в информационной войне используются многочисленные манипулятивные способы и средства воздействия на массовое сознание, одним из которых является создание особого мифа «образа врага». Мифологем «образа врага» имеет стереотипную структуру. Его основным компонентом является противопоставление «свои-чужие». Второй компонент – введение в массовое сознание ощущения опасности, исходящей от «чужих».

Третий компонент – необходимость прибегать к решительным действиям. Основной задачей данного мифолога является причисление политического или геополитического противника к «чужим», тем самым прививая к нему негативное отношение и настроения.

Любое государство, находящееся в реальной или незавершенной военной ситуации, в сверхзадачах своей пропаганды придает особую важность созданию «образа врага», сохраняя яркость и в нужный момент разжигая негативные эмоции общества в отношении страны-противника.

Тем самым оправдываются проявления насилия в отношении врага.

История Карабахского конфликта показывает, что с момента его возникновения мифологем «образа врага» применяется тремя вовлеченными в конфликт сторонами – властями Азербайджана, Арцаха и Армении, конечно же, с особенностями, присущими данным обществам.

«Образ врага» создается с применением ряда психологических идей и приемов. Во-первых, враг представляется как чудовищное существо, лишенное всего человеческого.

Это называется «демонизацией образа» (создание образа монстра), когда нежелательному противнику даются исключительно отрицательные характеристики и блокируется какое-либо положительное упоминание о нем. И чем хуже даваемые оценки, тем сильнее получается этот образ.

Так, в Азербайджане эта тактика применяется давно, и как в нацистской Германии мишенью были евреи, так и в этой стране держат под прицелом армян.

Формирование «образа врага» может произойти как в современную эпоху, так и в течение длительного исторического периода, когда «образ врага» передается по наследству из поколения в поколение (например, армяно-турецкие отношения).

Во втором случае основа вражды более прочная, поскольку в коллективном сознании народа бдительна память о трагических событиях прошлого. Для армянского народа – это память о геноциде 1915 года, в рамках которого турки в восприятии армян являются армяноненавистниками, направленными на геноцид, нетерпимым этническим сообществом, следовательно, и врагами. Эта память, которая в советские годы в какой-то мере была притуплена, в период начала Карабахского движения пережила резкое пробуждение, более того, стала движущей силой для армянства Арцаха и Армении, поскольку сформировалось убеждение в том, что в условиях

агрессивной и армяноненавистнической политики Азербайджана Карабахским движением, по сути, решается освободительная, экзистенциальная проблема. Важно отметить, что турки и азербайджанцы в сознании армян преимущественно воспринимаются как одна и та же этническая единица в проявлениях своей геноцидальной характеристики. Выражения «турок остается турком» или «азербайджанец – тот же турок» прошли длительное испытание, и трудно убедить в обратном потомков народа, депортированного из собственной колыбели и подвергнутого резне.

Это убеждение в очередной раз укрепились после развернувшихся в Азербайджане антиармянских действий, когда в Сумгаите (27–29 февраля 1988 года) и Баку (13–19 января 1990 года) были организованы армянские погромы. Армянская политологическая мысль охарактеризовала их как характерный для вышеупомянутого «образа врага» геноцидальный почерк: В отличие от Армении, очевидно, что армянофобия в Азербайджане поощряется на уровне государственной политики, и она является основным инструментом и идеологической основой ведения информационной войны: здесь даже в школьных учебниках очерчивает «образ врага», сея ненависть ко всему армянскому.

К выполнению той же задачи подключены научные учреждения, средства массовой информации.

Ключевые слова: образ врага, национальная безопасность, информационная война, армянофобия, пропагандические приемы.

CREATING AN “ENEMY IMAGE” AS A PROPAGANDA TRICK IN INFORMATION WAR

N. Aghayan

ABSTRACT

“Information war” is the use of all possible means of communication to destroy the desire of the enemy to fight. In this level of war, many manipulative tools and means are used to influence the mass consciousness, one of which is the creation of a myth – the “image of the enemy”. The mythology of the “enemy image” has a stereotypical structure.

The history of the Karabakh conflict shows that since its inception, the mythology of the “image of the enemy” has been used by the authorities of the three parties to the conflict – Azerbaijan, Artsakh and Armenia, of course, with the characteristics of these societies. Thus, in contrast to Armenia, where the “negative image of the enemy” is based on its collective negative features, the high moral character of the Armenian side is pointed out, in Azerbaijan at the state and public levels violence, humiliation and harm to all Armenians are encouraged and glorified.

Keywords: enemy image, national security, information war, anti-Armenianism, propaganda tricks.

DOI 10.48200/1829-0450_2021_2_41
УДК 32.327.7

Поступила: 07.05.2021г.
Сдана на рецензию: 09.05.2021г.
Подписана к печати: 04.07.2021г.

ИЗМЕНЕНИЕ ПРИОРИТЕТОВ СТРАТЕГИИ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ И ТРАНСПОРТНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ АРМЕНИИ В 2020 ГОДУ В КОНТЕКСТЕ ПОСЛЕДСТВИЙ 44-ДНЕВНОЙ АРЦАХСКОЙ ВОЙНЫ

Г.А. Назаретян

*Российско-Армянский университет
gnazaretyan@gmail.com*

АННОТАЦИЯ

В данной статье целью исследования является выявление существующих проблем внутренней и внешней энергетической и транспортной безопасности в Республике Армения, которые возникли в 2020 году, в результате начавшейся в сентябре 44-дневной Арцахской войны. В статье анализируется энергетический потенциал Арцаха и возможности его использования до войны, также обсуждаются последствия войны и вопросы безопасности, связанные с энергетическим сектором Армении. Затем, в контексте транспортной безопасности, рассматриваются угрозы, связанные с возможным Мегринским коридором.

Научная гипотеза. Необходимость изменения приоритетов Стратегии национальной безопасности Республики Армения – срочный вопрос.

Цель статьи. Целью исследования, проведенного в данной статье, является выявление основных направлений изменений энергетической и транспортной стратегии Республики Армения в контексте Арцахской войны 2020 года.

Основные задачи исследования, проведенного в данной статье:

- Изучение роли энергетической инфраструктуры Арцаха в энергетической системе РА,
- Выявление угроз, возникших в результате Арцахской войны в контексте энергетической и транспортной безопасности,
- Определение энергетической безопасности Республики Армения в контексте Арцахской войны.
- Определение приоритетов транспортной безопасности Республики Армения в контексте Арцахской войны.

Методы и методология. Основное обоснование исследования заключается в том, что индуктивная методология переходит от теоретических подходов к практическим примерам. Другими словами, существующие теории сочетаются с примерами, которые позволяют представить исследование более эмпирически. Как научные, так и общие когнитивные методы, используемые в различных науках, использовались в рамках научных исследований. В ходе исследования широко использовались такие общие методы, как абстракция, синтез, анализ, моделирование и т.д. Более того, наблюдение также поражает тем, что его результаты требуют комментариев.

Он основан на определенных теориях. Это позволило нам провести различие между существенными и несущественными аспектами исследования с целевой точки зрения.

Ключевые слова: энергетика, электроэнергетический потенциал, Республика Арцах, стратегия энергетической безопасности, транспортная безопасность, Мегринский коридор.

1. Энергетический потенциал Арцаха

Для того чтобы у государства была функционирующая система энергетической безопасности или, по крайней мере, подходящая концепция для создания системы, необходимо иметь четкие области законодательства. Другими словами, должна существовать установленная законодательная база, которая будет иметь четкие принципы и конкретные области регулирования.

В Республике Арцах есть все предпосылки, а именно: налаженная законодательная инфраструктура, строительство и развитие энергосистем, другие условия для получения дополнительных энергоресурсов, которые могут стать основой для построения соответствующей системы энергетической безопасности [1].

Еще в 2019–2020 гг. исследователь В. Давтян прогнозировал, что в среднесрочной перспективе, примерно через 5 лет, в Республике Арцах будет избыток электроэнергии, что, в свою очередь, можно рассматривать как наличие хороших возможностей и предпосылок для экспорта [2].

В советские годы Азербайджан блокировал возможность экспорта электроэнергии с территории Республики Арцах. Самой главной глобальной проблемой является непризнание Республики Арцах.

Развитие энергетического комплекса Республики Арцах следует рассматривать в контексте растущего спроса на энергоресурсы в региональном масштабе. В последние годы эта роль стала особенно важной с точки зрения энергетического коридора Север-Юг, несмотря на существующие геополитические проблемы. Однако эти геополитические проблемы создали ситуацию, в которой в настоящее время трудно предсказать ход развития региональной энергетики. Ключевой частью энергетического коридора Север-Юг может стать экспорт энергии в Армению по направлению Араджадзор-Карвачар-Зод. Это направление было одним из важнейших стратегических направлений энергетической безопасности Армении.

Согласно 4-летнему стратегическому плану, который был запущен в 2019 году, ЗАО «Арцахэнерго» планировало полностью преобразовать инфраструктуру и увеличить объем экспорта электроэнергии с целью развития высоковольтной сети. Благодаря выполненным работам, ежегодно в Республику Армения должны были поставляться 500 млн. киловатт-часов электроэнергии [3]. Проект планировалось завершить к 2023 году, но статус и перспективы такого потенциального проекта в настоящее время неясны.

Важными предпосылками для создания электрического потенциала Арцаха были доступные водные ресурсы, особенно Сарсангское водохранилище, на базе

которого была построена Сарсангская ГЭС, которая могла обеспечить 400 млн. кВтч потока.

В 2019г., по официальным данным, гидроэнергетические мощности Арцаха составляли 106 МВт, большая часть из которых следующие:

- ГЭС «Сарсанг» – 50 МВт,
- ГЭС «Трги-1» – 3 МВт,
- ГЭС «Трги-2» – 5.9 МВт,
- ГЭС «Трги-3» – 5 МВт,
- ГЭС «Матагис-1» – 4.8 МВт,
- ГЭС «Матагис-2» – 3 МВт и т.д. [4].

Крупнейшим по установленной мощности объектом в энергосистеме Арцаха является Сарсангская ГЭС, построенная в 1976г. на р. Тартар и считающаяся одной из наиболее оснащенных и эффективных ГЭС, возведенных в СССР. Главным преимуществом Сарсангской ГЭС является наличие Сарсангского водохранилища, которое при спаде спроса на электроэнергию и сокращении генерации дает возможность аккумулировать воду с ее дальнейшим использованием и резким повышением генерации даже в условиях сокращения естественного течения реки. Само водохранилище располагает объемом более чем 560 млн. куб. м. [5].

Энергетический потенциал Республики Арцах до войны 2020 года не использовался в полной мере, так как препятствия в любом случае были. Прежде всего, непризнание Республики Арцах, имеющее стратегическое значение. Другими словами, одной из гарантий энергетической безопасности Республики Арцах должно быть наличие независимой энергетической системы – инфраструктуры [6]. Последнее даст возможность стать поставщиком международных электрических коридоров. Однако структура энергетического потенциала Республики Арцах изменилась в результате боевых действий и их результатов. В итоге, и Арцах, и Армения столкнулись с определенными внешними и внутренними угрозами энергетической безопасности, которые требуют изменения стратегических действий в области энергетической безопасности путем определения приоритетов.

2. Угрозы энергетической безопасности РА в контексте последствий Арцахской войны

Говоря об энергетической значимости Южного Кавказа, следует отметить, что у Запада всегда есть какие-то дополнительные возможности для экспорта нефти и газа. Именно в этом контексте энергетическое значение региона Южного Кавказа рассматривается как часть энергетической безопасности, разработанной Западом.

44-дневная Арцахская война выдвинула ряд проблем для Армении в энергетическом секторе и для региона с точки зрения нестабильности, уязвимости в энергетическом секторе и ряда, связанных с этим проблем. В результате войны регион в целом стал рассматриваться как зона энергетической нестабильности с точки зрения уязвимости для потоков энергии. Любая война на Южном Кавказе влияет на бесперебойный экспорт энергии, нарушая трубопроводы и делая транзит небезопасным.

Помимо 44-дневной войны отметим, что в 2019 году, по данным источников Минобороны РА, в связи с эскалацией армяно-азербайджанской военной напряженности в августе, Азербайджан стремился установить контроль над автомагистралью Армения-Грузия, нанеся прямой удар по ней с оккупированных позиций армянских сил [7]. В этом случае газопровод, идущий в Армению через Грузию, перешел бы под контроль Азербайджана. А в 2020 году газопроводная сеть пострадала в июльских боях за Тавуш [8], из-за чего было прекращено газоснабжение ряда сел.

Недавняя война в Арцахе нанесла серьезный ущерб энергетической инфраструктуре Арцаха и Армении, многие из которых сейчас находятся под контролем Азербайджана. Общая сумма ущерба пока официально и полностью не представлена.

Из 36 действующих на территории Арцаха гидроэлектростанций осталось бы: четыре гидроэлектростанции в Сарсанге, Гетаване и каскаде Трги. Другими словами, из установленной общей мощности в 192 МВт на территории Армении общая мощность составляет 75 МВт. Высоковольтные линии электропередач, связывающие Арцах с Арменией, проходят по территории Лачина. Состояние построенных высоковольтных линий электропередачи в Карвачаре остается неопределенным. Гидроэнергетическое оборудование гидроэлектростанций – такие, как турбина, генератор, подстанция и т.д., было демонтировано и перевезено в Армению. Напорные трубопроводы и водозаборы этих ГЭС остались на «азербайджанской» стороне. Следует отметить, что из-за нехватки воды зимой работа ГЭС затруждена и замедляется.

После войны электроснабжение столицы Степанакерта было практически полностью восстановлено. В некоторых селах Мартунинского района по-прежнему есть проблемы с электроснабжением. В Арцахе есть места, где воздушная линия проходила через г. Шуши, сейчас ее нет. Сейчас строится новая линия. До войны Армению и Арцах соединяли две линии электропередачи напряжением в 110 кВ. Эти две линии и их трансформаторные подстанции были расположены в Шаумян-Кашатагском район. ЛЭП Шаумянского района осталась под контролем Азербайджана, а линия Кашатагского района проходит по коридору. Он почти отремонтирован, поэтому в Арцах будет импортировать электроэнергию из Армении.

В целом, существуют следующие внешние угрозы энергетической безопасности Армении:

- перебои в подаче топливно-энергетических ресурсов;
- одновременное нарушение работы газопроводов Север-Юг, особенно зимой;
- нарушение параллельной работы энергосистем Армении и Ирана и возникновение изолированной энергосистемы Армении;
- нестабильность энергетической среды в регионе Южного Кавказа, возможные ожидаемые риски;
- диверсионно-террористические действия против объектов топливно-энергетической системы.

Мы также выделили определенные внутренние угрозы, которым следует уделить внимание:

- отсутствие эффективных механизмов управления энергетическим кризисом в состоянии войны;
- высокая степень физического износа оборудования и механизмов, используемых в энергосистеме;
- срыв масштабных проектов из-за отсутствия маршрутов ввоза тяжелой техники;
- стихийные бедствия, техногенные катастрофы, войны, ЧП.

Ввиду надвигающихся угроз энергетической безопасности следует принять во внимание новое присутствие Турции в регионе Южного Кавказа после войны в Арцахе. Азербайджан также важен для системы энергетической безопасности Турции. Идея строительства нового газопровода на Южном Кавказе, стабильность Южнокавказского энергетического коридора напрямую связана с региональной безопасностью, сбалансированным решением существующих конфликтов.

3. Изменение приоритетов транспортной безопасности в контексте Второй Арцахской войны

После 44-дневной войны в Арцахе в регионе появляются новые реалии, которые могут раскрыть как новые риски, так и возможности. В то время как различные эксперты пытаются оценить возможные экономические и политические последствия общего разблокирования региональных транспортных связей перспектива восстановления транспортного сообщения из Азербайджана в Нахичевань особенно важна для Армении с точки зрения безопасности. В рамках этого анализа мы попытались понять, какие последствия после заявления от 10 ноября 2021г. возникнут для транспортных коммуникаций на Южном Кавказе, какие риски могут представлять транспортные коридоры Азербайджан-Армения-Нахичевань, а также формирование новых коридоров в конфликте интересов в данном контексте.

Пункт 9 заявления от 10 ноября, подписанного лидерами Армении, России и Азербайджана в результате недавней войны в Арцахе, целиком посвящен вопросу разблокирования экономических и транспортных связей в регионе: «9. Все экономические и транспортные связи в районе будут разблокированы. Республика Армения гарантирует безопасность транспортного сообщения для организации беспрепятственного передвижения граждан, транспортных средств и товаров в двух направлениях “Нахичеванской Автономной Республики”, западных регионов Азербайджанской Республики. Дорожный контроль осуществляется Пограничной службой ФСБ. По соглашению сторон будет обеспечено строительство новых транспортных маршрутов, соединяющих Нахичеванскую Автономную Республику и западные районы Азербайджана» [9]. Как видно из текста заявления, стороны обязались разблокировать экономические и транспортные связи региона, а у армянской стороны есть более конкретное обязательство. Последняя должна гарантировать безопасность транспортного сообщения между «районами Нахичевани» в западных регионах Азербайджана. Кроме того, российская сторона будет

контролировать транспортное сообщение на суверенной территории Республики Армения.

Разблокирование транспортно-экономических связей на Южном Кавказе на разных этапах процесса арцахского урегулирования было одним из возможных мотивов интенсификации переговорного процесса.

Как известно, с трехсторонним объявлением от 11 января 2021 года сформировалась рабочая группа по организации разблокировки транспортных маршрутов по железной дороге и в сфере автомобильного транспорта. Рассматривая возможности железной дороги, следует отметить, что блокада дорог более целесообразна (на данный момент дорога Ларс закрыта, закрытие дороги останавливает транспортировку грузов, от чего начинает падать наш курс валют, после праздников курс доллара обычно повышается). Однако одна из сторон трехстороннего заявления – Россия, которая более чем когда-либо является крупным игроком на Южном Кавказе, приняла во внимание официальное заявление МИД Марии Захаровой [10]. Прежде чем рассматривать возможные варианты железных дорог, отметим, что, согласно 9 пункту трехсторонней декларации, «Армения гарантирует безопасность транспортных сообщений при организации беспрепятственного передвижения граждан, транспортных средств и товаров в двух направлениях в западных регионах Азербайджанской Республики – Нахичеванская Автономная Республика» [11].

Есть две возможности разблокировать железную дорогу: одна – в северной части участка Иджан-Казах, а другая – на юге, на участке Нахичевань-Гадрут (показано на Карте 1). В настоящее время существует 500–600-метровый участок железной дороги Иджан-Казахстан, который можно реконструировать и ввести в эксплуатацию, а от железной дороги Нахичеван-Гадрут почти ничего не осталось [12]. В советские времена поезд отправлялся из Иджана в Баку каждый день. В поезде в основном ездили жители нынешней Тавушской области, Казахстана и Агстафинского районов Азербайджана. Ереван и Баку были связаны железной дорогой Иджан-Раздан. Столицы двух советских республик были соединены железной дорогой Ереван-Нахичеван-Мегри-Баку (построен в 1930–1940гг.) вдоль побережья Аракса, а маршрут Ереван-Раздан-Фиалетово-Дилижан-Иджан-Агстафа-Баку должен был быть перестроен. В 1971 году был сдан в эксплуатацию первый участок железной дороги Агстафа-Ереван со станцией Иджан. Вторым этапом строительства предполагалось строительство железной дороги длиной 64,2 км с общей эксплуатационной длиной 85,2 км, поезда должны были проходить через 6 туннелей – общей протяженностью около 16 км, 5 из которых – в районе Иджевана и Дилижана.

Планировалось построить более 20 мостов с большими пролетами, общая длина которых превышала 3 км, а количество больших и малых искусственных сооружений приближалось к 120. Станции должны были быть построены в Дилижане, Меградзоре, на полуострове в Лусабаце, Вургуне, Куйбиш и Фиалетово. Он так и не был построен и не введен в эксплуатацию [13].

Таким образом, как представлено, есть две возможности разблокировать железные дороги, которые необходимо рассматривать с геополитической точки зрения. Например, Иран уже много лет не соединяется железнодорожным путем с Азербайджаном через Решт-Астара. Заместитель директора РЖД Сергей Павлов подчеркнул, что в настоящее время основным препятствием для открытия коридора Север-Юг остаются участки железной дороги Решт-Астара-Чабахар-Захедан в Иране. Грузия открыла только один из восьми маршрутов, связывающих ее с Россией, наиболее опасный, чтобы постоянно контролировать поставки из России в Армению.

Карта 1. Южно-Кавказская железнодорожная сеть.

В настоящее время распространено мнение, что разблокировка региональных коммуникаций одинаково выгодна для Азербайджана, Армении и России. Отмечается, что Армения получит железную дорогу Россия-Иран, Россия-Армения-Турция, Азербайджан-Турция-Нахичевань [15].

4. Возможный Мегринский коридор как угроза безопасности

Так называемая «Мегринская версия» урегулирования Карабахского конфликта долгие годы была предметом спекуляций на армянском политическом поле. Турция активизировала проект железной дороги Карс-Игдыр-Нахичевань, и дорога из Нахичевана уже давно работает без сбоев. Это означает, что и Турция, и Азербайджан рассматривают заявление от 10 ноября не с точки зрения разблокировки Армении, а с точки зрения расширения собственных коммуникационных возможностей. Тот факт, что Турция не рассматривает возможность эксплуатации железной дороги Карс-Гюмри-Нахичевань-Мегри-Баку, а намерена создать новую дорогу в обход Армении, указывает на то, что в ближайшем будущем на Армению будет оказываться такое же давление, как и на Баку, строительство коридора в южном направлении, так и над Анкарой. В этом контексте примечательно заявле-

ние президента Азербайджана о том, что они собираются обсудить вопрос строительства железной дороги в Мегри не с армянской, а с российской стороны (российские компании) [16].

Таким образом, влияние Армении в выборе новых направлений коммуникации будет минимальным. Получается, что наиболее вероятный сценарий разблокирования региональной инфраструктуры – это эксплуатация дороги Нахичевань-Мегри-Азербайджан, затем железной дороги, что входит в интересы Азербайджана и Турции, в какой-то мере удовлетворяет интересы России, практически игнорирует интересы РА.

Пока в регионе действует система безопасности ОДКБ, опасность пантюркских планов Анкары может быть незаметной, но, учитывая сложное геополитическое положение региона, в долгосрочной перспективе это может представлять серьезную угрозу физическому существованию Республики Армения. Наконец, если основной маршрут транспортного сообщения Армения-Иран будет перенесен из Сюника в Нахичевань, то могут возникнуть серьезные экономические риски и риски безопасности для 19 южных регионов Армении. Следует отметить, что армяно-иранская граница является единственной внешней сухопутной границей между ЕАЭС и Исламской Республикой Иран, в то время, как Иран недавно подписал соглашение о свободной торговле с ЕАЭС. В результате смены направления транспортного сообщения между Арменией и Ираном возникла идея создания свободной экономической зоны Мегри, которая была создана не только исходя из армяно-иранских перспектив, но и из интересов ЕАЭС. Экономическое сотрудничество Ирана фактически потеряет свое значение.

5. Аналитика и обсуждение для приоритетов стратегий энергетической и транспортной безопасности

Благодаря нашим исследованиям стало ясно, что основным видением стратегии транспортного сектора Армении является организация безопасных перевозок. Однако только существующих стратегий и видения недостаточно, учитывая проблемы. Армения не имеет выхода к морю, имеет закрытые границы с двумя соседями, одна из которых уже находится под угрозой. Следовательно, в этом контексте следует разрабатывать стратегию и дальнейшее видение. Считаем целесообразным создать коллегиальный орган или комитет по транспортной безопасности, который будет заниматься выявлением проблем отрасли, их классификацией по срочности и разработкой соответствующих стратегий. В дополнение к вышесказанному, на наш взгляд, крайне необходимо присутствие Минтранса в Армении. Это не должно быть объединение нескольких министерств, потому что на самом деле проблемы разнообразны и очень серьезны. С точки зрения эффективного управления, министерство должно иметь соответствующие подразделения в рамках их задач и ответственности.

В контексте изменения приоритетов национальной энергетической и транспортной безопасности надо разработать новую стратегию национальной безопас-

ности с учетом возникающих энергетических и транспортных угроз. Другими словами, с учетом того, что наши границы оказались под угрозой из-за 44-дневной Арцахской войны, безопасность приграничных населенных пунктов в целом находится под сомнением; ГЭС, территории, энергетический и транспортный потенциалы были потеряны, создав основу для приоритета стратегии национальной безопасности. Это необходимо при наличии дипломатических «стратегических реалистичных планов» с четкими сроками их реализации.

На наш взгляд, важно преобразовать Министерство территориального управления Республики Армения, в рамках которого необходимо воссоздать министерства транспорта и энергетики, которые будут иметь подразделения по сфере проблем, приоритетов и срочности. Это предложение основано на том факте, что существует множество различных проблем как в транспортном, так и в энергетическом секторах, а также на необходимости изменения отраслевых стратегий. Это также связано с тем, что возникли новые угрозы, о чем было указано выше. В основе новых угроз лежит 44-дневная Арцахская война с ее последствиями – определенные политические и стратегические провалы в сферах транспорта, энергетики и энергетики Республики Армения, в частности.

В связи с самой большой угрозой транспортной безопасности – возможным Мегринским коридором, мы считаем, что необходима жесткая, сильная дипломатия, опять же в рамках интеграции. В этой связи возможно интенсификация, улучшение и совершенствование отношений с Ираном, поскольку Иран не заинтересован в существовании возможного Мегринского коридора. С этой точки зрения, существование ОДКБ и ЕАЭС можно использовать в качестве полезных рычагов. Однако сначала необходимо улучшить дипломатические, экономические и политические отношения Республики Армения с этими двумя ключевыми интеграционными объединениями. Это также ослабит влияние США в транспортном секторе Армении, что в дальнейшем усилило бы влияние западных сил в регионе.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Давтян В.* Геополитическое измерение энергетической и транспортно-логистической безопасности Армении, Ер., 2019. С. 234. С. 230.
2. Վերազինվում է Արցախի էներգետիկ համակարգը. ծրագրի արժեքը՝ 17 մլրդ. դրամ, 17.07.2020, <https://tinyurl.com/ylz2x24a>, 23.02.2021.
3. *Давтян В.* Геополитическое измерение энергетической и транспортно-логистической безопасности Армении. Ер., 2019. С. 231.
4. *Давтян В.С., Арутюнян А.Р., Самвелян Л.Э.* Особенности формирования и осуществления национальной энергетической политики НКР // 21-й век: Информационно-аналитический журнал. Ер., 2017.2 (43). С. 74.
5. ՀՀ ՊՆ-ն պաշտոնապէս հաստատեց հայկական զինուժի առաջխաղացման մասին լուրը, օգոստոս 18, 2019 13:48, <https://parstoday.com/hy/news/armenia-i110586>, 23.02.2021:
6. Տավուշի 3 գյուղում վնասվել են վերգետնյա գազատար ցանցերը. գազամատակարարումը դադարեց վաճ է, 14.07.2020, <https://armeniasputnik.am/armenia/20200714/23724739/tavush-gyux-gaz.html>, 22.02.2021.

7. Հայաստանի Հանրապետության վարչապետի, Ադրբեջանի Հանրապետության նախագահի և Ռուսաստանի Դաշնության նախագահի հայտարարությունը, 10.11.2020, <https://www.primeminister.am/hy/press-release/item/2020/11/10/Announcement/>, 27.01.2021թ.:
8. Ներկայումս տարածաշրջանում առավել հեռանկարային է երկաթուղային հաղորդակցության վերականգնումը. Զախարովա, 10.12.2020, <https://infocom.am/Article/43596>, 26.04.2021
9. Հայաստանի Հանրապետության վարչապետի, Ադրբեջանի Հանրապետության նախագահի և Ռուսաստանի Դաշնության նախագահի հայտարարությունը, 10.11.2020, https://www.primeminister.am/hy/press-release/item/2020/11/10/Announcement/?fbclid=IwAR1OP0ortFtNTgePXoP_qVXnhFYmCQwcK-arJwQA0NEZ5d0irfgrlCMMHpd0, 27.01.2021.
10. Հարավային Կովկասում հաղորդակցության ուղիների ապաշրջափակման հեռանկարը, <https://www.youtube.com/watch?v=9gIruoY1d04&t=1150s>, 28.04.2021
11. Իջևան-Հրազդան չավարտված երկաթգիծը, որ պետք է միմյանց կապեր Երևանն ու Բաքուն, <https://www.aniarc.am/2020/07/04/ijevan-hrazdan-rail-1980/>, 25.04.2021
12. <https://armnewse.com/2021/01/24/%d5>
13. Армения и Азербайджан очертили границы отношений. Карабах остался за пределами обсуждения лидеров конфликтующих стран, 13.01.2021: <https://www.kommersant.ru/doc/4640957>, 27.01.2021г.
14. Президент Ильхам Алиев: Для обеспечения удобного проезда в Шушу непременно должна быть проложена и железная дорога, 9 января 2021: <https://www.trend.az/azerbaijan/politics/3361024.html>, 27.01.2021г.

CHANGES IN THE PRIORITIES OF ARMENIA'S ENERGY SECURITY STRATEGY IN 2020 IN THE CONTEXT OF THE CONSEQUENCES OF THE 44-DAY ARTSAKH WAR

G. Nazaretyan

ABSTRACT

The purpose of studying the article is to reveal the existing internal and external energy security problems in Armenia, which appeared in 2020 as a result of the 44-day Artsakh war that started in September. The article first studies and analyzes the energy potential of Artsakh and the possibilities of its application before the war, after which the consequences of the war and the security issues related to Armenia's energy sector are discussed.

Then, in the context of transport safety, the threats related to the possible Meghri corridor are considered.

The main task of the research conducted in this article is to identify the energy and transport security priorities of the Republic of Armenia in the context of the Artsakh war.

Keywords: energy, electric power potential, Republic of Artsakh, energy security strategy, threats to energy security, RA, transport security, Meghri corridor.

DOI 10.48200/1829-0450_2021_2_51
УДК 32.019.52

Поступила: 21.10.2021г.
Сдана на рецензию: 23.10.2021г.
Подписана к печати: 20.11.2021г.

«МИРНЫЙ АТОМ» В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ)¹

С.Р. Хачикян

*Российско-Армянский университет
khachikyans@gmail.com*

АННОТАЦИЯ

В данной статье анализируется соотношение общественно-политического дискурса с реализацией программ «мирного атома». Проанализированы основные причины амбивалентного отношения к ядерной энергетике. На примере Республики Армения показано влияние общественно-политического дискурса на функционирование отрасли. В рамках исследования был проведен общественный опрос об отношении к ядерной энергетике среди армянского населения, результаты которого представлены в данной статье.

Ключевые слова: АЭС, «мирный атом», общественный дискурс, энергетика.

Ядерная энергетика за свою относительно недолгую историю стала одним из фундаментальных источников мирового энергопроизводства. «Мирный атом», возникший как продукт геополитической конкуренции в процессе «Холодной войны», стал ключевым ресурсом обеспечения военно-политической и энергетической безопасности. Наличие «мирного атома» является результатом экономического и технологического развития страны и индикатором ее успешности. Эксперты полагают, что мировое энергопотребление в ближайшем будущем продолжит умеренно возрастать по причине роста населения, повышения благосостояния населения, роста ВВП и по прочим причинам [1]. Прогноз роста энергопотребления дает базу для прогнозов эволюции основных энергетических рынков.

Производство электроэнергии на АЭС менее зависимо от изменений цен на топливо, а уран в качестве топлива используется в небольших количествах. Стоит отметить, что в 2021г. стоимость урана поднялась с локального минимума 16 августа с \$30,3 за фунт до \$44,9 на 14 сентября [2]. Многие годы стоимость урана stagnировала на уровнях не выше \$20–30 после аварии на АЭС «Фукусима» в 2011г. [3]. Повышение цен на уран обусловлено как спекулятивными, так и фундаментальными факторами – такими, как переход к экологически чистым

---

¹Исследование выполнено при финансовой поддержке Комитета по науке РА в рамках научного проекта № 21Т-2Н107.

формам энергопроизводства, снижение объемов добычи урана, повышенный интерес к атомной энергетике и прогнозы международных организаций о возрастании доли энергопроизводства АЭС.

Атомные электростанции практически не производят выбросов парниковых газов и загрязнителей воздуха в процессе эксплуатации, в отличие от энергетических объектов углеводородной отрасли, работающих на органическом топливе, запасы которого ограничены. Единственное отрицательное экологическое последствие при эксплуатации АЭС – это тепловое загрязнение, т.к. для охлаждения конденсаторов турбин нужны большие количества технической воды. Тем не менее, многие государства, в частности, Франция, где 75% электроэнергии вырабатывается на АЭС, выступают за признание данной отрасли «зеленой», то есть экологически безопасной [4].

Амбивалентность отношения к ядерной энергетике обусловлена тем, что, будучи весьма сложно организованной отраслью, она вбирает всевозможные риски. Можно выделить два основных аспекта данной отрасли, которые стали источником «страхов» общественности: проблема хранения радиоактивных отходов и отработанного ядерного топлива, а также аварии на АЭС с последующим радиационным эффектом.

Политика обращения с отработавшим ядерным топливом и радиоактивными отходами

Государства, развивающие атомную энергетику, сталкиваются с проблемой обращения с отработанным ядерным топливом (ОЯТ) и с радиоактивными отходами (РАО), которые оказывают существенное влияние на развитие ядерной отрасли. Стоит отметить, что государственная политика обращения с ОЯТ и РАО отличается по странам, обусловленный развитостью соответствующей инфраструктуры, наличием необходимых финансовых ресурсов, а также политическими, экономическими приоритетами данного государства. С целью предотвращения угроз для экологической безопасности и жизнедеятельности человека РАО нужно обрабатывать, перерабатывать, хранить, транспортировать, совершать захоронение согласно установленными международными нормами безопасности.

В последнее время наблюдается тенденция к уменьшению количества выбросов ядерных реакторов, несмотря на увеличение мощностей АЭС. Частично, это связано с техническими усовершенствованиями, частично – с введением более строгих мер по радиационной защите. Благодаря новым разработкам в сфере ядерных технологий примерно 10% использованного на АЭС ядерного топлива в мировом масштабе направляется на переработку для извлечения урана и плутония с целью повторного их использования [5]. Переработка позволяет уменьшить объемы ядерных отходов, и, соответственно, расходы на их хранение. После переработки уровень радиоактивности в отходах намного снижается. Захоронение является последней стадией ядерного топливного цикла. Таким образом, РАО должны

быть упакованы и изолированы от людей на долгосрочный период (более тысячи лет) без намерения их изъятия с соблюдением норм безопасности.

На международном уровне любые действия с ОЯТ и с РАО, получившимся в результате гражданской деятельности, регулируются Объединенной конвенцией МАГАТЭ «О безопасности обращения с отработавшим топливом и о безопасности обращения с радиоактивными отходами», благодаря которому формируется международный подход к вопросам обращения с ОЯТ и РАО, а также система взаимопомощи и обмена опыта для тех стран, которые имеют ограниченные возможности для создания соответствующих инфраструктур [6].

В 1975г. МАГАТЭ инициировал первые исследования по изучению различных аспектов международного сотрудничества по окончательной изоляции РАО. В итоге, были выделены три основные концепции захоронения:

1. Создание «многонационального пункта захоронения», что предусматривает окончательную изоляцию РАО двух или более стран, в одной общей установке, размещенной на территории т.н. «принимающей страны».

2. Создание «региональных пунктов захоронения». Данная концепция уже ограничивает число стран, т.к. предполагается установить сотрудничество на региональном уровне.

3. Создание «международного пункта захоронения», что отличается от предыдущих сценариев тем, что организация работ по захоронению РАО в такой установке поручена какой-либо международной организации, например, ООН.

Тем не менее, по созданию совместных пунктов захоронения не удалось достичь международного консенсуса, т.к. никакая страна не хотела становится «принимающей» стороной [7].

Государственная политика по вопросам обращения с РАО отличается по странам в рамках политики МАГАТЭ по обращению с РАО. В ряде стран вопрос о создании мест глубокого захоронения на долгосрочный период остается неясным по причине высокой стоимости создания пунктов захоронения. До создания установок по захоронению РАО безопасность от отходов обеспечивалась путем их временного хранения. При отсутствии установок для захоронения и в условиях задержек с вводом в эксплуатацию этих установок, многие государства для уменьшения риска рассматривают длительное хранение РАО как временное решение.

Также следует отметить, что крайне важным аспектом в реализации программ по хранению или захоронению РАО является проблема взаимодействия с общественностью. Часто экологические движения, имеющие антиядерный характер, протестуют против перевозки или хранения в своей стране радиоактивных отходов. Целенаправленное представление проблемы ядерных отходов в неблагоприятном ключе создает отрицательное общественное восприятие ядерной энергетики в целом. На информационной повестке о ядерных отходах не представляется вся сложность технологических решений проблемы обращения с РАО и ОЯТ.

Роль радиационных аварий в энергетической политике государств

Атомные аварии стали неразлучной частью и еще одной «опасной общественной метаморфозой» современной реальности – современного «общества риска». Характерной особенностью радиационных аварий является отсутствие территориальных и временных границ их последствий. Как отмечает У. Бек, «атомные электростанции – вершинные достижения производительных и творческих сил человека – после Чернобыля тоже стали знаками угрожающего нам современного Средневековья. Они несут в себе угрозы, которые превращают доведенный в современном мире до крайности индивидуализм в его экстремальную противоположность» [8].

В мировом общественном мнении, а также в энергетической политике государств отсутствует консенсус о «мирном атоме». Тем временем, как одни государства поддерживают развитие отрасли, другие отказываются от нее, видя в ней угрозу для будущих поколений. Причиной опасений в этих странах главным образом стали ядерные аварии в Чернобыле и Фукусиме, а также аварии более слабого масштаба в Три-Майл-Айленде и на ПО «Маяк».

Аварийные радиационные выбросы в окружающую среду измеряются Международной шкалой ядерных событий (INES), разработанной МАГАТЭ в 1988г. Шкала была создана для информирования населения о значимости и масштабах ядерных событий с целью соблюдения безопасности. В рамках шкалы события классифицируются по 7-ми уровням: события от 1-го до 3-его уровня называются «инцидентами», от 4-го до 7-ого – «авариями». Шкала INES применима к любому ядерному или радиационному событию, связанному с перевозкой, хранением и использованием радиоактивного материала и источников излучения и предназначена для гражданского (невоенного) использования.

Авария на Чернобыльской АЭС (1986г.) считается самой крупной радиационной аварией за всю историю атомной энергетики. Авария расценивается как крупнейшая по числу жертв, по экологическому, экономическому и геополитическому ущербу. Согласно некоторым экспертам, авария на ЧАЭС стала еще одним фактором, подтолкнувшим СССР к распаду. В атмосферу было выброшено до 380 млн. кюри радиоактивных веществ. Воздушными потоками радиоактивные частицы были заброшены также в Европу.

Чернобыльская авария нанесла серьезный ущерб репутации «мирного атома», и, как следствие, снизилась рентабельность ядерной энергетики. До сих пор многие районы Брянской, Гомельской, Могилевской и Киевской областей имеют уровни загрязнения, превышающие безопасные для жизни. Согласно существующим прогнозам, зоны отчуждения исчезнут с территории России лишь в 2049г., а зоны приоритетного отселения – лишь к 2100г. Для Беларуси, где уровень загрязнения в целом выше, эти сроки еще более отодвинуты [9].

Согласно заключению Консультативного комитета по вопросам ядерной безопасности (INSAG), причиной аварии явились крайне маловероятное сочетание

нарушений порядка и режима эксплуатации, недостатки средств безопасности конструкции и действия персонала [10]. В отчете о влиянии на здоровье чернобыльской аварии, составленный Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ), отмечается, что в 1990–1998гг. было зарегистрировано более 4000 случаев заболевания раком щитовидной железы среди тех, кому в момент аварии было менее 18 лет [11].

После Чернобыля отношение к использованию ядерной энергии изменилось в ряде европейских стран. Европейские «зеленые» начали антиядерную кампанию с лозунгом «Чернобыль – везде» с целью отказа от ядерной энергетики, получая при этом политические дивиденды. В странах, развивающих ядерную энергетику в то время – во Франции, Нидерландах, Бельгии и Великобритании, – в 1984–1986гг. мнение об использовании ядерной энергии изменилось лишь на 5%. Исключение составили ФРГ и Италия. По данным опросов, в 1986г. в ФРГ оказалось на 39% меньше сторонников атомной энергии, чем в 1984г., а в Италии – на 64% [12]. В 1987г. в Италии на всенародном референдуме большинство населения высказалось против использования атомной энергии. Планы по расширению ядерного сектора в стране были заморожены. В 1988г. был принят план по поэтапному отказу от ядерной энергетики, и до 1990г. все атомные станции страны были остановлены [13].

Ядерная авария на АЭС «Фукусима-Дайити», вызванная из-за цунами, впоследствии – сильного землетрясения, была самой тяжелой радиационной аварией после Чернобыля. Радиационная авария таких масштабов считалась невозможной у экспертного сообщества. Особенностью японского опыта было то, что японский народ не впервые столкнулся с атомной катастрофой. В рамках плана «Атом для мира» президента США Эйзенхауера Япония стала страной, развивающую ядерную энергетику как контрпример для стран третьего мира и для европейских стран. Пример Японии должен был убедить, что страна, подвергшаяся ядерной бомбардировке, безопасно развивает мирную ядерную программу. Таким образом, первые японские ядерные объекты были сконструированы американскими компаниями, в частности, компанией General Electric.

Так, изначально срок эксплуатации реактора №1 ядерной установки «Фукусима-дайити», запущенный в эксплуатацию в 1971г. и спроектированный компанией General Electric, рассчитывался на 30 лет, а затем срок был продлен еще на 10 лет. Его предполагалось вывести из эксплуатации в 2010г., но Токийская энергетическая компания (TEPCO) оказала успешное сопротивление. Эксперты знали о рисках эксплуатации ядерного объекта на раннем этапе. Так, еще в 1972г. Стивен Хануэр, официальный представитель Комиссии по атомной энергии США, отмечал, что система ограничения давления, используемая в реакторах General Electric Mark 1, представляет неприемлемый риск, и эти реакторы должны быть сняты с производства. Фукусимская авария выявила определенные недостатки в проектировании станции, в мерах аварийной готовности, в планировании управ-

ления тяжелой аварийной ситуацией. Считается, что объем радиоактивных выбросов составил до 20% от выбросов чернобыльской аварии. Не была учтена возможность одновременного возникновения аварийной ситуации на нескольких реакторах. При этом не была предусмотрена возможность ядерной аварии с сочетанием крупного стихийного бедствия в режиме абсолютного обесточивания. Таким образом, цепочка ответственности лежала на нескольких экспертных группах: сейсмологи, инженеры, крупные строительные компании, Токийская энергетическая компания (TEPCO), Агентство ядерной и промышленной безопасности (NISA) [14].

После этой аварии вопросы укрепления норм ядерной безопасности и аварийного реагирования приобрели первоочередной характер на глобальном уровне. Япония реформировала систему регулирования атомной промышленности, были усилены меры по обеспечению готовности к чрезвычайным ситуациям. Другие страны отреагировали на фукусимскую аварию, приняв существенные меры для масштабного развития своих атомно-энергетических отраслей, которые включали проведение «стресс-тестов» для переоценки конструкции АЭС с учетом экстремальных природных стихий, постоянный мониторинг и превентивные меры безопасности.

Стоит отметить, что каждая атомная авария дала толчок для усовершенствования ядерных технологий и систем безопасности АЭС. На смену реакторам первого и второго поколения приходят реакторы третьего поколения, к числу которых относятся улучшенные кипящие водяные реакторы, многопетлевые кипящие реакторы, тяжеловодные канально-корпусные реакторы и ряд других конструкций, относящийся к поколению «3+». Сегодня в мире в основном строятся реакторы поколения 2+, 3 и 3+.

Несмотря на то, что после фукусимской трагедии некоторые европейские государства заморозили мирные ядерные программы (Швейцария, Германия, Италия), остальные государства, развивающие ядерную энергетику – такие, как Россия, КНР, США, Франция, Индия, объявили о продолжении развития ядерной индустрии, применяя дополнительные меры безопасности. Такие страны, как Турция, Вьетнам, Бангладеш, ОАЭ начали присваивать и развивать ядерную энергетику. Несмотря на трагический опыт, Япония также продолжает развитие мирной атомной программы. Главными причинами такой ядерной политики являются стремление отказаться от углеводородного топлива, диверсификация национальных энергосистем, относительная независимость от поставок топлива, а также стратегическое значение «мирного атома».

«Мирный атом» в общественно-политическом дискурсе

Изначально энергия атома воспринималась как важнейшее открытие человечества и залог экономического развития. Примечательно, что одним из первых интеграционных процессов в Европе было создание Европейского сообщества по

атомной энергии (Евратом) в 1957г., так как предполагалось, что именно технологический рывок благодаря энергии атома должен был обеспечить экономическое процветание Европы. В СССР также рассматривали атомную энергию как перспективную сферу для развития народного хозяйства и наукоемкой экономики.

Ситуацию для перспектив мирной атомной энергетики серьезно ухудшили аварии на АЭСв Три-Майл-Айленде и на Чернобыльской АЭС, вызвав радиофобские настроения. В последующие десятилетия доля ядерной отрасли в структуре мирового производства энергии оставалась неизменно малой [15]. Так началась эра антиядерных общественных движений, и «мирный атом» стал восприниматься как угроза. Антиядерные движения иногда приобретали политическую подпорку, результатом чего становилось изменение энергетической политики государства, начиная с применения дискриминационной политики к атомным объектам, заканчивая полным отказом от ядерной энергетики.

Несмотря на антиядерную риторику, на период к 2020г. в мире действуют 442 ядерных реакторов с суммарной мощностью 392.6 гВт в более чем 30 странах, а еще 52 реактора с суммарной мощностью 54.4 гВт находятся на стадии строительства. Ядерная энергия в настоящее время обеспечивает около 10.2% мировой электроэнергии [16]. По прогнозам МАГАТЭ, глобальные мощности АЭС производства достигнут 792 гВт к 2050г. и удвоятся по отношению к показателю 2020г. (393 гВт). Ядерная энергия может обеспечить около 12% мировой электроэнергии к 2050г. [17].

Тем не менее, в СМИ атомная энергетика часто представляется как глобальная экологическая и техногенная угроза. Причиной неоднозначного отношения к ядерной энергетике являются поверхностные познания об атомной энергетике, которые не отражают в себе всю сложность отрасли. На самом деле, ядерная энергетика включает в себя ряд стадий, каждая из которых имеет свое проблемное поле и нуждается в отдельном изучении. При этом, существует большое разнообразие подходов к решению вопросов безопасного развития национальной атомной энергетики.

Так, исследование о будущем ядерной энергии, проведенное Массачусетским технологическим институтом в 2003г., показало, что общество достаточно скептически относится к развитию ядерного сектора. Главные проблемы развития отрасли связаны со страхом общества перед повторением крупных аварий на АЭС, возможностью терактов и нерешенностью проблемы безопасного хранения радиоактивных отходов [18]. Исследование общественного мнения Агенства ОЭСР по ядерной энергии, проведенное в 2010г. в государствах-членах, показало, что большинство респондентов (59%) считает, что возможно безопасное функционирование мирных ядерных объектов. Из остальных 31% респондентов, которые не верят в безопасность ядерной энергетики, считают наибольшими рисками в ядерной отрасли ядерный терроризм, проблема захоронения радиоактивных отходов и их злоупотребление [19].

Опрос, проведенный центром исследования общественного мнения Globe Scan в 2005г. по заказу МАГАТЭ в 18 странах, показал низкий уровень поддержки развития атомной энергетики: 34% респондентов высказались за использование имеющихся АЭС, но без увеличения их числа, 28% считали, что ядерная энергия безопасна, и поддерживали строительство новых станций, 29% полагали, что атомная энергетика является опасной, и, в целом, 59% респондентов не поддерживали строительство новых АЭС. Этот опрос показал, что европейцы испытывают беспокойство по поводу ядерной энергии больше, чем жители других регионов мира [20]. Globe Scan провел аналогичный опрос в 2011г., после Фукусимской аварии, который показал ухудшение восприятия ядерной энергетики. 39% опрошиваемых высказались за использование имеющихся АЭС, но без увеличения их числа, 30% считали ядерную энергетику опасной, 22% поддерживали строительство новых станций [21].

В США общественное мнение о развитии «мирного атома» раздвоено. Спустя четыре десятилетия после аварии на атомной электростанции Три-Майл-Айленд, американцы поровну разделяют мнение об использовании ядерной энергии в качестве источника энергии в США. Согласно опросу организации Gallup, проведенного в 2019г., 49% американцев поддерживают атомную энергетику и еще 49% выступают против [22]. Тем не менее, США являются самым крупным производителем ядерной энергии.

В Европейском союзе атомная энергетика значительно зависима от общественного настроения. При этом, атомная энергетика присутствует в 14 странах ЕС. В 2011г. ее доля в энергопроизводстве ЕС составляла около 28%. Пик антиядерных настроений в Европе приходился после 2011г. Так, опрос ВВС 2011г. показал, что доля французов, выступающих против строительства новых атомных реакторов, возросла с 66% до 83% [23]. Германия приняла решение отказа от ядерной энергетики к 2022г., а Бельгия на закрытие АЭС – к 2025г. По итогам референдума 2011г., Италия полностью отказалась от ядерной энергетики. Тем не менее, почти $\frac{1}{3}$ действующих в мире атомных реакторов приходится на ЕС. Как во многих вопросах, так и в сфере ядерной энергетики государства-члены ЕС не проявляют схожую политическую повестку и программу. Стоит отметить, что для развития чистой энергетики и декарбонизации электроэнергетики ЕС атомные проекты являются незаменимыми, и их реализация требует работы с общественностью и информирования населения ЕС об атомной отрасли и современных мерах безопасности АЭС.

В Рис.1 показано доля общественного сопротивления ядерной энергетике в 2011г., после Фукусимской аварии [24]. В данных показывается доля респондентов, которые являются либо «в некоторой степени против», либо «решительно против» ядерной энергии. В мировом масштабе 62% респондентов высказывались против ядерной энергетики, 26% которых оказались под влиянием недавней ядер-

ной катастрофы в Фукусиме. Согласно опросу, проведенному со стороны исследовательской компании Ipsos, самый высокий уровень поддержки наблюдается в Индии (61%), Польше (57%) и США (52%).

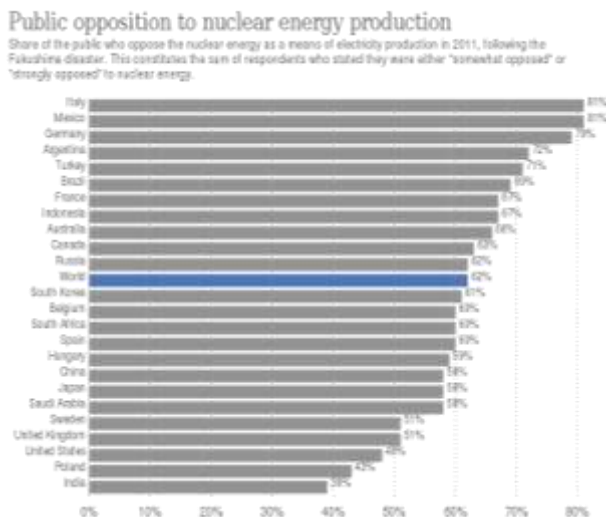

Рисунок 1. Публичная оппозиция производству ядерной энергии. Источник: Ipsos MORI.

В рамках исследования Ipsos, проведенному в 24 странах в 2011г., была оценена публичная поддержка разным отраслям энергопроизводства. 97% опрошиваемых поддержали солнечную энергетику, 93% – ветряную, 91% – гидроэлектростанции, 80% – природный газ, 48% – углеводородную энергетику, и только 38% – ядерную энергетику [25]. Несмотря на экологичность атомной энергетики, ее поддержка значительно меньше, чем в других сферах энергопроизводства.

В условиях непонимания сложности атомной энергетики, социальной приемлемости атомной энергетики способствует информационная политика отдельных государств. Правительства, независимые организации и исследовательские центры, связанные с атомным сектором, уделяют большое внимание работе с общественностью, вовлекая ее в обсуждение планов развития отрасли. Опросы показывают, что люди, хорошо информированные об атомной энергетике, в основном поддерживают ее. Так, опрос Gallup 2019г. показал, что 68% хорошо осведомленных людей значительно одобряют ядерную энергетику, и только 7% резко выступают против отрасли [26].

Так, в Японии, где существует уникальное восприятие атомной энергетики, в 1990г. правительство потратило 4 млрд. иен на формирование позитивного общественного мнения о ядерной энергетике. Новый подход предполагал работу со СМИ и с группами активистов – противниками развития ядерной энергетики [27].

Опросы обычно показывают, что пик негативного отношения к развитию атомной энергетики в Японии за последние два десятилетия приходится после Фукусимской аварии именно на 2011 г. Именно тогда получил популярность лозунг «За будущее без атомной энергетики», который со времен постфукусимских протестов используется апологетами сторонников полного отказа от ядерной энергии. После происшествия положительный общественный настрой насчет атомной энергетики опять стал постепенно расти благодаря разъяснительной работе с общественностью.

Хорошим примером подобной деятельности является госкорпорация «Росатом», которая проводит мероприятия, направленные на улучшение имиджа ядерной энергетики посредством осведомительных мероприятий, пропагандирует свою экологическую деятельность, реализует социальные проекты для жителей населенных пунктов, расположенных вблизи атомных объектов [28]. В составе госкорпорации «Росатом» действуют информационные центры по атомной энергии (ИЦАЭ), которые являются познавательными площадками в регионах и странах с ядерными объектами. Такие центры существуют в России и за рубежом, включая центры в Казахстане, Бангладеше, Турции, Белоруссии и Вьетнаме. С помощью различных мероприятий и проектов, проводимых центрами, атомная энергетика популяризируется, получает общественную поддержку. Подобная методика популяризации ядерной энергетики также направлена на привлечение новых кадров в отрасль.

Общественно-политический дискурс «мирного атома» в Армении

История развития атомной энергетики в Армении показала, что общественное мнение способно менять государственную стратегию развития энергетических отраслей. Нужно отметить, что наличие «мирного атома» в Армении содействует поддержанию политико-экономического баланса в регионе. Армянская АЭС является гарантом энергетической безопасности и независимости страны от внешних поставок энергоресурсов.

Республика Армения имеет хорошо сбалансированную электроэнергетическую систему. Энергетическая система Армении не только полностью покрывает спрос на электроэнергию на внутреннем рынке, но и имеет значительный потенциал для экспорта электроэнергии. Армения развивает ядерную энергию как один из основных источников национального энергоснабжения (30%). Ядерная энергетика для Армении имеет стратегическое значение и является одним из ведущих факторов экономической и геополитической конкурентоспособности Армении на Южно-кавказском регионе.

Армянское общество, преодолев энергетический кризис 1990-х гг., который был, в том числе, и результатом закрытия Армянской АЭС, выработало иммунитет к необоснованным требованиям закрытия АЭС. С целью исследования общественного настроения к ядерной энергетике нами был проведен открытый опрос для оценки общественного мнения среди армянской общественности в июле 2021 г.

Опрос проводился с помощью электронного анонимного анкетирования и охватил 258 респондентов. При этом, 62,6% респондентов были женщины, а 37,4% – мужчинами; 55,6% респондентов были из Еревана, 39,7% – из регионов, остальные респонденты были представителями армянской диаспоры.

На вопрос «Как относитесь к атомной энергетике?» – 70% опрошенных ответили положительно, 23% – нейтрально, и только 7% – отрицательно (Рис.2). 52,9% опрошенных считали средне вероятным возможность аварии на Армянской атомной станции, наподобие Чернобыльской, Фукусимской, и только 9,3% – высокой.

Рисунок 2. Отношение к атомной энергетике в Республике Армения.

На вопрос «Какую политику должны проводить государственные органы РА в области атомной энергетики, по вашему мнению?» – 64,2% опрошенных ответили, что нужно стимулировать развитие отрасли, что предполагает дальнейшую эксплуатацию Армянской АЭС и сооружение новых атомных электростанций, и только 7,8% ответили, что нужно отказаться от атомной энергетики (Рис. 3). Данные показывают, что в армянском обществе существует определенный консенсус по вопросу развития ядерной энергетики. При этом, 56% опрошенных поддерживают строительство новых атомных станций. Стоит отметить, что план вывода из эксплуатации Армянской АЭС был принят Правительством РА в 2007г., где подчеркивается необходимость нового ядерного энергоблока (блоков) взамен второго блока ААЭС. Согласно плану, новый блок (блоки) должен быть введен в эксплуатацию сразу после вывода из эксплуатации текущего блока с целью покрытия нехватки мощности. Для обеспечения энергетической независимости страны предпочтение отдается АЭС мощностью до 600 МВт, согласно Протоколу заседания Правительства № 54. Армения и Россия подписали межправительственное соглашение о сотрудничестве по строительству новых ядерных блоков на территории Армении. Доля инвестиций РФ будет равна стоимости ядерного острова. Ожидается, что другие расходы будут покрываться Республикой Армения или другими инвесторами [29].

Какую политику должны проводить государственные органы РА в области атомной энергетики?

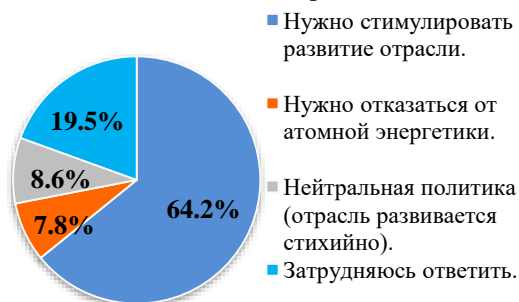

Рисунок 3. Желательная политика РА в атомной сфере согласно армянской общественности.

44,1% респондентов считают, что главным донором строительства нового блока АЭС должна стать Россия, 23,2% – Армения, 15,7% – Китай, 12,6% – Франция. Согласно Закону «Об энергетике РА» (глава 2, статья 6), «Формирование организационно-правовой и технической систем обеспечения ядерной и радиационной безопасности и контроль за их функционированием осуществляют государственные органы, уполномоченные Правительством Республики Армения. Вопросы ядерной энергетики, ее воздействия на окружающую среду и ее безопасности регулируются в соответствии с международными договорами и законодательством Республики Армения. Деятельность по производству электроэнергии, осуществляемая атомными станциями, регулируется настоящим Законом» [30]. Таким образом, допущение иностранного капитала в отрасль регулируется государственными органами РА. Присутствие мирной ядерной энергии в Армении поддерживает политико-экономическое равновесие в регионе.

Так, в «Стратегии национальной безопасности РА» 2020г. мирное развитие ядерной энергетики и, в частности, строительство новых атомных энергоблоков является первоочередной задачей в контексте обеспечения энергетической независимости и безопасности. Соответственно, в «Перспективной стратегической программе развития Республики Армения в 2014–2025гг.» одним из основных направлений развития энергетической инфраструктуры является дальнейшее развитие атомной энергетики, в частности, строительство нового атомного энергоблока, и повышение уровня безопасности второго энергоблока Армянской АЭС, и продление срока ее эксплуатации. При этом предполагается, что мощность нового атомного энергоблока составит 1000 МВт, а уровень необходимых инвестиций составит 4–5 млрд. долларов США. Несмотря на то, что в стратегических документах РА развитие атомной энергетики перечисляется среди основных задач для

развития энергетической инфраструктуры, но конкретные шаги в этом направлении не указываются, что говорит о несерьезном и неглубоком подходе государственных органов к развитию отрасли.

В процессе нашего опроса на вопрос «*Может ли возобновляемая энергетика заменить атомную электростанцию?*» 51,6% опрошенных ответили «*Возможно частично*», 27,7% ответили «*Нет*», а остальные считают возможным замену атомной энергетике возобновляемой энергетикой. Проведение опроса также показало, что в армянском обществе не проводятся разъяснительные работы для формирования глубинного понимания сферы ядерной энергетике и энергосистемы Республики в целом. Об этом свидетельствует желание 65,4% респондентов об участии в осведомительных мероприятиях об атомной энергетике в Армении. Осведомительные мероприятия могут происходить как в неформальном формате, так и в рамках школьного или вузовского образования.

В Армении проблема обращения с РАО регулируется законом «*О безопасном использовании атомной энергии в мирных целях*», которое определяет нормы транспортировки, ввоза и вывоза, хранения и захоронения РАО. Один из ключевых вопросов хранения РАО и ОЯТ является обеспечение финансовых средств для строительства хранилищ и осуществления геологических и гидрологических исследований. В Стратегии безопасного обращения с РАО и ОЯТ, принятом в 2017г., предлагалось открытие внебюджетного счета с целью аккумуляирования дополнительных средств для всех этапов безопасного обращения с ОЯТ [31]. Учитывая, что после вывода из эксплуатации Армянской АЭС, сухое хранилище АЭС будет эксплуатироваться дальше, необходимо построение таких систем, которые обеспечат безопасность от РАО при нормальной эксплуатации, а также в экстренных ситуациях.

В качестве временного хранилища РАО с низкой и средней радиационной активностью сейчас используется специальная территория, в 1,5 км дальности от главного здания Армянской АЭС. Предварительное хранение отработанного ядерного топлива осуществляется в т.н. «мокрых» бассейнах для хранения ОЯТ в реакторном зале Армянской АЭС. Для упаривания РАО на станции действует установка глубинного упаривания, но она нуждается в замене на более современную. Более современная установка уже завезена в Армению, но пока не задействована. В результате капитального ремонта по модернизации АЭС установка будет подключена к рабочим узлам станции. Стоит отметить, что установка была приобретена по российскому кредиту [32].

В сложившихся условиях, наиболее целесообразным и рациональным решением проблемы хранения РАО является организация дальнейшего вывоза ОЯТ сухопутным путем в Россию через территорию Грузии, так как неприемлема транспортировка ОЯТ воздушным путем по соображениям безопасности. Аналогичные переговоры также ведет Иран с Россией для решения проблемы РАО Бушерской АЭС. Вывоз ОЯТ позволит Армении обходиться дальше без строения дорогостоящих могильников РАО. В нынешних условиях транспортировка ОЯТ Армянской

АЭС невозможна железнодорожным путем по причине поврежденности железнодорожных инфраструктур между Россией и Грузией. Обсуждается также вариант транспортировки ОЯТ до порта Потти, откуда оно будет вывезено морским путем. Для этого нужно учитывать всевозможные технической составляющие транспортировки, а также армянская сторона должна задействовать дипломатические усилия для решения проблемы вывоза РАО на уровне глав Правительств Армении, России и Грузии.

Тем временем госкорпорация «Росатом» готова взять на переработку ОЯТ Армянской АЭС. Переговоры с российской стороной уже ведутся, и в качестве перерабатывающей компании будет выступать ПО «Маяк», который также будет обеспечивать доставку спецконтейнеров в Россию. В соответствии с российским законодательством, РАО должны быть возвращены в исходную страну, и, во всяком случае, перед Арменией стоит вопрос о дальнейшей утилизации отходов [33]. В Грузии скептически относятся к возможной транспортировке ОЯТ через их территорию, хотя перевозка таких грузов происходит в соответствии с международной практикой. Источником такого мнения является турецко-азербайджанский пропагандистский тезис об «опасности Армянской АЭС для региона» и об угрозе РАО Армянской АЭС, которые могут быть использованы как «грязное оружие» [34], что опять свидетельствует о создании отрицательного общественного дискурса об Армянской АЭС со стороны недружественных государств. Данные заявления являются беспочвенными, т.к. МАГАТЭ постоянно инспектирует и контролирует обеспечение мер физической защиты и радиационной безопасности в Армянской АЭС. Стоит отметить, что, согласно Закону Грузии «О ядерной и радиационной безопасности», регулирующий орган выдает лицензию на транспортировку ядерных материалов, радиоактивных источников и радиоактивных отходов через территорию Грузии [35].

Примечательно, что Азербайджан и Турция заявляют об Армянской АЭС как о региональном экологическом риске по причине нахождения станции в сейсмоактивной зоне. Невзирая на все заключения специалистов, в том числе МАГАТЭ, о том, что в АЭС в Мецаморе является безопасной и соответствует международным стандартам безопасности, и, несмотря на проведение модернизационных работ, повышающие безопасность станции, Турция и Азербайджан требуют ее закрытия на медийных и дипломатических площадках. Такая мотивация Турции и Азербайджана обусловлена их желанием лишить Армению статуса производителя ядерной энергетики, что дает геополитические преимущества и сохраняет энергетический суверенитет Армении.

Евросоюз также выступает за закрытие Армянской АЭС. Так, в «Комплексном и расширенном партнерском соглашении между РА и ЕС» одной из сфер сотрудничества является гражданская атомная энергетика, которая должна быть основана на стандартах МАГАТЭ и Европейского Союза, а также должно быть уделено особое внимание высоким уровням ядерной безопасности на основе между-

народного опыта. Один из требований соглашения является закрытие и безопасный вывод из эксплуатации Мецаморской АЭС и принятие в кратчайшие сроки дорожной карты или плана действий, принимая во внимание необходимость замены его новыми мощностями, чтобы обеспечить энергетическую безопасность и устойчивое развитие Республики Армения [36]. Важно отметить, что МАГАТЭ в плане оценки безопасности атомных объектов не руководствуется политическими интересами геополитических игроков и дает объективную оценку технической безопасности станций посредством инспекций по местам.

Что касается вывода из эксплуатации Армянской АЭС, немедленный демонтаж после окончательной остановки второго энергоблока после окончания срока эксплуатации, считается наиболее предпочтительной стратегией в соответствии с рекомендациями МАГАТЭ, который предлагает выбрать другую стратегию только в том случае, если немедленный демонтаж невозможен. Поскольку есть проблема нехватки средств, вариант немедленного демонтажа для Армянской АЭС неприемлем. В этих обстоятельствах предпочтительной стратегией является отсрочка демонтажа, по крайней мере, радиоактивных блоков (таких, как первый контур, корпус реактора и другое активированное оборудование) после периода безопасного хранения. При этом, стоимость немедленного демонтажа примерно на 20% дешевле, чем стоимость отложенного демонтажа. Однако стратегия отложенного демонтажа допускает более длительные затраты в течение многих лет, что облегчает финансовую нагрузку.

Выводы

- Основными источниками страхов общественности по отношению к атомной энергетике являются проблема хранения РАО и ОЯТ, а также аварии на АЭС с последующим радиационным эффектом. В последнее время наблюдается тенденция к уменьшению количества выбросов из ядерных реакторов, что связано с техническими усовершенствованиями и новыми разработками в сфере ядерных технологий, позволяющих перерабатывать отработанное топливо с целью ее повторного использования. Благодаря усовершенствованию атомных технологий АЭС на базе реакторов поколения 2+, 3 и 3+ становятся более безопасными. Несмотря на общественные страхи, по прогнозам МАГАТЭ, к 2050г. доля ядерной энергии в мировом энергопроизводстве составит около 12% (+1,8%). Развитие атомной энергетики рассматривается как один из приоритетных, экологически чистых отраслей энергетики в сценарии декарбонизации мировой энергетики.
- За последнее десятилетие, после атомной аварии на АЭС «Фукусима», наблюдался заметный рост общественного беспокойства по поводу функционирования и развития ядерной энергетики. Таким образом, можно утверждать, что будущее ядерной энергетики зависит не только от техниче-

ских и экономических факторов, но и от степени общественной приемлемости, которая играет решающую роль в формировании приоритетов энергетической политики отдельных государств, поощряя или препятствуя развитию отрасли. В условиях непонимания сложности атомной энергетики, ее социальной приемлемости способствует информационная политика отдельных государств или отдельных организаций. Осведомительные мероприятия помогают формировать объективное представление о сложной структуре атомной отрасли и об оценке ее рисков.

- В Армении общественное мнение способно влиять на формирование энергетической повестки. В настоящее время наблюдается наличие общественного консенсуса о ядерной энергетике. В ходе нашего опроса проведенный в 2021г., 70% опрошиваемых положительно относятся к ядерной энергетике. При этом наблюдается слишком поверхностное представление об отрасли, что требует проведение осведомительных работ среди армянской общественности.
- В основных стратегических документах РА ядерная энергетика представляется как один из приоритетных направлений в энергетической инфраструктуре государства. Несмотря на это, наблюдается несерьезный подход к реализации проектов развития отрасли, что проявляется в практическом отсутствии переговоров по построению новых энергоблоков.
- Турция и Азербайджан с помощью разных медийных ресурсов пытаются дискредитировать Армянскую АЭС, что укладывается в логику их враждебного отношения и территориальных устремлений по отношению к РА. ЕС тоже проводит аналогичную политику, требуя закрытия Армянской АЭС в договоре о «Комплексном и расширенном партнерском соглашении между РА и ЕС». Тем не менее, опасения данных геополитических акторов являются беспочвенными, не основываются на экспертной оценке МАГАТЭ, которая оценивает техническую безопасность АЭС посредством наблюдений по местам.
- Наиболее целесообразным видением развития отрасли является дальнейшая эксплуатация Армянской АЭС на определенный срок после завершения модернизационных работ. Стратегическая значимость отрасли требует консолидации усилий соответствующих органов власти для выявления финансовых и научных ресурсов с целью построения нового энергоблока, что станет гарантом энергетического суверенитета РА в сложной геополитической ситуации на Южном Кавказе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Прогноз развития энергетикимира и России до 2040 года. Институт энергетических исследований РАН. СС. 9–10.
2. World Energy Scenarios. Composing energy futures to 2050. World Energy Council. URL: <https://bit.ly/2ZjmwvZ>

3. «Ядерный взрыв» урана. Investing.com Россия. URL: <https://ru.investing.com/analysis/article-200285572>
4. *Жарких М.В.* Мирный атом – из XXв. в XXI в.: от оружия массового уничтожения до двигателя массового прогресса. Вестник МГИМО университета. 2012.
5. *Ключников А.А., Пазухин Э.М., Шигера Ю.М., Шигера В.Ю.* Радиоактивные отходы АЭС и методы обращения с ними, монография, ИПБ АЭС НАН Украины, 2005. СС. 26–27.
6. Объединенная конвенция о безопасности обращения с отработавшим топливом и о безопасности обращения с радиоактивными отходами. URL: <https://bit.ly/3m7c6IS>
7. Обзор зарубежных практик захоронения ОЯТ и РАО, М.: Изд-во «Комтехпринт», 2015. СС. 199–200.
8. *Бек У.* Общество риска. На пути к другому модерну. Перевод с нем. В. Седельник, Н. Федорова. М.: Прогресс-Традиция. 2000. С. 6.
9. Мирный атом XXI. Геополитика. Безопасность. Новая энергетика. Международное исследование Фонда «Посткризисный мир». ноябрь 2011 – апрель 2012. С.С. 10, 27–28.
10. Чернобыльская авария: дополнение к INSAG-1 INSAG-7. Доклад Международной консультативной группы по ядерной безопасности. Международное агентство по атомной энергии. Вена. 1993. СС. 26–28.
11. Health Effects of the Chernobyl accident and special healthcare programmes. Geneva. 2006. URL: <https://bit.ly/3nqHh1g>
12. *Watts N.* Deconstructing Chernobyl. The meaning and legacy of Chernobyl for European citizens, P. 44.
13. Атомная энергетика Италии. Журнал Италия. URL: <https://bit.ly/3nmZM6W>
14. *Pelletier Ph.* The Fukushima War. In Hérodote. Volume 146–147. Issue 3–4. 2012. PP. 277–307.
15. Ядерная технология естественной безопасности. М.: Минатом России. 2000. С. 2.
16. Energy, Electricity and Nuclear Power Estimates for the Period up to 2050. IAEA. Vienna. 2021. P. 9. URL: <https://bit.ly/3jyzm0J>
17. К 2050 году в мире удвоится производство ядерной электроэнергии: МАГАТЭ. ИАРеалист. URL: <https://bit.ly/3nufGMW>
18. *Lindell M.K., Perry R.W.* Effects of the Chernobyl accident on public perceptions of nuclear plant accident risks //Risk Analysis. Vol. 10, no. 3. 1990. PP. 393–399.
19. Public Attitudes to Nuclear Power, OECD 2010. PP. 27–34.
20. Global Public Opinion on Nuclear Issues and the IAEA Final Report from 18 Countries. Prepared for The IAEA by GlobeScan Incorporated. October, 2005. URL: <https://stanford.io/3GhOMjB>
21. Opposition to Nuclear Energy Grows: Global Poll. URL: <https://bit.ly/30PXIC1>
22. 40 Years after Three Mile Island, Americans Split on Nuclear Power. URL: <https://bit.ly/3CbTnrM>
23. Атомная энергетика ЕС: proetcontra. Энергетический бюллетень. Вып. № 6, сентябрь 2013. Аналитический центр при Правительстве РФ.
24. Strong global opposition towards nuclear power. Ipsos MORI. URL: <https://bit.ly/3b6CPz6>
25. Global Citizen Reaction to the Fukushima Nuclear Plant. June 2011 URL: <https://bit.ly/3CeSUP5>
26. Public opinion on nuclear energy: Turning a corner? NuclearNewswire. URL: <https://bit.ly/3BgkI4w>
27. *Дронишинец А.Н.* Общественное мнение о развитии ядерной промышленности в России и Японии. URL: <https://bit.ly/3junM6I>
28. *Редчигова Н.А.* Корпоративная социальная ответственность и публичная отчетность организаций атомной отрасли // Актуальные вопросы экономики и менеджмента: свежий

- взгляд и новые решения: материалы IV Всерос. науч.-практ. конф. студентов, аспирантов, молодых ученых с междунар. участием. Томск. гос. ун-тет, 2014. СС. 489–495.
29. Country Nuclear Power Profiles. Armenia. (Updated 2019). IAEA. URL: <https://bit.ly/3Ca4Odb>
  30. Закон РА «Об энергетике», принятый 07.03.2001.
  31. Стратегия безопасного обращения с радиоактивными отходами и отработавшим ядерным топливом, образующимся в РА. URL: <https://bit.ly/3GfN3eM>
  32. Отходы на Армянской АЭС будут сокращать по новой технологии // Спутник Армения. URL: <https://bit.ly/3jQJgLB>
  33. Опасные отходы и прорывная разработка «АТ-МЕТАЛС». Хранить, вывозить или самим обезвреживать? // «Голос Армении». URL: <https://bit.ly/3E2hyTE>
  34. Грузия как армянский ядерный отстойник для Мецаморской АЭС. URL: <https://bit.ly/3nhvKRW>
  35. Закон Грузии «О ядерной и радиационной безопасности». URL: <https://bit.ly/3m8Bjma>
  36. Комплексное и расширенном партнерское соглашения между РА и ЕС. URL: <https://bit.ly/3EfqRzN>

“PEACEFUL ATOM” IN THE SOCIO-POLITICAL DISCOURSE (ON THE EXAMPLE OF THE REPUBLIC OF ARMENIA)

S. Khachikyan

ABSTRACT

The paper analyzes the relationship among the socio-political discourse and the implementation of the “peaceful atom” programs. The main reason for the ambivalent attitude towards nuclear energy is analyzed. On the example of the Republic of Armenia, the influence of socio-political discourse on the functioning of the industry is shown. As a part of the research, a public survey was conducted on the attitude towards nuclear energy among the Armenian population, the results of which are presented in this paper.

Keywords: NPP, “peaceful atom”, public discourse, nuclear safety.

ՋԵՈՈՄԻԿԱ

DOI 10.48200/1829-0450_2021_2_69
УДК 336.7

Поступила: 31.07.2021г.
Сдана на рецензию: 01.08.2021г.
Подписана к печати: 06.08.2021г.

ԲԱՑԱՍԱԿԱՆ ՏՈԿՈՍԱԴՐՈՒՅՔՆԵՐԻ ԱԶԴԵՑՈՒԹՅՈՒՆԸ ՏՆՏԵՍՈՒԹՅԱՆ ՎՐԱ. ԵՎՐՈՊԱԿԱՆ ԿԵՆՏՐՈՆԱԿԱՆ ԲԱՆԿԻ ՕՐԻՆԱԿՈՎ¹

Ա. Հ. Գալստյան¹, Լ. Ա. Նաշիկյան²

*Հայ-Ռուսական համալսարան
ani.galstyan@rau.am¹, lilia.nashikyan@rau.am²*

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

Բացասական տոկոսադրույքներն ի հայտ են եկել 2007–2008թթ. համաշխարհային ճգնաժամի արդյունքում, որը զարգացած երկրներում հանգեցրեց ներդրումների և գնաճի ցածր մակարդակի: Կենտրոնական բանկերի կողմից բացասական տոկոսադրույքների քաղաքականության կիրառումը պետք է բերեր ներդրումների և սպառման աճի: Սույն հոդվածում ուսումնասիրվել են այն պատճառները, որոնք դրդել են վեց երկրների կենտրոնական բանկերին կիրառել բացասական տոկոսադրույքները: Խորապես ուսումնասիրվել է Եվրոպական կենտրոնական բանկի օրինակը: Բացահայտվել են բացասական տոկոսադրույքների կապը որոշ մակրոտնտեսական ցուցանիշների հետ՝ պարզելու համար, թե ինչպիսին են եղել բացասական տոկոսադրույքների քաղաքականության կիրառման արդյունքները: Հեղինակները եկել են եզրահանգման, որ բացասական տոկոսադրույքների քաղաքականությունն ունի երկարաժամկետ միտում, սակայն դրանց ազդեցությունը տնտեսության վրա կրում է ոչ միանշանակ բնույթ:

Հիմնաբառեր՝ բացասական տոկոսադրույքներ, մակրոտնտեսական ցուցանիշներ, ճգնաժամ:

¹ Статья подготовлена в рамках реализации научного проекта «Политика финансового регулирования в РА: оценка и перспективы развития», финансируемого за счет средств, выделенных в рамках субсидии Министерства науки и высшего образования РФ на финансирование научно-исследовательской деятельности Российско-Армянского университета.

Ներածություն

Վերջին մի քանի տասնամյակների ընթացքում համաշխարհային մակրոտնտեսական միջավայրը այնպես է փոխվել, որ լուրջ մարտահրավերներ է առաջացրել երկրների տնտեսական կայունությունն ապահովելու գործընթացներում: 2007–2008թթ. համաշխարհային ֆինանսական ճգնաժամը զարգացած երկրներում հանգեցրեց ներդրումների և գնաճի ցածր մակարդակի: Այս ամենի դեմ պայքարելու համար շատ երկրներ իրականացրեցին մեղմ դրամավարկային քաղաքականություն՝ տնտեսական աճը խթանելու և տնտեսական ակտիվությունը վերականգնելու համար: Որոշ խոշոր կենտրոնական բանկեր դիմեցին ոչ ավանդական միջոցների, այդ թվում՝ բացասական տոկոսադրույքների քաղաքականությանը, որը պետք է հանգեցնեի ներդրումների և սպառման աճի, ինչպես նաև խնայողությունների կրճատմանը: Այն տեսական հնարավորությունից վերածվեց գործնական իրականության:

Բացասական տոկոսադրույքի քաղաքականությունը, ոչ ավանդական դրամավարկային քաղաքականության գործիք է, որի դեպքում տոկոսադրույքները սահմանվում են գրոյից ցածր: Կարևոր է ընդգծել այն փաստը, որ բացասական տոկոսադրույքների հիմնական լսարանը խոշորագույն ֆինանսական հաստատությունները, կորպորացիաներն ու ներդրողներն են:

Հետճգնաժամային տնտեսությունները խնդիրներ ունեցան՝ բնակչությանը տնտեսական ակտիվությանը ներգրավման հետ, որը կապված էր ֆինանսական ճգնաժամի և խոշորագույն ընկերությունների սնանկության հետ՝ մարդիկ կորցրեցին իրենց վստահությունը ֆինանսական ինստիտուտների նկատմամբ: Ավանդների բացասական տոկոսադրույքի ներդրումը պետք է լուծեր երկրների առջև դրված այդ խնդիրները: Բացասական տոկոսադրույքների ժամանակ վարկատու կազմակերպություններն ստիպված են իրենց ռեսուրսները Կենտրոնական բանկի հաշիվներում ի պահ դնելու համար վճարում կատարել, ինչը պետք է խրախուսի վարկատու կազմակերպություններին, որպեսզի նրանք օգտագործեն այդ դրամական միջոցները հասարակությանը և ընկերություններին վարկեր տրամադրելու համար: Բանկերն իրենց ազատ դրամական միջոցները չեն պահում հաշիվներում, այլ փորձում են արագ ազատվել դրանցից, խթանելով տնտեսական աճը և գնաճը:

Ընդհանուր առմամբ, ցածր կամ նույնիսկ բացասական տոկոսադրույքների հիմնական նպատակը բանկերին և այլ ներդրողներին խրախուսելն է իրենց ազատ կապիտալը ներդնել տնտեսության մեջ, այլ ոչ թե այն տեղադրել կենտրոնական բանկերում:

Գրականության ակնարկ

Մինչև վերջերս տեսության մեջ ընդունված էր, որ տոկոսադրույքի ստորին սահմանը գրոյական մակարդակն է: Ինչպես նշում էր Հիքսը՝ «Եթե կարող ենք անտեսել փող պահելու ծախսերը, փողը պահելը միշտ ավելի շահավետ կլինի, քան պարտք տալը, եթե տոկոսադրույքը գրոյից բարձր չէ: Հետևաբար, տոկոսադրույքը միշտ պետք է դրական լինի: Ամենաձայրահեղ դեպքում ամենակարճաժամկետ դրույքաչափը, հավանաբար, մոտ կլինի գրոյի: Բայց եթե դա այդպես է, ապա երկարաժամկետ դրույքաչափը պետք է դրանից բարձր լինի, քանի որ երկարաժամկետ տոկոսադրույքը պետք է հաշվի առնի այն ռիսկը, որ կարճաժամկետ տոկոսադրույքը կարող է աճել վարկի ժամկետի ընթացքում, և պետք է նշել, որ կարճաժամկետ տոկոսադրույքը կարող է միայն բարձրանալ, այն չի կարող ընկնել» [1]:

Ինչպես իր հայտարարությունում նշել էր Ֆրանսիայի բանկի նախկին կառավարիչը՝ Նոյերը, (2016) «ցածր տոկոսադրույքների և ցածր գնաճի երկարատև համընկնումը բարդացնում է դրամավարկային քաղաքականության խնդիրների լուծման գործընթացը և վատթարացնում է փոխզիջումը գնի և ֆինանսական կայունության միջև» [2]: Ոմանք պնդում են, որ բացասական անվանական դրույքաչափերի միտումը բնական է: Hannoun-ը պնդում էր [3], որ դրամավարկային խթանը, ինչպիսին է գրոյին մոտ կամ բացասական մակարդակը, տանում է դեպի կարճաժամկետ աճի հետևյալ կերպ.

- իրական տնտեսության վարկի ավելացում;
- ակտիվների ավելի բարձր գներ;
- ներդրողներին անվտանգ ակտիվներից դեպի ավելի ռիսկային ակտիվներ ուղղորդում;
- փոխարժեքի արժեզրկում;
- գնաճի՝ դեպի վեր մղում, ենթադրյալ գնանկման սպասվող պարույրը կանխելու համար:

Գուդֆրենդը (2000), Բյուիթերը և Պանիգիրթզոլուն (2003) պնդում էին, որ անվանական տոկոսադրույքների գրոյական սահմանը կարելի է հաղթահարել՝ «փոխադրման հարկ» սահմանելով [4]: Կրուգմանը (1999) ենթադրում էր, որ երբ տոկոսադրույքները հասնում են գրոյական մակարդակի, կենտրոնական բանկերի կողմից գնաճի նպատակադրումը պետք է հակված լինի իրական տոկոսադրույքը դարձնել բացասական [5]:

Արդի ժամանակաշրջանում ավելի քան վեց կենտրոնական բանկեր ներդրել են բացասական տոկոսադրույքներ, դրանք են՝ Եվրոպական կենտրոնական բանկը, Դանիայի կենտրոնական բանկը, Շվեդիայի կենտրոնական բանկը (Riksbank), Շվեյցարիայի ազգային բանկը, Ճապոնիայի բանկը և Հունգարիայի ազգային բանկը:

Այս գործընթացները տեղի են ունեցել աստիճանաբար: Այսօր շուկաների չափազանց բարձր անկայունության ֆոնին այն սկսում է առաջընթաց արձանագրել:

Ներկայումս բացասական տոկոսադրույքները տարածված երևույթ է և տնտեսագետները ակտիվորեն քննարկում են բացասական տոկոսադրույքների հնարավոր ներդրումը ԱՄՆ Դաշնային պահուստային համակարգի կողմից: Չնայած այն հանգամանքի, որ Դաշնային պահուստային համակարգը ԱՄՆ կենտրոնական բանկը, երբեք չի սահմանել բացասական տոկոսադրույքներ, այն մոտեցել է գրեթե զրոյական տոկոսադրույքի՝ սահմանելով բազային տոկոսադրույքը 0-0,25% միջակայքերում:

Բացասական տոկոսադրույքների վերաբերյալ Տնտեսագետ-հետազոտողների կարծիքները տարանջատվում են:

Ինչպես ընդգծում են Ռենդոուն, Թակեոն և Գորդոնը [6], այս դրամավարկային գործիքի հիմնական բացասական հետևանքը՝ բանկերի շահույթի վրա ազդեցությունն է: Քանի որ շատ բանկեր սկսում են ավանդների համար փող գանձել, տվյալ միջոցների համար իրենց վճարած տոկոսադրույքի և վարկի միջոցով ստացված տոկոսադրույքի միջև տարբերությունը կարող է կրճատվել (ժամանակի ընթացքում եվրոպական բանկերը սկսեցին գանձել միջնորդավճարներ): Քննադատները մտավախություն ունեն, որ փոխառության արժեքի նվազումը, ի վերջո, կհանգեցնի «հակադարձ դրույքաչափի», որի դեպքում տվյալ քաղաքականությունը կունենա հակադարձ ազդեցություն, քանի որ բանկերը վարկերի տրամադրման ավելի քիչ պատրաստակամություն կհայտնեն:

Այս հավանական սցենարի փոխհատուցման համար ԵԿԲ-ն իրականացրեց մի շարք նպատակային միջոցառումներ բանկերի շահույթն ավելացնելու համար, ներառյալ «բազմամակարդակ» համակարգը, որը ԵԿԲ-ի մոտ պահվող փողերի մի մասը ազատեց վճարներից: Հակաազդեցություն կա նաև ֆինանսական շուկաներում. քանի որ կենտրոնական բանկերը տրամադրում են նշաձող տնտեսության բոլոր փոխառությունների ծախսերի համար, բացասական տոկոսադրույքները տարածվում են մի շարք ֆիքսված եկամտաբերությամբ արժեթղթերի վրա, այնպիսի երկների պետական պարտատոմսերը, ինչպիսիք են Գերմանիան և Մեծ Բրիտանիան, վաճառվում են բացասական եկամտաբերությամբ: Սա նշանակում է, որ ներդրողները գումար են կորցնում, եթե պարտքը պահում են մինչև մարման ժամկետը:

Oaktree Capital-ի հիմնադիր Հովարդ Մարքսն [7] իր հարցազրույցում անդրադարձավ բացասական տոկոսադրույքներին և խոսեց դրա դրական կողմերի մասին՝ նշելով, որ բացասական տոկոսադրույքի գործիքով պարտատոմսի համար վճարված գինն այսօր ավելի մեծ է, քան մարման ժամկետում վճարվող անվանական գումարը, գումարած այն միջնորդավճարը, որը

կգանձվի: Սա նշանակում է, որ եթե դուք գնում եք բացասական եկամտաբերությամբ պարտատոմս և պահում եք այն մինչև մարման ժամկետ, ապա երաշխավորված է, որ դուք գումար կկորցնեք: Այդ դեպքում ինչու՞ գնել բացասական եկամտաբերությամբ պարտատոմս: Մարքսը ներկայացնում է հետևյալ հիմնական պատճառները.

1. Ապագայի վախ (կապված ռեցեսիայի, շուկայի անկման, վարկային ճգնաժամի կամ տոկոսադրույքների հետագա իջեցման հետ, ի թիվս այլ գործոնների), ինչը ստիպում է ներդրողներին փախչել դեպի անվտանգություն, որտեղ նախընտրում են վստահ, բայց սահմանափակ վնաս կրել;

2. Այն համոզմունքը, որ տոկոսադրույքները կդառնան էլ ավելի բացասական, ինչն օգուտ կբերի սեփականատերերին, քանի որ սա նշանակում է, որ պարտատոմսերը կթանկանան (ինչպես տոկոսադրույքների ցանկացած նվազում);

3. Գնանկման սպասում, որը հանգեցնում է վերադարձված մայր գումարի գնողունակության բարձրացմանը;

4. Ենթադրություններ այն մասին, որ պարտատոմսի հիմքում ընկած արժույթը կբարձրանա ավելի, քան բացասական տոկոսադրույքը:

Մյուս կողմից Ռոզոֆը [8] նշում է՝ որպեսզի խորապես բացասական տոկոսադրույքները իրագործելի և արդյունավետ լինեն, անհրաժեշտ են մի քանի կարևոր քայլեր: Ամենակարևորը (որը ոչ մի կենտրոնական բանկ, այդ թվում՝ ԵԿԲ-ն դեռ չի արել) կանխել ֆինանսական ընկերությունների, կենսաթոշակային ֆոնդերի և ապահովագրական ընկերությունների կողմից խոշոր չափի գումարների կուտակումը: Դրան կկարողանան հասնեն կարգավորիչ միջոցառումների տարբեր համադրությունների, կենտրոնական բանկում խոշոր ավանդների դրամական միջոցների ժամանակային տարբերակված վճարների և շրջանառությունից խոշոր անվանական արժեքով թղթադրամների փուլային դուրսբերման միջոցով:

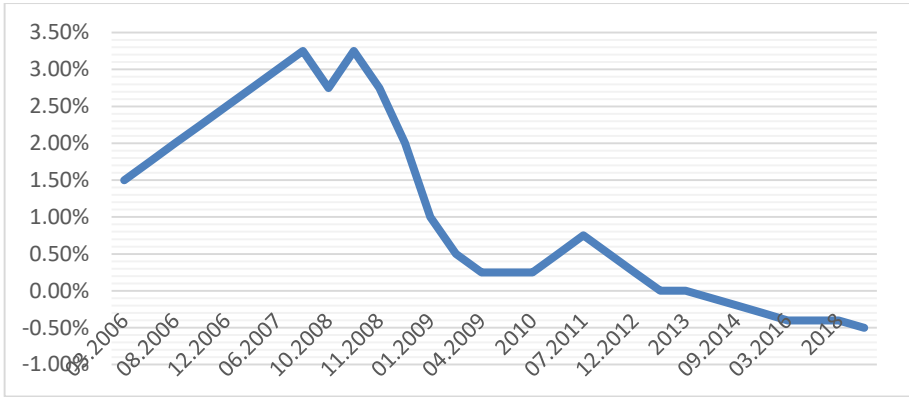
Ինչու են վերը նշված բանկերը ներդրել բացասական տոկոսադրույքներ. Դանիայի ազգային բանկը ներդրեց բացասական տոկոսադրույքները 2012թ.-ին (-0,2%)՝ դեպի երկիր կապիտալի հոսքի կրճատման և ազգային արժույթի աճը կանգնեցնելու համար: Դանիական Jyske բանկը աշխարհում առաջին բանկն է, որը հաճախորդներին առաջարկում էր հիփոթեքային վարկեր -0,5% բացասական տոկոսադրույքով: Երկրի գլխավոր բանկը՝ Nordea-ն 2019թ. [9] հայտարարեց, որ կառաջարկի 20 տարով հիպոթեկային վարկ՝ զրոյական ֆիքսված տոկոսադրույքով, այնուհետև Realkredit Danmark-ը հայտարարեց, որ կիջեցնի տոկոսադրույքները և կտրամադրի հիփոթեքային վարկ 30 տարով, տարեկան 0,5% տոկոսադրույքով: Շվեյցարիայի ազգային բանկը 2014թ. ներդրեց բացասական տոկոսադրույքը, ֆրանկը ավելի քիչ գրավիչ դարձնելու համար (- 0,75%): 1972–1978թթ. Շվեյցարիան փաստացի արդեն

օգտագործել էր բացասական տոկոսադրույքները, շվեյցարական ֆրանկի բարձր փոխարժեքի դեմ պայքարելու համար: 1972թ. հունիսին, այն ներդրեց 2%-ով եռամսյակային գանձում ոչ ռեզիդենտների ֆրանկով ավանդներից: 1973թ. նոյեմբերին ներդրվեց եռամսյակի գանձում 3%-ով, իսկ 1978թ. փետրվարին այն հասավ 10%-ի: Սակայն այս գործողությունները չփրկեցին շվեյցարական ֆրանկն ամրապնդումից: 1973թ. նոյեմբերից մինչև 1978թ. փետրվարը անվանական արտահայտությամբ այն կազմում էր 62%, իսկ իրական՝ 29% [10]: Եվրոպական կենտրոնական բանկը ներդրեց բացասական տոկոսադրույքները 2014թ. (-0.1%) [11]: Եվրոպական պարտքի ցածր կամ բացասական եկամտաբերությունը պետք է ետ մղեր օտարերկրյա ներդրողներին թուլացնելով եվրոյի պահանջարկը: Չնայած սա նվազեցնում է ֆինանսական կապիտալի առաջարկը, Եվրոպայի խնդիրը ոչ թե առաջարկն էր, այլ պահանջարկը: Ավելի թույլ եվրոն պետք է խթաներ արտահանման պահանջարկը և բիզնեսի աճը:

Շվեդիայի կենտրոնական բանկը գնանկման դեմ պայքարելու համար 2015թ.-ին անցում կատարեց բացասական տոկոսադրույքներին (-0.10%): Riksbank-ը առաջին կենտրոնական բանկն էր, որը ներդրեց բացասական տոկոսադրույքները: Առաջին անգամ, 2009թ.-ին [12], մեկ շաբաթով նա հաստատեց ավանդի բացասական տոկոսադրույք -0,25: Ճապոնիայի բանկը անցում կատարեց բացասական տոկոսադրույքներին 2016թ., [13] հիմնականում նրա համար, որ իենի ամրապնդումը վնաս չպատճառի արտահանմանն ուղղված իր տնտեսությանը (-0,1%): Այն նպատակ ուներ խրախուսել վարկատու կազմակերպություններին օգտագործել իրենց պահուստները բիզնեսին վարկ տալու համար՝ փորձելով հակազդել ճապոնիայի տնտեսական լճացմանը և խթանել տնտեսական աճը: Հունգարիայի կենտրոնական բանկը 2016թ. [14] անցում կատարեց բացասական տոկոսադրույքներին, վերը նշված նմանատիպ նպատակների համար՝ խթանել տնտեսական աճը և զսպել գնանկումը (0.05%):

Եվրոպական Կենտրոնական բանկի քաղաքականության վերլուծություն

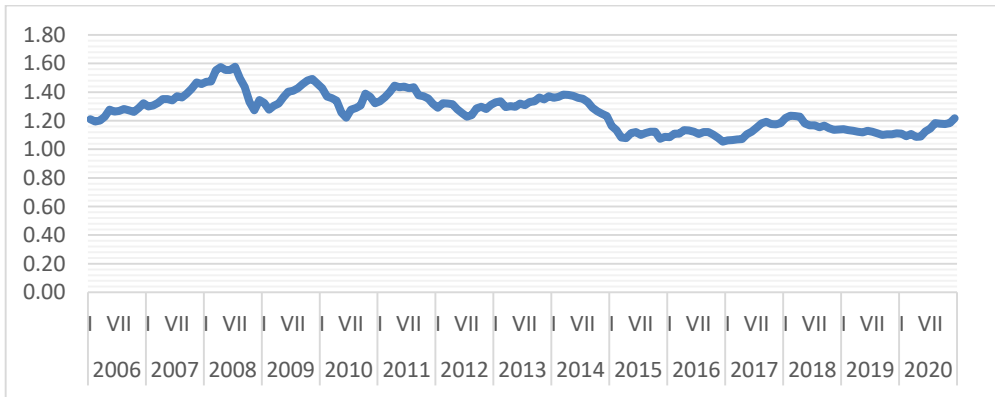
Ուսումնասիրելով Եվրոպական կենտրոնական բանկի տոկոսադրույքները՝ կարող ենք տեսնել (Նկար 1.), որ 2007–2008թթ. համաշխարհային ֆինանսական ճգնաժամի ընթացքում Եվրոհամակարգի ավանդների տոկոսադրույքները բարձրացել են, այնուհետև սկսել են իջնել:

Նկար 1. ԵԿԲ հիմնական տոկոսադրույքները (ավանդներ)

Աղբյուր՝ https://www.ecb.europa.eu/stats/policy_and_exchange_rates/key_ecb_interest_rates/html/index.en.html

Քանի որ տնտեսությունը գնում էր դեպի գերտաքացման, այդ իրավիճակից դուրս գալու համար 2006թ.-ից սկսած ԵԿԲ բարձրացրեց տոկոսադրույքները, իսկ 2009թ.-ին կտրուկ իջեցրեց, որպեսզի ակտիվացնի տնտեսությունը: 2014թ.-ից ԵԿԲ անցում կատարեց բացասական տոկոսադրույքների, ներկայումս այն -0,5 է:

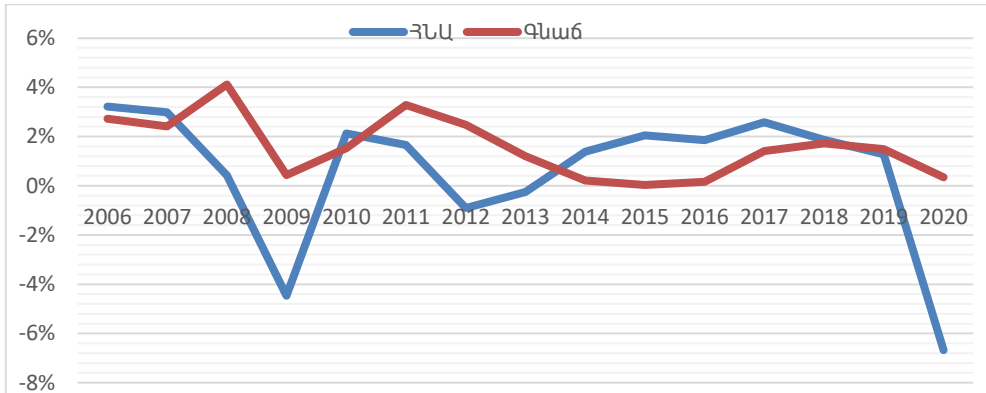
Նկար 2. Եվրո/դոլար փոխարժեքը

Աղբյուր՝ Արժույթի Միջազգային Հիմնադրամի տվյալների բազա – www.imf.org

Բացասական տոկոսադրույքը պետք է նվազեցնի ազգային արժույթի գրավչությունը, խթանելով արտահանումը և գնաճը:

Փոխարժեքի վրա բացասական տոկոսադրույքների ազդեցությունը հստակ երևում է Նկար 2-ում, դրանց ներդրումից հետո հաջորդել է եվրոյի ուժեղ արժեզրկումը: Բացասական տոկոսադրույքների ներդրումից հետո 2014թ. հուլիսից մինչ 2015թ. մարտը եվրոն արժեզրկվել է դոլարի նկատմամբ

գրեթե 30%-ով: Լինում են դեպքեր, երբ բացասական տոկոսադրույքների և արժույթի միջև կապը խախտվում է, եթե տվյալ երկրի արժույթը ներդրողների կողմից դիտարկվում է որպես ապաստարան ֆինանսական անկայունության ժամանակ, ինչպես տեղի ունեցավ իենի դեպքում, երբ բացասական տոկոսադրույքները ներդնելուց հետո, այն դոլարի նկատմամբ թանկացավ գրեթե 6%-ով:

Նկար 3. Տնտեսական աճի տեմպերը և գնաճի մակարդակը եվրագոտու երկրներում Աղբյուր՝ <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KD.ZG?locations=XC>
<https://data.worldbank.org/indicator/FP.CPI.TOTL.ZG?locations=XC>

Նկար 3-ում կարող եք տեսնել Համաշխարհային ֆինանսական ճգնաժամի հետևանքները Եվրագոտում: 2008թ.-ից սկսած ՀՆԱ-ի անկում է գրանցվում, որը շարունակվում է մինչ 2009թ., իսկ արդեն 2010թ.-ից ՀՆԱ-ն սկսում է աճել: Ինչպես նշել էինք, 2009թ.-ից ԵԿԲ կտրուկ իջեցնում է տոկոսադրույքները, որպեսզի ակտիվացնի տնտեսությունը: 2020թ. ՀՆԱ կրկին կտրուկ նվազում է, այս անգամ նվազումը կապված էր կորոնավիրուսային ճգնաժամի (COVID-19) հետ, որը ցնցեց ամբողջ աշխարհը: Ինչպես նկատում ենք, բացասական տոկոսադրույքների առկայության դեպքում էլ եվրագոտում ցածր գնաճի վտանգը մնում է, և ԵԿԲ-ի նպատակային ցուցանիշից՝ տարեկան 2%-ից զգալի տարբերվում է: ԵԿԲ նախագահ Մարիո Դրագին իր հայատարությունում նշել էր, որ գնաճի ընդհանուր տեմպի դանդաղեցումը համաշխարհային երևույթ է և դրան հակազդելը եվրագոտու տարածքում շոշափելի արդյունքներ չի տա [15]:

Եզրակացություն

Տնտեսապես զարգացած երկրների կենտրոնական բանկերի կողմից բացասական տոկոսադրույքների օգտագործումը հիմնականում ուղղված է գնանկումային գործընթացների կանխմանը, ինչպես նաև իրական հատվածի

վարկավորման խթանմանը՝ տնտեսական աճ ապահովելու նպատակով: Հաշվի առնելով ներկա տնտեսական անկայուն վիճակը՝ բացասական տոկոսադրույքները կարծես թե երկարաժամկետ միտում ունեն և ուղղված են տնտեսության աշխուժացմանը: Դրանք շարունակաբար փորձարկվում են կենտրոնական բանկերի կողմից և կարելի է պնդել, որ բացասական տոկոսադրույքները եվրագոտում բերել են եվրոյի արժեզրկման, գնաճի մակարդակի և տնտեսական աճի տեմպերի որոշակի աճի 2014-2019թթ.-ին: Այնուամենայնիվ, բացասական տոկոսադրույքների ազդեցությունը տնտեսության վրա միանշանակ չէ և տվյալ փուլում դեռ հնարավոր չէ գնահատել դրանց երկարաժամկետ կայուն ազդեցությունը:

ԳՐԱԿԱՆՈՒԹՅՈՒՆ

1. *Hicks J.R.* “Mr. Keynes and the “Classics”; A Suggested Interpretation.”// *Econometrica*. 1937. Vol. 5. No. 2. PP. 147–159. URL: http://public.econ.duke.edu/~kdh9/Courses/Graduate%20Macro%20History/Readings-1/Hicks_Mr.%20Keynes%20and%20the%20Classics.pdf
2. *Noyer C.* “Thoughts on the zero lower bound in relation with monetary and financial stability,” Farewell Symposium for Christian Noyer. Banque de France, 12 January, 2016.
3. *Hannoun, H.* Ultra-low or negative interest rates: What they mean for financial stability and Growth. Paper presented at Eurofi High-Level Seminar, Riga, Latvia, 22 April 2015. Available online: <http://www.bis.org/speeches/sp150424.pdf> (accessed on 24 April 2017).
4. *Krugman P.* The Return of Depression Economics. New York: W.W. Norton. Goodfriend, Marvin. 2000. Overcoming the Zero Bound on Interest Rate Policy. *Journal of Money, Credit and Banking* 32: 1007–35.
5. *Buiter W., Panigirtzoglou N.* Overcoming the zero bound on nominal interest rates with negative interest on currency: Gesell’s solution. *The Economic Journal* 113: 723–46, 2003.
6. Negative Interest Rates, By Jana Randow, Yuko Takeo, and Paul Gordon <https://www.bloomberg.com/quicktake/negative-interest-rates>
7. Oaktree's Howard Marks on Negative Rates <https://www.oaktreecapital.com/docs/default-source/memos/mysterious.pdf>
8. Аргументы в пользу глубоко отрицательных процентных ставок / Кеннет Рогофф, <https://banks.am/ru/news/interviews/19208>
9. Самый дешевый кредит: в Дании начали выдавать ипотеку на 20 лет под 0%, <https://www.forbes.ru/finansy-i-investicii/381427-samyu-deshevyu-kredit-v-danii-nachali-vydavat-ipoteku-na-20-let-pod-0>
10. *Meggyesi P, JP Morgan:* Reflections on negative interest rates in Switzerland. June 1, 2010 (Эл/ресурс). Режим доступа: <https://snbchf.com/snb/2013-snb/reflections-on-negative-interest-rates-in-switzerland/> (дата обращения: 27 апреля 2016г.).
11. How Negative Interest Rates Work, <https://www.investopedia.com/articles/investing/070915/how-negative-interest-rates-work.asp>
12. *Dougherty C.* Negative Interest Rates in Sweden? *The New York Times*. October 1, 2009 (Электронный ресурс). Режим доступа: http://economix.blogs.nytimes.com/2009/10/01/negative-interest-rates-in-sweden/?_r=0 (дата обращения: 27 апреля 2016г.).
13. Japan adopts negative interest rate in surprise move, <https://www.bbc.com/news/business-35436187>

14. Hungary takes emergency steps to shore up businesses, liquidity against coronavirus, <https://www.reuters.com/article/health-coronavirus-hungary-centralbank-idUSL8N2B97KN>
15. Процентные ставки в еврозоне не повысятся еще минимум год, <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2019/06/06/803611-stavki-evrozone-god>
16. База данных Международного валютного фонда, www.imf.org

ВЛИЯНИЕ ОТРИЦАТЕЛЬНЫХ ПРОЦЕНТНЫХ СТАВОК НА ЭКОНОМИКУ. НА ПРИМЕРЕ ЕВРОПЕЙСКОГО ЦЕНТРАЛЬНОГО БАНКА

А.Г. Галстян, А.Л. Нашикян

АННОТАЦИЯ

За последние несколько десятилетий глобальная макроэкономическая среда изменилась таким образом, что возникли серьезные проблемы в обеспечении экономической стабильности стран. 2007–2008 гг. мировой финансовый кризис в развитых странах привел к низкому уровню инвестиций и инфляции. Чтобы бороться со всем этим, многие страны проводили мягкую денежно-кредитную политику, чтобы стимулировать экономический рост и восстановить экономическую активность. Некоторые крупные центральные банки прибегли к политике нетрадиционных мер, включая отрицательные процентные ставки, которые должны были привести к увеличению инвестиций, потребления и сбережений. Это превратилось из теоретической возможности в практическую реальность.

Политика отрицательных процентных ставок нетрадиционный инструмент денежно-кредитной политики, при котором процентные ставки устанавливаются ниже нуля. Можно выделить тот факт, что основной аудиторией отрицательных процентных ставок являются крупнейшие финансовые институты, корпорации и инвесторы.

В посткризисных экономиках возникли проблемы с вовлечением населения в экономическую деятельность из-за финансового кризиса и банкротства крупных компаний, люди утратили доверие к финансовым институтам. Введение отрицательной процентной ставки по депозитам должно было решить эти проблемы. В случае отрицательных процентных ставок кредиторы должны будут платить за размещение своих ресурсов в Центральном банке, что должно побудить кредиторов использовать деньги для кредитования населения и компаний. Банки не хранят свободные средства на своих счетах, а стараются быстро избавиться от них, стимулируя экономический рост и инфляцию.

В целом, основная цель низких или даже отрицательных процентных ставок побудить банки и других инвесторов вкладывать свой свободный капитал в экономику, а не размещать его в центральных банках.

Более шести центральных банков ввели отрицательные процентные ставки: Европейский центральный банк, Центральный банк Дании, Центральный банк Швеции (Riksbank), Национальный банк Швейцарии, Банк Японии и Национальный банк Венгрии.

Эти процессы происходили постепенно. Сегодня, на фоне крайне высокой нестабильности рынка, она начинает прогрессировать.

Отрицательные процентные ставки сейчас широко распространены, экономисты активно обсуждают возможное введение отрицательных процентных ставок Федеральной резервной системой США. Несмотря на то,

что Федеральная резервная система США, никогда не устанавливала отрицательные процентные ставки, она приблизилась к почти нулевой процентной ставке, установив базовую процентную ставку в диапазоне 0–0,25%.

Изучая процентные ставки Европейского центрального банка, мы видим, что в 2007–2008 гг. во время мирового финансового кризиса процентные ставки по депозитам в еврозоне росли, а затем начали падать.

Поскольку экономика нагрелась до перегрева, ЕЦБ повысил процентные ставки в 2006 году, чтобы выйти из этой ситуации, а в 2009 году резко снизил их, чтобы стимулировать экономику. С 2014 года ЕЦБ перешел на отрицательную процентную ставку, сейчас она составляет –0,5%.

Отрицательная процентная ставка должна снизить привлекательность национальной валюты, стимулируя экспорт и инфляцию.

Было рассмотрено влияние отрицательных процентных ставок на обменный курс. После введения отрицательных процентных ставок в 2014 году с июля по 2015 г., следовало сильное обесценивание евро. В марте евро обесценился по отношению к доллару почти на 30%. Бывают случаи, когда «валютная» связь между отрицательными процентными ставками разрывается, если валюта данной страны рассматривается инвесторами как убежище от финансовой нестабильности, как это произошло в случае с иеной, когда отрицательная процентная ставка выросла почти на 6% к доллару.

Также было рассмотрено влияние мирового финансового кризиса на еврозону. Падение ВВП наблюдается с 2008 года, которое продолжается до 2009 года, а уже в 2010 году ВВП начинает расти. Как мы уже упоминали, с 2009 года ЕЦБ резко снижает процентные ставки, чтобы активизировать экономику. 2020 г. ВВП снова резко падает, на этот раз из-за кризиса с коронавирусом (COVID-19), потрясшего весь мир. Даже при наличии отрицательных процентных ставок риск низкой инфляции в еврозоне сохраняется, что существенно отличается от целевого показателя ЕЦБ в 2% в год. Президент ЕЦБ Марио Драги в своем заявлении заявил, что замедление инфляции – глобальное явление и противодействие ему в рамках еврозоны не даст заметных результатов..

Использование отрицательных процентных ставок центральными банками экономически развитых стран в основном направлено на предотвращение дефляционных процессов, а также на стимулирование кредитования реального сектора для обеспечения экономического роста. Принимая во внимание текущую нестабильную экономическую ситуацию, отрицательные процентные ставки, похоже, имеют долгосрочную тенденцию, они направлены на оживление экономики. Можно утверждать, что отрицательные процентные ставки в еврозоне привели к девальвации евро, уровню инфляции, некоторому увеличению экономического роста в 2014–2019 годах. Однако влияние отрицательных процентных ставок на экономику неоднозначно, на данном этапе пока невозможно оценить их долгосрочное устойчивое влияние.

Ключевые слова: отрицательные процентные ставки, макроэкономические показатели, кризис.

THE EFFECT OF NEGATIVE INTEREST RATES ON THE ECONOMY. THE CASE OF EUROPEAN CENTRAL BANK*A. Galstyan, L. Nashikyan***ABSTRACT**

Negative interest rates appeared in 2007–2008, as a result of the global crisis, which led to low investment and inflation in developed countries. The application of a policy of negative interest rates by central banks should have led to an increase in investment and consumption.

This article examines the reasons that prompted the central banks of six countries to apply negative interest rates. The example of the European Central Bank is examined in detail. The association of negative interest rates with some macroeconomic indicators was identified in order to determine the results of the application of the policy of negative interest rates. The authors concluded that the policy of negative interest rates has a long-term trend, but their impact on the economy is ambiguous.

Keywords: negative interest rates, macroeconomic indicators, crisis.

DOI 10.48200/1829-0450_2021_2_81
УДК 336.02, 336.7

Поступила: 23.07.2021г.
Сдана на рецензию: 02.08.2021г.
Подписана к печати: 05.08.2021г.

ՄԱԿՐՈՏՆՏԵՍԱԿԱՆ ԿԱՐԳԱՎՈՐՄԱՆ ՓՈՐՁԸ ՎԵՆԵՍՈՒԵԼԱՅՈՒՄ

*Է.Մ. Մանդրյան¹, Ա.Բ. Եղիազարյան¹, Մ.Հ. Ոսկանյան¹, Ա.Հ. Գալստյան¹,
Գ.Ա. Գրիգորյան²*

*Հայ-Ռուսական համալսարան¹, Grigoryan and Partners LLC²
edward.sandoyan@rau.am, armenyeghiazaryan2@gmail.com,
mariam.voskanyan@rau.am, ani.galstyan@rau.am, gagik.a.grigoryan@gmail.com*

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

Վենեսուելայի տնտեսությանմեջ 1976թ.-ից սկսած եղել են որոշ կարևոր իրադարձություններ, որոնցից են՝ 1976թ.-ին նավթարդյունաբերության ազգայնացումը, 1983թ.-ին վճարային հաշվեկշռի ճգնաժամը, ազգային արժույթի արժեզրկում, կապիտալի շարժի սահմանափակումները, 1986թ.-ին դեֆոլտը, 1994թ.-ին բանկային ճգնաժամը, 2016թ.-ին հիպերինֆլյացիան: Հողվածի նպատակն էր բացահայտել մակրոտնտեսական կայունության, տնտեսական աճի, ինչպես նաև տնտեսական ճգնաժամի ժամանակաշրջանում Վենեսուելայի կառավարության և կենտրոնական բանկի կողմից իրականացված քաղաքականությունը և դրա արդյունավետությունը: Հետազոտության արդյունքում եզրահանգում կատարվեց, որ կառավարության չափազանց միջամտությունը տնտեսության տարբեր ոլորտներում, ներառյալ կարևորագույն ոլորտների ազգայնացումը և անվստահությունը մասնավոր հատվածի նկատմամբ խարխիլեցին տնտեսական զարգացումը և տնտեսությունը հասցրեցին տևական խորը ռեցեսիայի և անհաղթահարելի հիպերինֆլյացիայի:

Հիմնաբառեր՝ մակրոտնտեսական կարգավորում, հարկաբյուջետային քաղաքականություն, դրամավարկային քաղաքականություն:

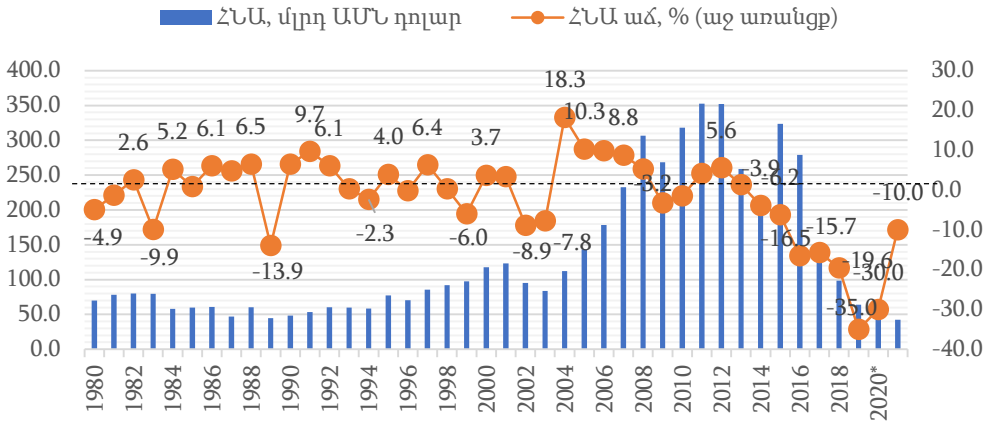
Վենեսուելայում 1976թ.-ին ազգայնացվեց *նավթարդյունաբերությունը* [1]: Սակայն անգամ ազգայնացման մասին խոսակցությունների սկիզբն արդեն իսկ ազդեց ոլորտի արդյունավետության վրա: Այսպես, 1960–1970թթ.-ին նավթի արտադրությունն աճեց 30%-ով, իսկ աշխատուժի արտադրողականությունն աճեց 125%-ով, մինչդեռ 1970–1980թթ.-ին նավթի արդյունահանումը նվազեց 41%-ով, իսկ աշխատուժի արտադրողականությունը՝ 59%-ով: Բացի այդ, ազգայնացման արդյունքում հսկայական քանակությամբ դրամական միջոցներ սկսեցին բաշխվել տնտեսության մեջ ոչ թե շուկայական ուժերի, այլ պետական պաշտոնյաների և նրանց մշակած քաղաքականությունների

միջոցով՝ այդպիսով զգալի ազդեցություն ունենալով հարկաբյուջետային քաղաքականության վրա: Հաշվի առնելով, որ երկրի պետական բյուջեի զգալի մասը ձևավորվում էր նավթային եկամուտներից՝ տնտեսական աճի տեսանկյունից չափազանց կարևոր էր այդ խոշոր դրամական միջոցների բաշխման արդյունավետությունը:

Եվ վերջապես, լինելով հիմնովին նավթային տնտեսություն՝ Վենեսուելան չափազանց խոցելի դարձավ արտաքին ցնցումների համար՝ նավթի գների տատանողականության տեսանկյունից: Սակայն նավթի միջազգային գների տատանումների արդյունքում առաջացած արտաքին ցնցումները տնտեսությանը փոխանցվում են ոչ թե նավթարդյունաբերության ոլորտում տատանումների միջոցով, այլ հարկաբյուջետային քաղաքականության միջոցով: Վենեսուելայում օրենսդրորեն ամրագրված է, որ նավթարդյունաբերության ոլորտի բոլոր արտարժույթային եկամուտները պետք է մատակարարվեն Կենտրոնական բանկին՝ ազգային արժույթի դիմաց: Միննույն ժամանակ, ոլորտում կիրառվող հարկերը նվազագույն մարժայի հնարավորություն են թողնում:

Պետության կողմից ակտիվ միջամտությունը տնտեսությանը առավել սրվեց Ուգո Չավեսի կառավարման տարիներին, ում օրոք հիմք դրվեց սոցիալիստական քաղաքականությանը և իրականացվեցին հիմնականում պոպուլիստական տնտեսական քաղաքականություններ [2]: Տարիներ շարունակ նավթի վաճառքից ստացված բարձր շահույթը կառավարությանը թույլ էր տալիս զգալի միջոցներ ծախսել տարբեր ծրագրերի վրա: Մոդելի հիմքում պետական ծախսերն էին առանց որևէ սահմանափակման և պետության ներկայությունը տնտեսության բոլոր ոլորտներում: Ազգայնացման գործընթացներն [3] այնպիսի ոլորտներում, ինչպիսիք են ածխաջրածինները, արդյունահանումը, մետաղագործությունը, ցեմենտը, բանկային հատվածը և կապը, ինչպես նաև կարգավորման ռեժիմը ազդեցին բիզնեսի ակտիվության վրա և խոչընդոտներ ստեղծեցին մասնավոր ներդրումների համար:

Դիտարկելով ՀՆԱ դինամիկան (Նկ. 1), կարելի է նկատել որ զգալի տնտեսական անկում է եղել 1983թ.-ին, 1989թ.-ին, 1999թ.-ին և 2002-2003թթ.-ին: 2000-ականների սկզբից Վենեսուելան ունեցել է ինչպես եկամտի զգալի և կայուն աճի ժամանակահատված, այնպես էլ տևական տնտեսական անկման ժամանակաշրջան:

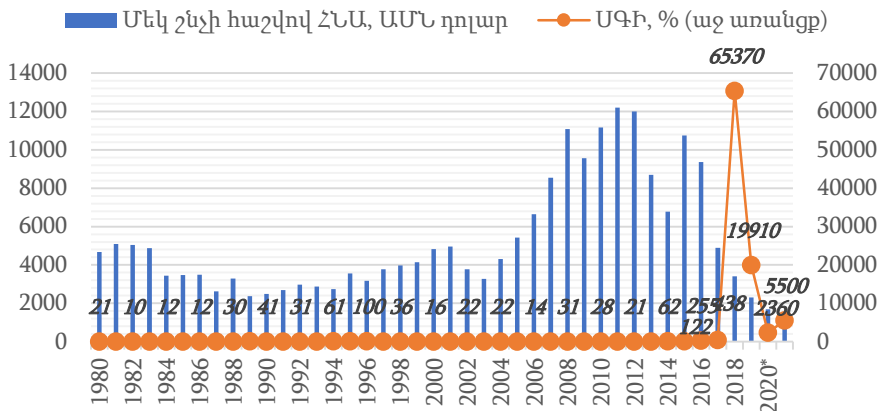
Նկ. 1. ՀՆԱ և տնտեսական աճի տեմպերը Վենեսուելայում

* կանխատեսում

Աղբյուր՝ IMF Database - <https://www.imf.org/>

Վենեսուելայի տնտեսությունը ցուցադրել է զգալի տնտեսական աճ հատկապես 2004թ.-ից 2012թթ.-ի ընթացքում, որին հետևել է 2016թ.-ի հիպերինֆլյացիան և 16.5% տնտեսական անկումը, որը շարունակվում է մինչ օրս:

Վենեսուելան Հարավային Ամերիկայի այլ երկրների համեմատ ունի մի առանձնահատկություն՝ մինչև 2016թ.-ը տնտեսական անկումը ուղեկցվում էր համեմատաբար մակրոտնտեսական կայունությամբ: Ինչպես տեսնում ենք մինչև 1988 թ.-ը գնաճը չէր գերազանցում 30%-ը, իսկ դրանից հետո գրեթե միշտ բարձր էր 30%-ից, սակայն կառավարելի էր: Ինչին հաջորդեց ավելի քան 500% գնաճը 2016թ.-ին (Նկ. 2):

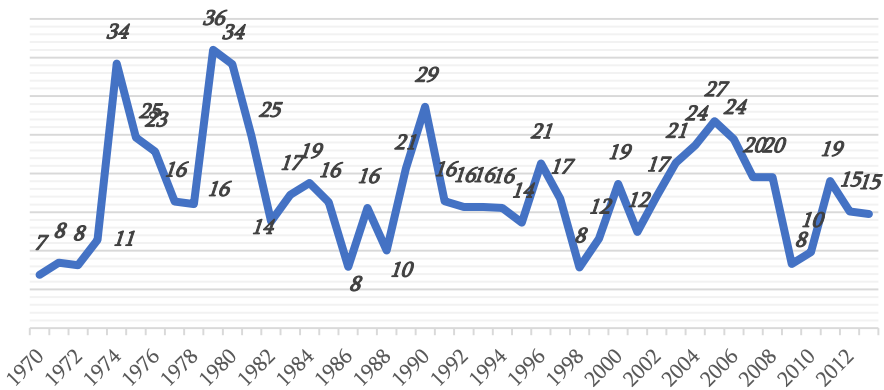
Նկ. 2. Գնաճը և մեկ շնչի հաշվով ՀՆԱ-ն Վենեսուելայում

* կանխատեսում

Աղբյուր՝ IMF Database - <https://www.imf.org/>

Վերջին 5 տարիներին Վենեսուելան, Հարավային Ամերիկայի այլ տնտեսությունների պես, գրանցում է հիպերինֆլյացիա, որի արդյունքում ձևավորվում է պետական բյուջեի զգալի պակասուրդ (Նկ. 7), որը, արտաքին վարկավորման բացակայության պայմաններում, ֆինանսավորվում է *սենյորաժով և գնաճի հարկով*: 1980թ.-ից մինչև 2020թ.-ն ընկած ժամանակահատվածում սենյորաժը պետական բյուջեի ֆինանսավորման հիմնական աղբյուրն էր, մինչդեռ ներքին և արտաքին պետական պարտքը ֆինանսավորման զգալի մասն է կազմել միայն որոշ ժամանակահատվածներում: Մինևույն ժամանակ անհրաժեշտ է նշել, որ պետական եկամուտների միջինում մոտ 60%-ը ձևավորվում էին նավթային եկամուտներից (Նկ. 3):

Վերջին չորս տասնամյակների ընթացքում Վենեսուելայում փոխարժեքի շուկայի հիմնական առանձնահատկությունն այն է, որ *արտարժույթի մեծ մասի մատակարարումը գտնվում է կենտրոնական բանկի վերահսկողության տակ*, քանի որ պետական նավթային ընկերությունն օրենքով պարտավոր է *կենտրոնական բանկին վաճառել արտարժույթային եկամուտները*՝ համարժեք ազգային արժույթի ստացման դիմաց: Այսպես, մինչև 1989թ.-ը Վենեսուելայում գործում էր հաստատագրված փոխարժեքի ռեժիմ, որին հետևեց լողացող փոխարժեքի ռեժիմը մինչև 1992թ.-ը:

Նկ. 3 *Նավթային եկամուտները ՀՆԱ նկատմամբ, %, Վենեսուելա*

Աղբյուր՝ World Bank Database - <https://databank.worldbank.org/>

1989-1992թթ.-ին երկրում տեղի ուներ ազգային արժույթի զգալի արժեզրկում, բարձր գնաճ և տնտեսական անկում: Նաև կարելի է ասել սա միակ ժամանակահատվածն է Վենեսուելայի վերջին տասնամյակների պատմության մեջ, երբ կիրառվել են բավականին հաջող տնտեսական քաղաքականություններ: Տնտեսական քաղաքականության իրականացման հիմնական սահմանափակումն այն էր, որ նոր կառավարությունը նախորդ կառավարու-

թյունից ժառանգեց բավականին անմխիթար վիճակում գտնվող տնտեսություն. իրացվելի միջազգային պահուստների կրիտիկական ցածր մակարդակ, ֆիսկալ և ընթացիկ հաշիվների մեծ պակասություն, մակրոտնտեսական անկայունություն: Այս իրավիճակից դուրս գալու և բարեփոխումների իրականացումը իրատեսական դարձնելու համար Վենեսուելան համաձայնագիր ստորագրեց Արժույթի միջազգային հիմնադրամի հետ և 1990թ.-ին սկիզբ դրվեց տնտեսական բարեփոխումների ծրագրին: Վերջինս նախատեսում էր պարտքի վերակազմավորում և արտաքին պարտքի զգալի կրճատում՝ մոտ 30%-ով, պարտքի մարման ժամկետի երկարացում և տոկոսների ցածրացում:

Վենեսուելայի կառավարությունը որդեգրեց «ցնցման ռազմավարություն»՝ իր կարճաժամկետ կայունացման միջոցառումները հնարավորինս արագ իրականացնելու համար: Նախևառաջ անցում կատարվեց լողացող փոխարժեքի արժույթային ռեժիմի, ինչի արդյունքում բոլիվարն արժեզրկվեց 170%-ով: Միևնույն ժամանակ կառավարության կողմից հանվեց գնային հսկողությունը և տոկոսադրույքների սահմանափակումները: Արդյունքում տոկոսադրույքները զգալիորեն աճեցին 13%-ից հասնելով 35%-ի: Պետական բյուջեի պակասուրդի կրճատման նպատակով կրճատվեցին կառավարության ներդրումները գրեթե ամբողջությամբ՝ 1988թ.-ին ՀՆԱ 3.2%-ից հասնելով 0.1%-ի 1989թ.-ին:

Նոր կառավարությունը փորձեց վերացնել արտաքին առևտրի ռեժիմի աղավաղումները, տնտեսության գրեթե բոլոր ոլորտները բացել մասնավոր ներդրումների համար, մասնավորեցնել որոշ պետական կազմակերպություններ, վերակազմավորել այլ ձեռնարկությունները, բարելավել սոցիալական ծառայությունների մատուցումը, բարձրացնել ֆինանսական հատվածի կարգավորման արդյունավետությունը, սահմանափակել պետական պարտքի կուտակումը, բարձրացնել էներգակիրների գները, հանել գերպաշտպանված գյուղատնտեսական հատվածի սուբսիդիաների մեծ մասը, բարեփոխումներ իրականացնել հարկային համակարգում [4]:

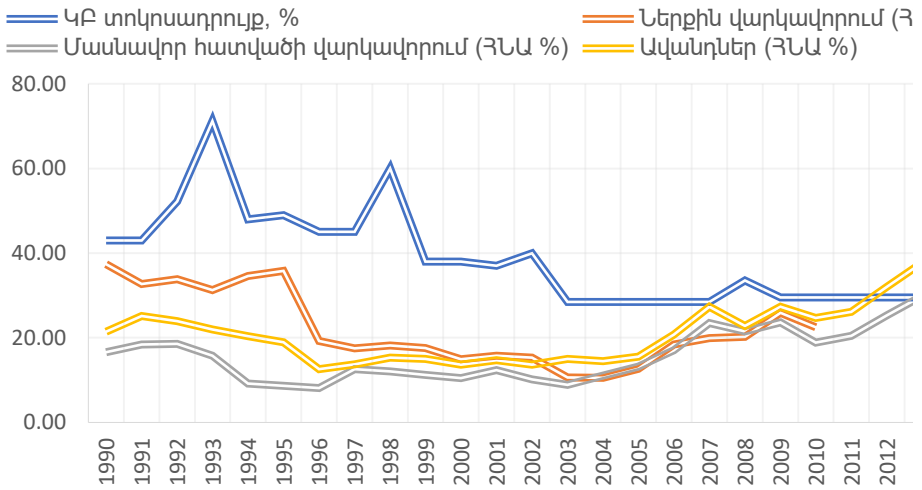
Ազգային արժույթի արժեզրկման և գնաճի զսպման նպատակով ԿԲ-ը կիրառում էր բավականին բարձր տոկոսադրույքներ, որոնք 1998թ.-ին սահմանվեցին 60% (Նկ. 4): Միևնույն ժամանակ ԿԲ-ը կատարում էր ուղղակի ինտերվենցիաներ արժույթի շուկայում՝ վատնելով իր միջազգային պահուստները: Ավելին, անարդյունավետ բանկային վերահսկողության և թույլ քաղաքական ինստիտուտների հետևանքով 1994թ.-ին տեղի ունեցավ բանկային ճգնաժամ, որը բերեց նաև 2.3% տնտեսական անկման:

Պետական բյուջեի դեֆիցիտը կառավարությանը ստիպեց կիրառել խիստ սահմանափակումների ծրագիր, որը ներառում էր պետական բյուջեի կրճատում 10%-ով: Միևնույն ժամանակ իրականացվեց նաև հարկային համակարգի բարեփոխում և ստեղծվեց հարկային վարչարարության նոր

գործակալություն (SENIAT): Կառավարությունը նաև բացեց նավթային արդյունաբերության հատվածը օտարերկրյա ներդրումների համար, ինչի արդյունքում հնարավոր դարձավ ավելացնել նավթի արդյունահանման ծավալն օրական 2.6 միլիոնից մինչև 3.3 միլիոն բարել: 1996թ.-ին կառավարության կողմից մշակվեց տնտեսական ծրագիր [5], որը ներառում էր այնպիսի միջոցառումների իրականացում, ինչպիսիք են վառելիքի ներքին գների բարձրացումը, տոկոսադրույքների ազատականացումը, լոդացող փոխարժեքի ռեժիմի հաստատումը, ընթացիկ և կապիտալ գործարքների սահմանափակումների վերացումը, գնային սահմանափակումների վերացումը (բացառությամբ դեղերի) և սոցիալական անվտանգության ցանցի ամրապնդումը:

1997թ.-ի ասիական ֆինանսական ճգնաժամի հետևանքով նավթի գները կտրուկ նվազեցին՝ ստիպելով Վենեսուելայի կառավարությանը զգալիորեն կրճատել պետական ծախսերը: 1999թ.-ին երկրում կրկին տեղի ունեցավ տնտեսական անկում: 1999թ.-ին ձևավորվեց նոր կառավարություն, որը սկսեց կիրառել ավելի սոցիալ-դեմոկրատական տնտեսական քաղաքականություն, քան իր նախորդները, օգտագործելով պոպուլիստական մոտեցումներ նավթային ֆոնդերի նկատմամբ, որոնք էլ ավելի մեծացրեցին Վենեսուելայի տնտեսության կախվածությունը նավթի գներից [6]: Հավատարիմ մնալով իր պոպուլիստական ուղղվածությանը՝ 1999թ.-ին ձևավորված նոր կառավարությունն ավելացրեց սոցիալական ծրագրերի ծախսերը, ինչի հետևանքով ձևավորվեց պետական բյուջեյի պակասուրդ:

2002–2003թթ.-ին երկրում տեղի ունեցավ զգալի տնտեսական անկում՝ նավթի գների կրճատման հետևանքով: Ճգնաժամն էլ ավելի վատացավ 2002թ.-ին տեղի ունեցած հեղաշրջման փորձի և դրան հաջորդող գործադուլի հետևանքով: Անկման գործոնների շարքին կարելի է դասել նաև երկրից կապիտալի արտահոսքը և օտարերկրյա ներդրումների ցածր մակարդակը: 2003թ.-ին հաստատվեց լոդացող արժույթային փոխարժեքի ռեժիմը՝ արտահանման խթանման և սահմանափակ միջազգային պահուստների վրա ճնշումների վերացման նպատակով: Մա հնարավորություն տվեց, որ գերարժևորված բուլիվարի փոխարժեքը որոշվի շուկայի կողմից: Արդեն 2004թ.-ին ՀՆԱ-ն վերականգնվեց իր նախկին մակարդակին:

Նկ. 4. Տոկոսադրույքները, վարկերն ու ավանդները Վենեսուելայում:

Աղբյուր՝ World Bank Database - <https://databank.worldbank.org/>, IMF Database - <https://www.imf.org/>

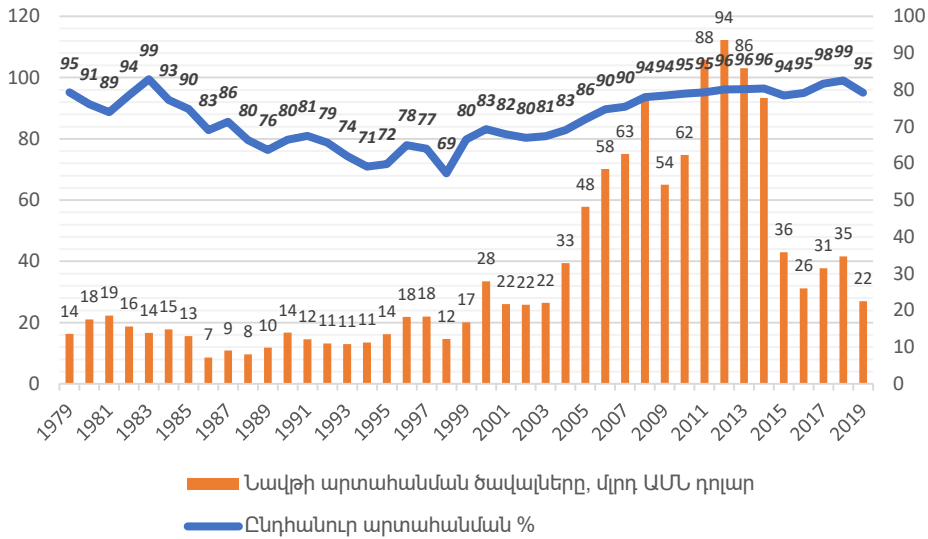
2004թ.-ից հետո դիտարկված զգալի տնտեսական աճը պայմանավորված էր նշված ժամանակահատվածում նավթի պատմականորեն բարձր գներով, ինչի շնորհիվ երկիրը վայելում էր անհամեմատ մեծ եկամուտներ: Այնուամենայնիվ, նշված տարիներին Վենեսուելայում սկսեց գործել կիսաավտորիտար և ծայրահեղ պոպուլիստական ռեժիմ [7]: Նման ռեժիմներն ունեն բնորոշ առանձնահատկություններ, որոնք ազդում են տնտեսական կառավարման վրա: Նախ, իշխող կուսակցությունը կազմակերպում է ընտրություններ, որոնց կանոնները խախտում է՝ ընդունելի արդյունքների ապահովման համար: Երկրորդ, գործող իշխանությունը քայքայում կամ վերացնում է այն ինստիտուտները, որոնք հավակնում են ազդել իր իշխանության և ուժի վրա: Երրորդ, իշխող կուսակցությունը միջոցները բաշխում է պարտիզանական ձևով՝ նվիրելով հսկայական անհաշիվ միջոցներ իր հետևորդներին և զրկելով դրանցից իր թշնամիներին: Եվ վերջապես՝ գործող ռեժիմի թշնամանքը մասնավոր հատվածի նկատմամբ: Այս ամենի համակցությունը տնտեսությանը տանում է դեպի կործանում: Այսպես, Չավեսը նավթային եկամուտները հիմնականում օգտագործում էր պոպուլիստական քաղաքականության իրականացման համար՝ ստեղծելով այսպես կոչված «Բոլիվարյան առաքելությունները» ուղղված հանրային ծառայությունների մատուցմանը (օրինակ սնունդ, առողջություն, կրթություն և այլն) տնտեսական, մշակութային և սոցիալական պայմանների բարելավման համար: Նման քաղաքականությունները ներառում էին հարստության վերաբաշխում, հողային բարեփոխումներ, տնտեսական ակտիվության ժողովրդավարացում՝ աշխատավայ-

ըում ինքնակառավարման և աշխատակիցներին պատկանող կողպերատիվների ստեղծման միջոցով [8]: Իրականացվող սոցիալական միջոցառումների շնորհիվ աղքատության մակարդակը կրճատվեց 1999թ.-ին 42.8%-ից մինչև 27.2% 2012թ.-ին:

Հաշվի առնելով գնաճի տեմպերը, կառավարությունը *գների սահմանափակումներ* կիրառեց շուրջ 400 ապրանքների նկատմամբ, ինչի արդյունքում շուկայում առաջացավ բազմաթիվ ապրանքատեսակների պակասուրդ [9]: Դրան հաջորդեց 12 առաջնային ապրանքների (կաթ, բրինձ, ձեթ, սուրճ, շաքարավազ, և այլն) նկատմամբ *արտադրության նվազագույն քանակի սահմանումը* [10]: Այնուամենայնիվ ազատ լողացող փոխարժեքի բացակայության պարագայում նշված քաղաքականությունը հանգեցրեց անխուսափելի պակասուրդի, քանի որ *ներմուծման նկատմամբ կիրառվում էր սահմանափակում*: Կառավարության կողմից *սահմանափակումներ էին կիրառվում նաև արտահանման վրա*, հատկապես սննդի ոլորտում՝ ստիպելով արտադրողներին վաճառքն իրականացնել կառավարության կողմից սահմանված միջազգայինից ցածր գներով [11]: Մյուս կողմից 2009թ.-ին համարելով, որ կառավարության կողմից սահմանված ցածր գների հետևանքով բրինձ արտադրողները նվազեցրել են առաջարկը՝ որոշում կայացվեց վերահսկողության տակ վերցնել ոլորտը և բրնձի գործարաններին ստիպել աշխատել իրենց ամբողջական արտադրական հնարավորությամբ [12]: Արդյունքում մի շարք սննդամթերքի արտադրողներ աշխատում էին զգալի վնասներով:

Ինչ վերաբերում է հարկային համակարգին, ապա այստեղ նույնպես տեղի են ունեցել որոշակի փոփոխություններ: 2007թ.-ի վերջին երկու ամիսների ընթացքում իրավաբանական անձանց միջև բանկային գործարքների համար սահմանված էր 1.5% հարկ, որի նպատակն էր զսպել գնաճը՝ կլանելով ավելցուկային իրացվելիությունը (շուրջ 433 մլն ԱՄՆ դոլար) [13]: Հաշվի առնելով նավթի միջազգային գնի նվազումը 2009թ.-ին, կառավարության կողմից նույն թվականի մարտին բարձրացվեց ԱԱՀ-ի հարկման դրույքը բարձրացվեց 3 տոկոսային կետով՝ հասնելով 12%-ի [14]: Իսկ 2009թ.-ի հոկտեմբերին որոշում կայացվեց հարկել ծխախոտի և ալկոհոլի ոլորտը՝ դրանց սպառման նվազեցման նպատակով [15]:

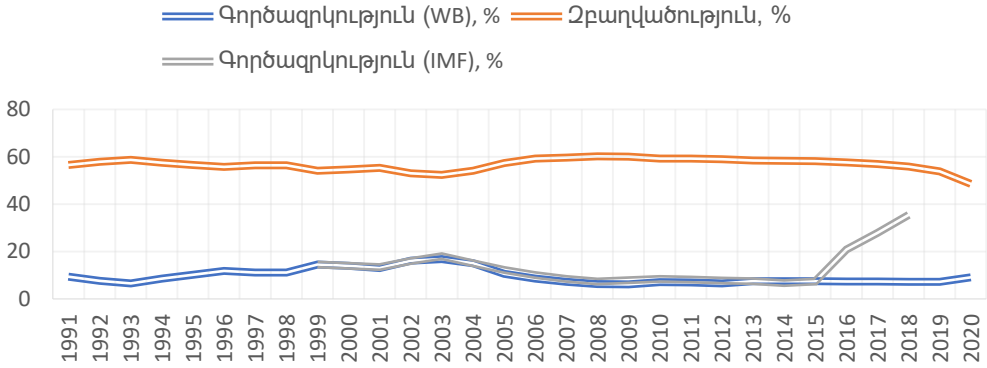

Նկ. 5. Նավթի արտահանումն ընդհանուր արտահանման նկատմամբ, %, Վենեսուելա
 Աղբյուր՝ OPEC Annual Bulletins - <https://www.opec.org/>

2014թ.-ին Վենեսուելայում տեղի ունեցավ 3.9% տնտեսական անկում, որին հաջորդեցին էլ ավելի խորը անկման տարիները: Այսպես, 2014թ.-ի հոկտեմբերին Վենեսուելայի նավթի գները հասան վերջին 4 տարիների ընթացքում նվազագույն մակարդակին՝ 77 ԱՄՆ դոլար: Նման կտրուկ իջեցման հետևանքով վերանայվեց 2015թ.-ի բյուջեն, որտեղ նավթի գները հաշվարկվեցին 60 ԱՄՆ դոլար, նախկին միջինում 100 դոլարի փոխարեն [16]: Սակայն նավթի գները էլ ավելի կտրուկ նվազեցին, քան կանխատեսել էին Վենեսուելայում՝ 2015թ.-ին հասնելով միջինում 41.1 ԱՄՆ դոլարի, իսկ արդեն 2016թ.-ին՝ 34 դոլարի: Անհրաժեշտ է նշել, որ Վենեսուելայում մեկ բարելի արտադրության արժեքը մոտ 20 դոլար է: Միննույն ժամանակ արտահանման 96%-ը կազմում է նավթի արտահանումը (Նկ. 5):

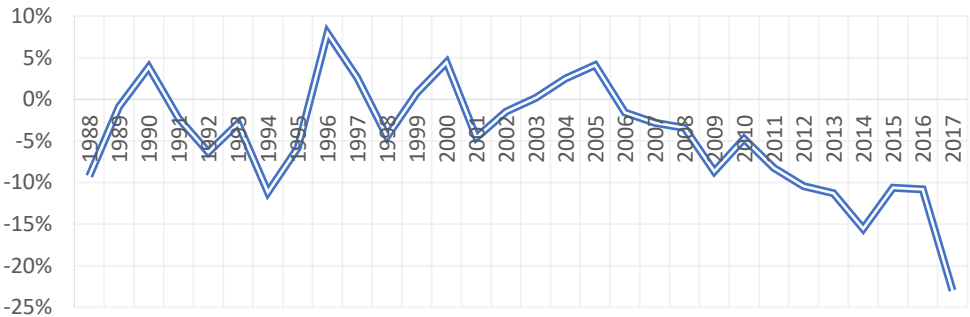
Այս ժամանակահատվածում սկսած 2016թ.-ից համաձայն ԱՄՆ տվյալների Վենեսուելայում սկսել է կտրուկ բարձրանալ գործազրկության մակարդակը 2015թ.-ի 7.5%-ի համեմատ 2018թ.-ին հասնելով 35.5%-ի (Նկ. 6): Ավելին, նշված ժամանակահատվածում հաշվի առնելով նավթային եկամուտների զգալի կրճատումը և պետական ծախսերի վերակազմակերպման անարդյունավետությունը՝ պետական բյուջեի պակասուրդը հասավ վտանգավոր չափերի, մինչև անգամ 2017թ.-ին հասնելով ՀՆԱ 23%-ի (Նկ. 7):

Նկ. 6 Գործազրկության և զբաղվածության մակարդակը Վենեսուելայում:

Աղբյուր՝ World Bank Database - <https://databank.worldbank.org/>, IMF Database - <https://www.imf.org/>

2018 և 2019 թվականներին Վենեսուելայի ՀՆԱ-ն նվազեց համապատասխանաբար 19.6% և 35%-ով (Նկ. 1): Միննույն ժամանակ երկրում աղքատության մակարդակը կտրուկ աճեց: Համաձայն Կարակասի Կաթոլիկ համալսարանի հետազոտողների կողմից իրականացված հարցման՝ 2019թ.-ին Վենեսուելայում աղքատության մակարդակը հասել է 96%-ի [17]:

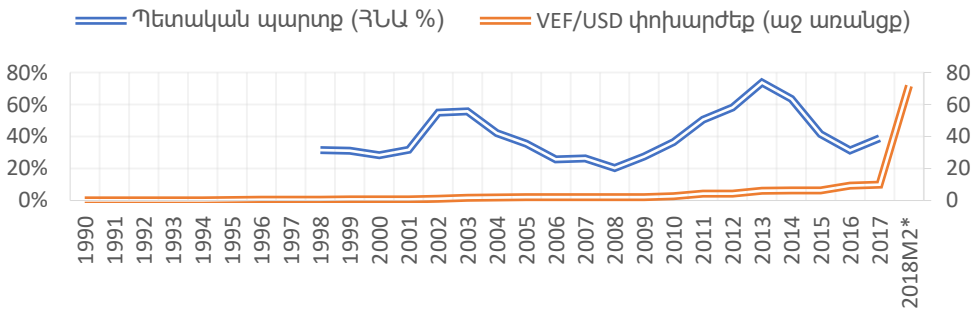
Նկ. 7 Պետական բյուջեի պակասուրդը/ավելցուկը Վենեսուելայում, ՀՆԱ %

Աղբյուր՝ World Bank Database - <https://databank.worldbank.org/>

Վենեսուելայում 2018թ.-ին տեղի ունեցավ պատմականորեն ամենաբարձր գնաճը՝ ավելի քան 65 հազար տոկոս (Նկ. 2): Էսիսիայի միջոցով ֆինանսավորման բարձր մակարդակը, անվանական նվազագույն աշխատավարձի զգալի ավելացումները, տնտեսական ակտիվության դանդաղումը բացատրում են տնտեսական ճգնաժամի խորությունն ու տևողությունը: Գնաճային ճնշումների զսպման նպատակով ձեռնարկված միջոցառումները

հանգեցրին *պարտադիր պահուստավորման բարձրացմանը*¹ ինչն էլ սահմանափակեց բանկերի վարկային հնարավորությունները: Այնուամենայնիվ, հաշվի առնելով Վենեսուելայի կենտրոնական բանկի կողմից պետական հատվածի զգալի ֆինանսավորումը՝ նշված մեթոդը բավարար չէր և անգամ կարող էր լրացուցիչ խնդիրներ առաջացնել երկրի միջին և երկարաժամկետ մակրոտնտեսական կայունության ապահովման համար:

Ինչպես արդեն նշել ենք, նավթարդյունահանման ազգայնացման արդյունքում պետության ձեռքում հայտնվեցին խոշոր դրամական միջոցներ: Արդյունքում պետական ծախսերը սկսեցին կտրուկ աճել: Պետությունը սկսեց *միջոցներ հատկացնել այնպիսի խոշոր ծրագրերի իրականացման համար*, ինչպիսին է հանքարդյունաբերության (ալյումին, երկաթ, պողպատ և ածուխ) ոլորտում հանրային ձեռնարկությունների հիմնումը: Սակայն ինչպես տեսնում ենք, նավթի վաճառքից եկամուտները կրում են անկայուն բնույթ (Նկ. 5), ինչն էլ նավթի գների անկման շրջանում բերում է *պետական պարտքի արագ աճի* (Նկ. 8): Բարձր գնաճի և ազգային արժույթի շարունակական արագ տեմպով արժեզրկման հետևանքով կատարվեց արժույթի դենոմինացիան (Նկ. 8): Սակայն միննույն է ազգային արժույթի կտրուկ արժեզրկման միտումը պահպանվեց:

Նկ. 8 Պետական պարտք – ՀՆԱ հարաբերակցությունն Վենեսուելայում և VEF/USD փոխարժեքը:

* հազար վենեսուելական բոլիվար
 Աղբյուր՝ IMF Database - <https://data.imf.org/>

2018թ.-ի օգոստոսին կառավարությունը հայտարարեց Տնտեսության վերականգնման, աճի և բարգավաճման ծրագրի մասին, որը բաղկացած էր մի շարք տնտեսական միջոցառումներից՝ ուղղված գնաճի կայունացմանը և տնտեսության աճի խթանմանը: Միջոցառումները ներառում էին *պետական բյուջեի գրոյական պակասուրդի թիրախը, ինչի համար ավելացված արժեքի հարկը բարձրացվեց և հարկի հավաքման ժամանակահատվածը կրճատվեց:*

Սահմանվեց նաև *եկամտահարկի գծով կանխավճար*, ինչպես նաև *խոշոր ֆինանսական գործարքների հարկ*: Այնուամենայնիվ նշված միջոցառումների արդյունավետությունը գնահատելն անհնար է պաշտոնական տվյալների բացակայության պատճառով, որոնք պետական որոշման համաձայն չեն հրապարակվում սկսած 2014թ.-ից:

2015թ.-ին նավթի արտահանման եկամուտները կտրուկ կրճատվեցին՝ 86 մլրդ ԱՄՆ դոլարից հասնելով 34 մլրդ ԱՄՆ դոլարից (Նկ. 5): Մյուս կողմից Վենեսուելայի համար միջազգային կապիտալին հասանելիությունը սահմանափակ էր: Այս ամենի փոխհատուցման նպատակով երկիրը իրականացրեց ֆիսկալ կառավարման մոնետար ֆինանսավորում: 2016-2018թթ.-ին գնահատվում է, որ մոնետար ֆինանսավորումը կազմել է ՀՆԱ ավելի քան 20%-ը:

2018թ.-ին փորձ արվեց բարեփոխել արժույթային փոխարժեքի ռեժիմը՝ նպատակ ունենալով այն դարձնել ավելի պարզ և ճկուն: Նաև 2018թ.-ի սկզբում տեղի ունեցավ ազգային արժույթի դենոմինացիան՝ ահռելի չափերի հասնող արժեզրկման հետևանքով: 2019թ.-ի մայիսից գործող արժույթային փոխարժեքի ռեժիմը ներառում է պաշտոնական փոխարժեք, որը տատանվում է կենտրոնական բանկի կողմից իրականացված մրցակցային աճուրդների ընթացքում սահմանված փոխարժեքներին համապատասխան [18]: Չնայած սկզբնական շրջանում հաջողվեց որոշակի հաջողություններ ունենալ, գները նորից վերահսկողությունից դուրս եկան 2019թ.-ի կեսերին՝ հասնելով շաբաթական 10%-ի և երկիրը կրկին հասցնելով հիպերինֆլյացիայի գոտի:

COVID-19 համավարակի հետևանքների չեզոքացման համար Վենեսուելան կիրառել է որոշ դրամավարկային և հարկաբյուջետային մեխանիզմներ, ներառյալ հարկերի վճարման ժամկետների երկարաձգում, Համավարակի տարածման կանխարգելման նպատակով կատարվող պետական ներմուծման ազատում մաքսատուրքից և ԱԱՀ-ից, վարկերի գծով բոլոր վճարումների երկարաձգում [19]:

Եզրակացություններ

1976–1989թթ.-ին Վենեսուելայի պետական բյուջեյի եկամուտների մեծ մասի ձևավորումը նավթարդյունաբերության եկամուտներից (~60%) տնտեսությունը բավականին խոցելի դարձրեցին արտաքին ցնցումների նկատմամբ: Նավթարդյունաբերության եկամուտների անարդյունավետ բաշխումը ֆիսկալ քաղաքականության գործիքակազմի միջոցով, ինչպես նաև ֆիսկալ ու մոնետար քաղաքականությունների կոորդինացման բացակայությունը և պետական քաղաքականության պոպուլիստական ուղղվածությունը տնտեսությունը հասցրեցին 1983թ.-ի տնտեսական անկմանը և 1989թ.-ի տնտեսական ճգնաժամին: Վերջինս ուղեկցվում էր ազգային արժույթի արժեզրկմամբ և գնաճի բարձր մակարդակով:

1989–1993թթ.-ին նոր կառավարության հաջող տնտեսական քաղաքականության շնորհիվ հաջողվեց տնտեսությունը հանել խորը ճգնաժամից և վերականգնել տնտեսական աճն արդեն 1990թ.-ին:

1994–1999թթ.-ին բանկային վերահսկողությունը չէր հասցնում բանկային հատվածի ընլայնման հետևից: Անարդյունավետ բանկային վերահսկողության և թույլ քաղաքական ինստիտուտների հետևանքով 1994թ.-ին տեղի ունեցավ բանկային ճգնաժամ, որը բերեց նաև 2.3% տնտեսական անկման:

1999–2003թթ.-ին պոպուլիստական քաղաքականության արդյունքում մեծացավ Վենեսուելայի տնտեսության կախվածությունը նավթի գներից, հետևաբար ավելի խոցելի դարձավ արտաքին ցնցումների նկատմամբ:

2004–2013թթ.-ին կառավարության չափազանց միջամտությունը տնտեսությանը բերեց ապրանքների պակասուրդի, արտաքին մրցունակության անկման, մասնավոր հատվածում զգալի վնասների: Պոպուլիստական նպատակներով պետական բյուջեյի միջոցների վատնման հետևանքով երկրի տնտեսությունը չունեի միջոցներ արտաքին ցնցումների հաղթահարման համար:

2014–2020թթ.-ին տնտեսությանը կառավարության չափազանց միջամտությունը կրկին բերեց խիստ կախվածության նավթի գներից: Արդյունքում տնտեսությունը 2016թ.-ին ընկավ այնպիսի ճգնաժամի մեջ, որից մինչ օրս չի կարողանում դուրս գալ:

Ամփոփելով՝ անհրաժեշտ է նշել, որ Վենեսուելայում առանցքային հիմնախնդիր է կառավարության անվստահությունը մասնավոր հատվածի նկատմամբ: Որոշ մասով դա կապված է նրա հետ, որ շատ գործարարներ համագործակցում են քաղաքական ընդդիմության հետ, ինչն էլ պատժելի է կառավարության կողմից: Արդյունքում մասնավոր հատվածը լուրջ վնասներ կրեց ստեղծված անբարենպաստ գործարար միջավայրի հետևանքով, ինչն էլ խարխիլեց տնտեսական զարգացումը:

ԳՐԱԿԱՆՈՒԹՅՈՒՆ

1. Yergin, D. The Prize: The Epic Quest for Oil, Money, and Power. New York: Simon and Schuster, 1990. PP. 233–36; 432:
2. Heritage, A. Financial Times World Desk Reference. Dorling Kindersley, 2002. PP. 618–21. ISBN 9780789488053.
3. Cawthorne, A. “In shortages-hit Venezuela, lining up becomes a profession”. Reuters, 21 January (28.04.2021).
4. Crisp, B.F. “Lessons from Economic Reform in the Venezuelan Democracy”. Latin American Research Review, Vol. 33, No. 1, 1998. PP. 7–41.
5. “Rafael Caldera obituary”, by Phil Gunson, The Guardian, January 2010. (28.04.2021)
6. Heritage, A. Financial Times World Desk Reference. Dorling Kindersley, 2002. PP. 618–21. ISBN 9780789488053.
7. “Don’t Blame It on the Oil” By Javier Corrales, Foreign Policy, May 2015. (28.04.2021).

8. Gregory, W. “Changing Venezuela by taking power : the history and policies of the Chavez government”, Verso, New York, 2007.
9. “Meat, Sugar Scarce in Venezuela Stores” by Pearson N.O., The Washington Post, February 2007 (28.04.2021).
10. “Chavez boosts food price controls” by Grant W., BBC, March 2009.
11. “Venezuela troops crack down on smuggling” China Daily, January 2008. (29.04.2021).
12. “Chavez orders army to seize Venezuela rice mills” Reuters, March 2009. (29.04.2021).
13. “Venezuela Implements New Taxes on Businesses, Cigarettes, Alcohol” by Chris Carlson, Venezuela Analysis, October 2007. (29.04.2021).
14. “Venezuela’s Chavez increases sales tax to 12 pct”, Reuters, March 2009. (29.04.2021).
15. “Venezuela Implements New Taxes on Businesses, Cigarettes, Alcohol” by Chris Carlson, Venezuela Analysis, October 2007. (29.04.2021).
16. “Maduro says Venezuela’s 2015 budget to put oil at \$60 dollars”, Reuters, October 2014.
17. “Under Maduro, nearly all Venezuelans live in poverty” by N. Kirschner, US Mission, August 2020.
18. Economic Survey of Latin America and the Caribbean: Bolivarian Republic of Venezuela. Economic Commission for Latin America and the Caribbean (ECLAC), 2019.
19. “Government and institution measures in response to COVID-19: Venezuela” KPMG, June 2020.

ОПЫТ МАКРОЭКОНОМИЧЕСКОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В ВЕНЕСУЭЛЕ

Յ.Մ. Սանդոյան, Ա.Բ. Եղիազարյան, Մ.Ա. Վոսկանյան, Ա.Գ. Գալստյան, Գ.Ա. Գրիգորյան

АННОТАЦИЯ

С 1976 года в экономике Венесуэлы произошли некоторые значительные изменения, включая национализацию нефтяной промышленности в 1976 году, кризис платежного баланса в 1983 году, девальвацию национальной валюты, ограничения на движение капитала, дефолт в 1986 году, банковский кризис в 1994 году, гиперинфляция в 2016 году. Целью статьи было выявить политику, проводимую правительством и центральным банком Венесуэлы во время макроэкономической стабильности и нестабильности, экономического роста, а также экономического кризиса и ее эффективность. Результатом исследования стал вывод о том, что чрезмерное вмешательство государства в различные секторы экономики, включая национализацию ключевых секторов, недоверие к частному сектору, тормозило экономическое развитие, привело к глубокой экономической рецессии и непреодолимой гиперинфляции.

Ключевые слова: макроэкономическое регулирование, фискальная политика, денежно-кредитная политика.

PRACTICE OF MACROECONOMIC REGULATION IN VENEZUELA

E. Sandoyan, A. Eghiazaryan, M. Voskanyan, A. Galstyan, G. Grigoryan

ABSTRACT

Since 1976, the Venezuelan economy has undergone some significant changes, including the nationalization of the oil industry in 1976, the balance of payments crisis in 1983, the devaluation of the national currency, restrictions on capital flows, the default in 1986, the banking crisis in 1994, hyperinflation in 2016. The purpose of the article was to reveal the policies pursued by the government

and the central bank of Venezuela during macroeconomic stability and instability, economic growth, and economic crisis and their effectiveness.

From 1976 to 1989, most of the foreign exchange supply in Venezuela was controlled by the Central Bank as all revenues from the oil industry were mandatory converted national currency at the Central Bank. Due to the fixed foreign exchange regime, the country ran into a critically low level of international reserves. The government nationalized several key sectors as metallurgy and oil industry and invested in large state industrial programs on aluminum, hydroelectric power generation, and infrastructure improvement. So, most of Venezuela's state budget revenues were generated from the oil industry (~ 60%), making the economy quite vulnerable to external shocks. The inefficient distribution of oil industry revenues through the fiscal policy instruments, as well as the lack of coordination of fiscal and monetary policies and the populist orientation of state policy, led the economy to the economic downturn of 1983 and the economic crisis of 1989. The latter was accompanied by a devaluation of the national currency and a high level of inflation.

In 1989–1993 country switched to the floating foreign exchange regime, interest rate restrictions were eliminated, and the banking sector was deregulated. These changes in the monetary policy led to a sharp devaluation of the national currency and a significant increase in interest rates, accompanied by an expansion of the banking sector and a high level of inflation. On the other hand, the government developed several reform programs, including debt restructuring, reducing the external debt by 30%, extending the debt repayment period and reducing interest rates, creating a social policy aimed at the most vulnerable sectors, and a sharp decrease in state investments. Medium-term reforms included restrictions on external debt and tax reform. The structural approach of the government presumed neoliberal reforms, including liberalization of gasoline prices, trade liberalization, deregulation, and privatization. Medium-term reforms included eliminating distortions of the foreign trade regime, opening up most sectors for private investment, privatizing state-owned enterprises, and ending most subsidies for the highly protected agricultural sector. Thanks to the successful economic policy of the new government, it was possible to pull the economy out of a deep crisis and restore economic growth already in 1990.

In 1994–1999 the Central Bank applied extremely high interest rates (up to 60%) and conducted direct interventions at the expense of international reserves. However, in 1996 government introduced an Economic Program, which also applied to the monetary policy. In this regard, the program presumed liberalization of interest rates, unification of the exchange rate system with a temporary floating exchange rate, abolition of current and capital account control. During this period, the government tried to restrain the state budget deficit by reducing state expenditures, reforming the tax system, creating a new tax administration agency, and strengthening the social security system according to the Economic Program. The structural policy presumed the opening of the oil industry sector for foreign investments and temporary price control during the 1994 banking crisis. As a result, the banking control did not keep pace with the expansion of the banking sector. So, in 1994, due to inefficient banking control and weak political institutions, there was a banking crisis that led to a 2.3% economic decline.

In 1999–2003 the Central Bank conducted a floating foreign exchange regime. With the new government election socialist economy was established with populist politics, and the government expanded the social programs. Moreover, the

government ensured its presence in all sectors of the economy, including privatization processes in key sectors such as hydrocarbons, metallurgy, cement production, banking, communications. As a result of populist policies, the dependence of the Venezuelan economy on oil prices increased, and consequently, the country became more vulnerable to external shocks.

In 2004–2013 the Central Bank applied a managed foreign exchange regime. The government established a semi-authoritarian and extremely populist regime. The vast revenues from the oil industry were used to implement populist policies, including redistribution of wealth, land reforms, democratization of economic activity. The government also introduced a 1.5% tax on banking transactions between legal entities. In 2009, VAT was raised by three percentage points, and taxes were imposed on the tobacco and alcohol industries.

Moreover, the government imposed price restrictions on about 400 products and defined the minimum quantity of production for 12 primary products (milk, rice, oil, coffee, sugar, tomato paste, etc.), applied restrictions on import and export, and initiated the process of nationalization of large farms. As a result, the excessive government intervention in the economy during this period led to a shortage of goods, a decline in external competitiveness, and significant damage to the private sector. Due to the waste of state budget funds for populist purposes, the country's economy couldn't build the means to overcome external shocks.

In 2014–2020 the Central Bank raised the reserve requirement and revaluated the national currency at a ratio of 1 to 1000 in early 2018 as the national currency was devaluating at excessively high rates. However, the denomination didn't stop the devaluation processes. In 2019, the Central Bank lifted certain restrictions on foreign exchange access while conducting direct interventions in the foreign exchange market. The monetary policy wasn't effective in restraining inflation, which reached unprecedented and uncontrollably high levels. On the other hand, due to a decline in oil prices, the government revised the state budget of 2015, where oil prices were calculated at 60 USD instead of the previous average of 100 USD. The state expenditures were reduced accordingly. The state budget deficit was financed through seigniorage. During this period, the monetary financing of the public sector amounted to about 20% of GDP. So, the government's excessive intervention in the economy again made it highly dependent on oil prices. As a result, the economy fell into a crisis in 2016, from which it still can not recover.

The study concluded that excessive government intervention in various sectors of the economy, including the nationalization of key sectors, mistrust of the private sector, hampered economic development, led to a deep economic recession, and uncontrollable hyperinflation.

Keywords: macroeconomic regulation, fiscal policy, monetary policy.

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

DOI 10.48200/1829-0450_2021_2_97
УДК 341.9

Поступила: 15.08.2021г.
Сдана на рецензию: 17.08.2021г.
Подписана к печати: 02.09.2021г.

ОСНОВАНИЯ ПРИМЕНЕНИЯ ИНОСТРАННОГО ПРАВА НАЦИОНАЛЬНЫМИ СУДАМИ ПРИ РАЗРЕШЕНИИ ТРАНСГРАНИЧНЫХ ЧАСТНОПРАВОВЫХ СПОРОВ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ)

Ш.С. Алексанян

*Российско-Армянский университет
shushanna.aleksanyan@gmail.com*

АННОТАЦИЯ

В данной работе рассматриваются разные подходы к основаниям применения иностранного права национальными судами при рассмотрении частноправовых споров, осложненных иностранным элементом. Обнаружено, что многие государства в результате кодификации международного частного права закрепили позицию применения иностранного права судами *ex officio*. Несмотря на это, суды во всем мире часто применяют право суда (*lex fori*) при рассмотрении трансграничных дел, игнорируя применимое в соответствии с коллизионными нормами иностранное право.

Одновременно, в частности, в странах общего права, продолжает существовать подход, в соответствии с которым суды уполномочены применять иностранное право лишь при заявлении сторон спора.

Сложившаяся ситуация не совсем соответствует современным тенденциям развития частно-правовых отношений, взаимному сотрудничеству государств, и может привести к несправедливому исходу дела.

Также отмечены пробелы в законодательстве Республики Армения, которые препятствуют развитию практики применения иностранного права национальными судами и подлежат устранению.

Ключевые слова: иностранное право, коллизионные нормы, трансграничные частноправовые споры, *ex officio*, *lex fori*.

На сегодняшний день происходит мировая глобализация экономик, и государства стремятся к созданию конкурентоспособного национального рынка. Ни одна страна, насколько большой или богатой она ни была, не может развиваться в изолированных условиях. Тесное взаимодействие, сотрудничество создает перспективы для повышения уровня благосостояния граждан, однако это взаимодействие, одновременно, влечет к увеличению количества споров, осложненных иностранным элементом. Основопологающим вопросом при разрешении частноправовых

споров, осложненных иностранным элементом, является определение права, применимого к спору. В таких ситуациях национальные суды часто сталкиваются с необходимостью применения иностранного права, и далее нами будут рассмотрены обстоятельства, служащие основанием для применения иностранного права в целом, и в Республике Армения (РА), в частности.

Сделать возможным применение на территории государства права иностранных государств является целью международного частного права [1].

Вопрос установления содержания иностранного права носит отличительный характер, так как требует, чтобы судья сформулировал выводы об исходе воображаемой гипотетической ситуации. Иначе говоря, роль суда состоит в том, чтобы предсказать, что иностранный судья сделал бы при рассмотрении аналогичного дела. Как было установлено по одному из судебных дел, обязанность судьи по делу не состояла (и никогда не могла бы состоять) в том, чтобы поставить себя на место иностранного судьи, осуществляя полномочия этого судьи, как если бы он заседал в иностранном суде. Вместо этого, учитывая данные по делу или другие доступные источники, он должен установить, каким образом иностранный суд сам разрешил бы дело по существу в гипотетическом судебном разбирательстве [2], [3]. Некоторые авторы относят иностранное право, которое применяется национальными судами при разрешении частноправовых споров, к фикции. По мнению Л.В. Терентьевой отечественные суды применяют не столько иностранное право, сколько допустимую с точки зрения национального закона часть иностранного права, применяемую с использованием ограничительных механизмов национального права соответствующего государства [4].

Право считается иностранным с точки зрения суда, независимо от того, является ли оно правом географически и культурно удаленной страны или соседней страны [5].

В доктрине существуют разные подходы относительности применимости иностранного права национальными судами, и при этом подходы разнятся как в пределах одной страны, так и разных стран.

Первый подход обусловлен психологическими барьерами и практическими проблемами, которые возникают при применении иностранного права. Так, суды часто неохотно воспринимают необходимость применения иностранного права, учитывая как трудности при установлении его содержания, так и увеличение в связи с этим продолжительности процесса. Длительное время может уйти на установление содержания применимого иностранного права, а затем – и на толкование этого содержания. Более того, одно и то же понятие может иметь разное толкование в соответствии с применимым иностранным правом и правом страны суда (*lex fori*). Кроме того, следует учесть тот фактор, что если иностранное право в этом иностранном государстве применяется судьей, имеющим опыт в этой сфере, то судья суда другого государства при применении иностранного права по общему правилу считается «новичком», что может привести к несправедливому исходу дела. Применение иностранного права также может являться нежелательным с

точки зрения сторон спора, так как они могут также не владеть иностранным правом, руководствоваться в своей деятельности национальным правом и рассчитывать на его применение, а также не желать длительного судебного процесса в связи с установлением иностранного права. Применение иностранного права может быть описано как тревожный отход от рутины, предполагающий даже в идеальных условиях некоторые встречи с незнакомыми, некоторые отклонения от обычных процедур, некоторую дополнительную нагрузку [6].

Учитывая вышеизложенные проблемы, в доктрине был предложен подход, в соответствии с которым иностранное право подлежит применению только по просьбе стороны. Так, в 1970 году немецкий ученый Аксель Флесснер выдвинул теорию факультативного выбора права с целью улучшения процессуального положения сторон в многогосударственном судебном процессе. Флесснер, в частности, обратил внимание на низкое качество судебного процесса, когда решение основывается на иностранном праве, из-за отсутствия у судов и юридических консультантов опыта и знания этого права [7].

Аналогичного подхода изначально придерживалось английское право. В английской доктрине и судебной практике традиционно преобладало мнение, что суд должен применять только собственное национальное право, а обращение к иностранному праву рассматривается не как применение юридической нормы, а как установление судом каких-то фактических обстоятельств [8], необходимых для решения дела [9].

В соответствии с традициями английского права, для применения иностранного права, прежде всего, на это должна ссылаться сторона, которая на него полагается [10]. То есть английские суды склонны игнорировать вопрос о выборе права, если он не поднимается одной из сторон: они склонны рассматривать его как вопрос процедуры, а не существа.

На практике, сторона, вероятно, будет ссылаться на иностранное право только в трех случаях: когда английское право не содержит эквивалентных требований или защиты; если иностранное право значительно выгоднее английского права; и когда использование иностранного права является обязательным (например, когда применение иностранного права носит исключительный характер, как в случаях, связанных с недвижимым имуществом) [11].

Есть случаи, когда английское право применялось вместо иностранного на основании презумпции о том, что содержание иностранного права совпадает с английским, пока не будет доказано обратное [12], [13], [14]. Однако современные авторы склонны отвергать это рассуждение и предпочитают придерживаться позиции, что суд применяет английское право там, где иностранное право не доказано [15]. Таким образом, английские суды склонны насколько возможно избегать применения рассматриваемого в качестве факта иностранного права, если сторона спора не ссылается на него.

Рассмотрение иностранного права в качестве факта и обременение стороны спора обязательством по доказыванию этого факта может привести к такому отрицательному последствию, что, если стороны не выполнят возложенное на них бремя доказывания иностранного права, то их требования, основанные на факте применения иностранного права, будут отклонены и не рассмотрены по существу.

Наглядной иллюстрацией подобного исхода служит одно из дел, рассмотренных американским судом [16]. В соответствии с фактическими обстоятельствами этого дела, истец, являющийся гражданином Арканзаса, был ранен в Саудовской Аравии из-за халатности сотрудника ответчика. Истец должен был доказать содержание права Саудовской Аравии, и, когда он этого не сделал, иск был отклонен, даже несмотря на то, что, в соответствии с законодательством штата Нью-Йорк, ответчик должен был нести ответственность. То есть если бы суд в качестве последствия неустановления содержания иностранного права применил *lex fori*, требование истца было бы удовлетворено.

Американский подход со временем претерпел изменения. В соответствии с американской доктриной и судебной практикой, как правило, определение иностранного права в настоящее время считается вопросом права, что подразумевает, что суд может принять во внимание его содержание, применить иностранное право по собственной инициативе [17], и неспособность установить право иностранного государства больше не ведет к отклонению иска, а позволяет суду применять закон суда. Однако установление содержания иностранного права все еще является не обязательством, а правом суда, а стороны спора не освобождены от обязательства установления иностранного права, что подразумевает конкретное цитирование источников с представлением материалов в переводе [18].

Итак, обобщив, можно отметить, что подход стран общего права по вопросу применения иностранного права базируется на явном приоритете, первенстве национального права и, насколько возможно, исключении применения иностранного права. Такой подход не совсем соответствует современным тенденциям развития частноправовых отношений и взаимному сотрудничеству государств.

Совершенно иной является ситуация в странах континентальной Европы. В большинстве стран стороны спора не несут обязанности по установлению содержания иностранного права, и даже не обязаны заявлять о его применении. Суд сам по своей инициативе устанавливает применимое право. Например, в соответствии с законодательством Германии, Бельгии и Нидерландов, иностранное право рассматривается именно как право, а не как факт, и обычно устанавливается самим судом путем личного исследования [19]. То есть речь идет о применении иностранного права судом *ex officio*.

Однако как в практически любом правиле, здесь тоже есть исключение. Наглядным примером служит меняющаяся со временем позиция Франции по вопросу применения иностранного права, которая во многом схожа с позицией стран общего права.

Так, в 1959 году Кассационный суд Франции вынес решение, названное «Бисбал» в честь испанской пары, разведенной во Франции по французскому законодательству. Позиция супругов базировалась на том, что суд нижестоящей инстанции должен был применить испанский закон *ex officio*, даже если бы стороны не ссылались на него, а, согласно испанскому законодательству, развод супругам не мог быть предоставлен. Кассационный суд отвергнул позицию, что коллизионные нормы входят в перечень императивных норм, защищающих общественные интересы. Следовательно, если стороны не ссылаются на применимость иностранного права, суд нижестоящей инстанции не обязан применять его по собственной инициативе [20]. Однако два года спустя, в 1961 году, Кассационный суд столкнулся с обратной ситуацией. По другому делу стороны также не ссылались на иностранное право, но на этот раз суд нижестоящей инстанции применил иностранное право по собственной инициативе, и этот курс действий был подтвержден Кассационным судом. В совокупности, два дела приводят к выводу, что французские суды имеют право, а не обязанность выбирать иностранное право, независимо от позиции, занятой сторонами [21].

Окончательный подход Франции был сформулирован в 1990–1991 годах, когда Кассационный суд снова вынес решение, которым установил, что нижестоящие суды не обязаны поднимать вопрос о выборе права по собственной инициативе. Однако суд выделил также два важных ограничения из этого правила. Во-первых, оно применяется только к спорам, вытекающим из вопросов, по которым стороны имеют свободу распоряжаться (что исключает его применение по вопросам правоспособности и дееспособности лиц, по вопросам, касающимся развода и юридического раздельного проживания супругов, или по спорам, касающимся государственных органов и государственных учреждений, и в более общем плане по всем вопросам, касающимся общественного порядка) [22]. Во-вторых, французские суды обязаны применять *ex officio* все конвенции, действующие во Франции, содержащие коллизионные нормы [23].

Претерпел изменение также вопрос бремени доказывания иностранного права. В соответствии с так называемым «правилом Лотур-Тине», бремя доказывания иностранного права лежало на стороне, чьи требования регулировались им, а не на стороне, которая заявляла о его применении. А новое правило относительно этого вопроса заключается в том, что сторона, утверждающая, что применение иностранного права приведет к другому результату, нежели тот, который был бы получен в случае применения французского права, должна установить это различие путем установления содержания иностранного права, на который она ссылается; в противном случае будет применяться французское право как *lex fori* [24].

Таким образом, подход Франции занимает некую среднюю позицию между подходами стран общего права и континентальной Европы.

Схожим с подходом стран континентальной Европы является подход Японии. В Японии преобладающее мнение ученых состоит в том, что суды должны приме-

нять иностранное право по собственной инициативе, как указано в правилах выбора права. Эта точка зрения основана в значительной степени на идеализме коллизионного права, который со времен Фридриха Карла фон Савиньи заключается в том, чтобы одинаково относиться к национальным и иностранным законам. Эта точка зрения оказала сильное влияние на практику, но она не всегда соблюдается. Более того, согласно наблюдениям некоторых практикующих юристов, японские суды в результате применения иностранного права часто предполагают, что оно совпадает по содержанию с японским, в особенности, по коммерческим спорам [25].

Что касается установления содержания иностранного права, то раньше Гражданский процессуальный кодекс Японии предусматривал, что содержание применимого иностранного права должно быть доказано сторонами, хотя судам также было разрешено проводить исследования самостоятельно. Это положение было удалено на том основании, что оно было самоочевидным и ненужным. Несмотря на это, с тех пор стала преобладать академическая точка зрения, согласно которой максима *juranovitcuria* (суд знает закон) применима также к иностранному праву. Согласно этой доктрине, суды должны устанавливать содержание иностранного права, проводя собственное исследование, даже если стороны не представят никаких доказательств. На практике, японские суды обычно стараются оправдать эти ожидания, но поскольку их время и ресурсы ограничены, они также должны быть прагматичными. Они обычно просят стороны оказать помощь, а последние обычно берут на себя обязательство по установлению содержания иностранного права, поскольку принятие судом их толкования иностранного права исходит из их собственных интересов [26].

Таким образом, суды Японии, хотя считают себя обязанными применить иностранное право, одновременно ограничивают свою ответственность принятием всевозможных мер в условиях ограниченности времени и ресурсов.

Для установления отношения международного сообщества к вопросу применения иностранного права национальными судами стоит обратить внимание на принятую в 1989 году Институтом международного права резолюцию по вопросу равенства отношения к национальному праву и иностранному праву [27]. Этой резолюцией, среди прочего, были отмечены следующие важные рекомендации: рекомендуется, чтобы государства, если их существенные интересы не требуют иного, принимали бы коллизионные нормы, которые приводят к применению иностранного права на тех же условиях, что и к применению права суда; и, следовательно, воздерживались от принятия правил выбора применимого права, которые расширяют сферу применения права суда по сравнению с правом иностранного государства. Резолюцией также рекомендуется в той мере, в какой это позволяют их общие процессуальные нормы государства, возложить на компетентные органы обязанность рассматривать вопрос о применении коллизионных норм, также применять установленное иностранное право *ex officio*, с проявлением инициа-

тивы для выяснения содержания иностранного права. Исключением из указанного, влекущим к отклонению применения иностранного права, является явное противоречие государственной политике.

Хотя резолюции Института международного права не имеют обязательной силы, их значение нельзя недооценивать. Одними из основополагающих целей Института являются формулирование общих принципов науки международного права таким образом, чтобы отразить правовое сознание цивилизованного мира, способствовать принятию принципов, признанных находящимися в гармонии с потребностями современного общества, и установлению тех принципов справедливости и гуманности, которые должны регулировать взаимоотношения народов [28]. То есть резолюции Института не носят лишь декларативный характер, а являются отражением действующих реалий и направлены на удовлетворение потребностей справедливости современного общества. Следовательно, применение иностранного права, наравне с национальным правом, а также применение и установление содержания иностранного права *ex officio*, которое является отражением правосознания участников современных частноправовых правоотношений и соответствует принципам справедливости и гуманности.

Хотя позиция, выраженная Институтом международного права, находится в гармонии с законодательством многих государств, в то же время некоторые государства, как было проиллюстрировано ранее, не склонны создавать достаточные предпосылки для применения иностранного права. В качестве «лазейки» для осуществления их целей может служить оговорка в резолюции о применении рекомендованных мер в той мере, в какой это позволяют их общие процессуальные нормы государств. Однако при этом следует учесть, что, в соответствии с международным правом, государства не могут оправдывать невыполнение обязательств по договору национальным правом [29]. То есть, если ратифицированный международный договор содержит обязательство по применению иностранного права, то государство не может избежать этой обязанности, ссылаясь на отсутствие необходимых процедур в национальном праве.

В советской доктрине преобладала позиция, что иностранное право применяется судом *ex officio*. Так, по мнению И.С. Перетерского, в тех случаях, когда коллизонная норма отсылает к иностранному законодательству, применение последнего является обязанностью учреждения, рассматривающего данное правоотношение. Поэтому для применения иностранного законодательства не требуется, чтобы заинтересованное лицо указывало на необходимость применения иностранного закона: коллизонные нормы составляют часть законодательства и подлежат применению *ex officio* [30].

В советской литературе по международному частному праву 2-ой половины XX века отношение к проблеме оформилось в практически единогласное мнение: иностранное право является правом, устанавливающим содержание которого обязан суд в силу своего должностного положения [31].

На сегодняшний день в России и Армении подходы в целом схожи, за некоторыми нюансами, обусловленными различиями в судебной системе и иными факторами. Так, в РФ существует два процессуальных частнопроводных источника, регулирующих деятельность суда – гражданский процессуальный и арбитражный процессуальный кодексы, а в Армении арбитражные суды не включены в систему государственных судов, и существует один источник. В связи с этим судебная практика РФ, в части не противоречащая нормативным регулированиям РА, будет браться за основу при толковании положений законодательства РА.

В Армении доктрина относительно рассматриваемого вопроса не развита, поэтому, чтобы установить подход Армении как современного постсоветского государства, необходимо обратиться к соответствующим нормативно-правовым актам и малочисленной судебной практике.

Внутренние правовые акты иностранных государств не являются неотъемлемой частью законодательства РА и, по общему правилу, не применяются на территории РА, за исключением коллизионных правоотношений, а также договорных отношений, стороны которых в рамках, предусмотренных законом, взаимно соглашаются урегулировать свои договорные отношения правовыми актами иностранного государства [32].

Основным источником, регулирующим компетенцию судов РА, является гражданский процессуальный кодекс (ГПК РА). Согласно части 3 статьи 4 ГПК РА, суд, в соответствии с Конституцией, международным договором, ратифицированным Республикой Армения, или законом может также применять нормы права других государств.

Из буквального толкования приведенной правовой нормы следует, что применение норм права других государств является не обязанностью, а правом армянских судов (так как законодатель использовал слово «может»), и при этом применение иностранного права должно соответствовать внутринациональным источникам права и международным договорам.

В соответствии с частями 4–6 той же статьи:

4. В случае необходимости применения иностранного права суд выясняет существование и содержание его норм в соответствии с практикой их толкования и применения в иностранном государстве.

5. Суд вправе потребовать от сторон обоснования для выяснения существования и содержания норм иностранного права.

6. При отсутствии норм иностранного права суд применяет соответствующие нормы права Республики Армения.

Вышеприведенные правовые нормы указывают на установление содержания иностранного права армянским судом *ex officio* с возможностью обращения за помощью к сторонам спора, а последствием неустановления иностранного права является применение национального права. То есть суды должны сначала определить необходимость применения иностранного права, а затем его наличие и содер-

жание, и в таком случае суд вправе потребовать от лиц, участвующих в деле, разъяснения о существовании таких норм и их содержания [33]. При этом, при представлении сторонами дела каких-либо доказательств они должны быть надлежащим образом переведены на армянский язык, иначе, как установлено частью 4 статьи 74 ГПК РА, суд первой инстанции исключает письменные доказательства на иностранном языке из списка доказательств, подлежащих исследованию, если лицо, участвующее в деле, не представляет надлежащий перевод письменных доказательств на армянский язык.

Итак, ГПК является источником процессуального права, санкционирующим применение иностранного права и, одновременно, ссылающийся на другие источники, в которых должно быть предусмотрено основание применения иностранного права. Среди таких источников, в частности, можно выделить Гражданский кодекс (ГК РА), Семейный кодекс (СК РА), Трудовой кодекс (ТК РА) и международные договора с участием Армении.

Основным регулятором, предусматривающим возможность применения иностранного права, являются коллизионные нормы, которые могут быть предусмотрены как внутринациональными, так и международно-правовыми источниками. Как отметил Д.В. Морозов, суды применяют иностранное право не потому, что это предписано самим иностранным правом, а потому, что обязанность его применения содержится в национальных коллизионных нормах [34]. То есть необходимость применения иностранного права навязывается государству не какой-то властью извне, а государство само разрабатывает условия его применения и берет на себя это обязательство. Следовательно, суверенитет государства никоим образом не нарушается, а государство само в какой-то степени ограничивает его, исходя из собственных мотивов.

В ГК РА коллизионные нормы содержатся в пределах статей 1262–1293. Кроме предусмотренных некоторых формул определения подлежащего применению иностранного права, законодатель также установил возможность применения иностранного права по выбору сторон. Так, в соответствии с частью 1 статьи 1284, договор регулируется правом государства, выбранным по соглашению сторон.

Соглашение сторон, в свою очередь, может быть как прямо выраженным, так и подразумеваемым. Как отметил А.В. Асосков, на сегодняшний день как в практике российских государственных арбитражных судов, так и практике Международного коммерческого арбитражного суда при Торгово-промышленной палате РФ активно используется институт подразумеваемого соглашения сторон в ситуации, когда обе стороны в своих процессуальных документах ссылаются на положения одного материального права [35].

Таким образом, государство также санкционирует возможность применения того иностранного права, которое выбрано соглашением сторон.

Такие отраслевые источники, как СК и ТК, тоже допускают возможность применения иностранного права соответственно к семейным и трудовым правоотношениям, однако не содержат конкретных коллизионных норм.

Коллизионные нормы также содержатся в международных многосторонних и двухсторонних договорах, участницей которых является Армения. Например, к таким договорам можно отнести: Соглашение о порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности от 1992г., Конвенцию о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 22.01.1993г. и другие.

Следующей необходимой предпосылкой для применения иностранного права является наличие в частноправовых отношениях иностранного элемента, то есть их трансграничный характер. Этот вывод вытекает из содержания части 1 статьи 1253, согласно которой при участии иностранных граждан, в том числе индивидуальных предпринимателей, иностранных юридических лиц, организаций, не считающихся юридическими лицами в соответствии с иностранным законодательством, лиц без гражданства, а также в случаях, когда объект гражданских прав находится за границей, – право, применимое к гражданским правоотношениям судом, определяется на основании настоящего кодекса, других законов Республики Армения, международных договоров Республики Армения и международных обычаев, признанных Республикой Армения.

Из вышеизложенного следует, что вопрос определения применимого права к гражданским правоотношениям возникает в том случае, когда в правоотношениях присутствует иностранный элемент. При этом иностранный элемент может быть на стороне субъектов правоотношений или объекта, однако случаи, предусмотренные в законе, не являются исчерпывающими [36].

При отсутствии в правоотношениях иностранного элемента вопрос применимого права не возникает. Например, если договор заключен на территории страны, гражданами которой является обе стороны спора, применяется национальное право [37].

Таким образом, если в правоотношениях отсутствует иностранный элемент, иностранное право не может быть применено даже при наличии такого волеизъявления со стороны сторон, иначе это может привести к устранению соблюдения такими сторонами всех императивных норм национального права, не говоря уже о его «сверхимперативных» нормах [38].

Следующее основание, при наличии которого иностранное право может быть применено, это – наличие тесной связи между правоотношением и иностранным государством. Так, в соответствии с частью 2 статьи 1253, если в соответствии с пунктом 1 настоящей статьи невозможно определить подлежащее применению право, то применяется право, наиболее тесно связанное с гражданско-правовыми отношениями с участием иностранных лиц [39].

Для того чтобы выявить правовую систему, с которой договор имеет наиболее тесную связь и относительно которой стороны, вероятно, согласились бы при заключении своего договора, судья должен тщательно изучить все обстоятельства

данного конкретного дела [40]. То есть судья стремится установить не то, что стороны имели в виду, заключая свой договор, а то, что они имели бы в виду, если бы они осуществили выбор права [41].

При этом, в соответствии с законодательством РА, принцип наиболее тесной связи для определения применимого права применяется субсидиарно, то есть только в том случае, когда на основании ГК РА, других законов РА, международных договоров РА и международных обычаев, признанных РА, применимое право установить не удастся.

Помимо вышеизложенного, в контексте оснований применения иностранного права необходимо также рассмотреть принцип взаимности, так как применение иностранного права может быть поставлено в зависимость от того, как это иностранное государство само относится к применению иностранного для себя права (в частности, права государства, которое должно применить иностранное право).

В законодательстве РА закреплён гибкий подход, согласно которому суд применяет иностранное право, независимо от того, применяется ли право Республики Армения к тем же отношениям соответствующим иностранным государством, за исключением случаев, когда применение иностранного права по принципу взаимности определяется законом Республики Армения. При этом, если применение иностранного права зависит от принципа взаимности, предполагается, что она присутствует, если не доказано иное [42]. То есть взаимность по законодательству РА является безусловной. Это означает, что наделение иностранных граждан и иностранных юридических лиц равными со своими гражданами и юридическими лицами правами и обязанностями по общему правилу не зависит от того, как решается вопрос о правовом положении армянских лиц в соответствующем иностранном государстве [43]. Отсутствие необходимости применения принципа взаимности в рассматриваемом контексте, в первую очередь, направлено на защиту интересов собственных граждан, так как непризнание иностранного права на собственной территории может повлечь к аналогичному отношению со стороны иностранного государства, что приведет к ущемлению прав граждан РА. Кроме этого, подход РА может также считаться направленным на избежание излишней нагрузки для суда, так как он не вынужден устанавливать присутствие взаимности.

Обобщив вышеизложенное, можем прийти к выводу, что иностранное право подлежит применению на территории РА к частноправовым отношениям, осложненным иностранным элементом в соответствии с коллизионными нормами РА (которые также предусматривают возможность соглашения сторон о применении иностранного права), а при невозможности установления применимого иностранного права на основании законов международных договоров РА, на основании принципа наиболее тесной связи; и при этом не требуется наличия взаимности со стороны иностранного государства.

Также следует добавить, что, как было указано, согласно части 6 статьи 4 ГПК РА, при отсутствии норм иностранного права суд применяет соответствующие

нормы права Республики Армения. То есть законодательно исключена возможность правовой неопределенности, невозможности разрешения спора. Право Армении предусмотрено в качестве «подушки безопасности», и применяется в качестве решения проблемы отсутствия иностранного права. Однако формулировка приведенной правовой нормы одновременно является спорной и вызывает ряд вопросов. Что означает отсутствие норм иностранного права? Как иностранное право может отсутствовать? Речь идет об объективном отсутствии или субъективном (невозможности для суда установить его содержание)? Ответы на эти и другие вопросы не даются и в судебной практике РА. Нельзя исключать и возможность, что суд просто не применял иностранное право, руководствуясь этой правовой нормой, но при этом не давал ее толкование. Чтобы избежать сложившейся неопределенности, возможности злоупотребления со стороны судов, необходимо четко сформулировать случаи или хотя бы условия, когда иностранное право может считаться «отсутствующим».

Следующая проблема, на которой захотелось бы заострить внимание, это – формулировка части 3 статьи 4 ГПК РА, в которой применение иностранного права со стороны суда предусматривается с глаголом «может». То есть при наличии соответствующих оснований, суд может применить иностранное право, а может и не применить. Малочисленная судебная практика РА тоже придерживается этого подхода. Так, гражданский апелляционный суд установил [44], что фактически из указанной статьи следует, что применение норм права других государств, в соответствии с Конституцией, международным договором, ратифицированным Республикой Армения, или законом является правом суда, а не обязанностью. А неисполнение судом своего права не может считаться нарушением нормы процессуального закона, на основании которого вынесенный судебный акт подлежал бы отмене.

С учетом вышесказанного считаем, что подобная законодательная формулировка не соответствует принципу определенности нормативно-правовых актов, нарушает права лиц, так как для них создается непредсказуемая ситуация с широкой дискрецией суда. Следовательно, целесообразно заменить в части 3 статьи 4 ГПК РА слово «может» на слово «обязан».

Надо также указать, что даже при наличии вышерассмотренных оснований применений иностранного права его применение не является абсолютным. Так, в соответствии со статьями 1258 и 1259 ГК РА, иностранное право не может применяться, если оно противоречит основам правопорядка РА (публичному порядку) и некоторым императивным нормам. Однако тщательное рассмотрение содержания этих ограничений является предметом отдельного исследования и находится за рамками настоящей работы.

Обобщив все вышесказанное, можем прийти к выводу, что в мире существует множество разных подходов относительно применения иностранного права национальными судами при рассмотрении частноправовых трансграничных споров.

При этом подходы могут отличаться как кардинально, так и незначительно. Основные критерии, по которым можно провести различие, это – рассмотрение судом иностранного права в качестве вопроса факта или права; обязанность суда по установлению применимого иностранного права; обязанность суда применять установленное иностранное право; установление содержания иностранного права судом самостоятельно, с помощью стороны по делу или с возложением на сторону такой обязанности; необходимость наличия взаимности по аналогичному вопросу со стороны иностранного государства и другое.

В настоящее время продолжает расти количество международных договоров, регулирующих частноправовые отношения. В связи с высокой степенью интернационализации частноправовых отношений приоритетной целью государств должна быть гармонизация по вопросам применения иностранного права. Постановка национального права выше иностранного противоречит сбалансированному и непредвзятому регулированию международных частноправовых отношений. Также ограничение обязательств и ответственности суда может привести к несправедливому исходу дела. Так, возложение на стороны обязательства заявления о применимом иностранном праве или установления его содержания дает сторонам возможность вести дело в соответствии с правом суда, просто не предоставив достаточной информации об иностранном праве. В результате, дело может разрешиться иначе, нежели при применении подлежащего применению иностранного права.

Законодательство РА также не лишено пробелов. С учетом вышеизложенного следует законодательно уменьшить возможности суда по избеганию применения иностранного права, а также регламентировать условия, при которых иностранное право может считаться неустановленным. При этом, следует не доходить до обратной крайности также и не абсолютизировать применение иностранного права. На этом пути важным регулятором выступают нормы, ограничивающие применение иностранного права в случае противоречия публичному порядку и некоторым императивным нормам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Lauterpacht, Guardianship of an Infant (Neth. V. Swed.), 1958 I.C.J. 55 (Nov. 28). P. 94.
2. *Neilson V. Overseas Projects Corporation of Victoria Ltd* [2005] HCA 54; 223 CLR 331 at 191.
3. *Elsabe Schoeman Renvoi*, Throwing (and Catching) the Boomerang – Neilson v Overseas Projects Corporation of Victoria LTD, The University of Queensland Law Journal, 2006. PP. 203–212.
4. Терентьева Л.В. Экстратерриториальность в международном частном праве // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16. № 5. С. 190. DOI: 10.17803/1994-1471.2021.126.5.183–194.
5. *Jänterä-Jareborg, Maarit*. Foreign law in national courts: A comparative perspective (Volume 304)”, in: Collected Courses of the Hague Academy of International Law, p. 196, first published online: 2003, [Эл.ресурс]: http://dx.doi.org/10.1163/1875-8096_pplrdc_A9789004140233_02 (дата обращения: 15.08.2021).
6. Там же, цит. по *Currie B.* Selected Essays. P. 9.
7. Там же, P. 197, цит. по *Flessner A.* Fakultatives Kollisionsrecht, *Rebels Z*, 1970. PP. 547–584.
8. *Bumper Development Corp v Commissioner of Police* [1991] 1 WLR 1362, 1369 (CA).

9. Хоцанов Д.А. Основания применения иностранного частного права в доктрине, законодательстве и судебной практике Англии, США и России // «Журнал российского права». 2008. № 6.
10. *M. De Boer, Th. Facultative Choice of Law The Procedural Status of Choice-of-Law Rules and Foreign Law (Volume 257)*, in: *Collected Courses of the Hague Academy of International Law*, P. 259, first published online: 1996 [Эл.ресурс]: http://dx.doi.org/10.1163/1875-8096_pplrdc_A9789041104403_03 (дата обращения: 15.08.2021).
11. *International Commercial Litigation (2nd Edition)* Richard Fentiman, p. 666, from: *Oxford Legal Research Library* (<http://olrl.oup.com>). (c) Oxford University Press, 2021.
12. *Concord Trust v The Law Debenture Trust Corpn plc* [2005] UKHL 27 at [44], [2005] 1 WLR 1591.
13. *Macmillan Inc v Bishopsgate Investment Trust plc (No 4)* [1999] CLC 417, CA.
14. *Kuwait Oil Tanker Company SAK & Anor v Al Bader & Ors* [2000] EWCA Civ 160 2 All ER (Comm) 271 (18 May 2000) [Эл.ресурс]: <http://www.bailii.org/ew/cases/EWCA/Civ/2000/160.html> (дата обращения: 15.08.2021).
15. *Dicey and Morris on the Conflict of Laws*, 12th ed. (Lawrence Collins, ed.), Vol. I, London, 1993, rule 18 (1). P. 230.
16. *Walton v. Arabian American Oil Co.*, 233 F.2d 541, 1956 U.S. App. LEXIS 3183 (2d Cir. N.Y. May 15, 1956).
17. Хоцанов Д.А. Основания применения иностранного частного права в доктрине, законодательстве и судебной практике Англии, США и России // «Журнал российского права». 2008. № 6, цит. по *Geeroms S. Foreign Law in Civil Litigation: A Comparative and Functional Analysis*. Oxford, Oxford University Press, 2004. PP. 82–83.
18. *Milton Pollack*, *Proof of Foreign Law*, *The American Journal of Comparative Law*, Volume 26, Issue 3, Summer 1978. PP. 470–475, [Эл.ресурс]: <https://doi.org/10.2307/839815> (дата обращения: 15.08.2021).
19. *Cheshire, North & Fawcett: Private International Law (15-th Edition)*, from: *Oxford Legal Research Library* (<http://olrl.oup.com>), (c) Oxford University Press, 2021. P. 105.
20. *M. De Boer, Th. Facultative Choice of Law The Procedural Status of Choice-of-Law Rules and Foreign Law (Volume 257)*, in: *Collected Courses of the Hague Academy of International Law*, first published online: 1996, p. 264, цит. По *Cour de Cassation 12 May 1959*, *Dalloz*, 1960. P. 610 (note by Malaurie); *JCP*, 1960, II, 11733 (note by Motulsky); *Clunet*, 1960. P. 810 (note by Sialelli); *Revue critique*, 1960, p. 62 (note by Batiffol) [Эл.ресурс]: http://dx.doi.org/10.1163/1875-8096_pplrdc_A9789041104403_03 (дата обращения: 16.08.2021).
21. Там же, цит. по *Cour de Cassation 2 March 1960 (Compagnie algérienne de crédit et de banque. Chemouny)*, *Revue critique*, 1960. P. 97 (note by Batiffol); *Clunet*, 1961. P. 408 (note by Goldman); *JCP*, 1960, II, 11734 (note by Motulsky).
22. *French Civil Code 2016*, Art. 2059–2060 [Эл. ресурс]: <https://www.trans-lex.org/601101> (дата обращения: 15.08.2021).
23. *M. De Boer, Th. Facultative Choice of Law The Procedural Status of Choice-of-Law Rules and Foreign Law (Volume 257)*, in: *Collected Courses of the Hague Academy of International Law* [Эл.ресурс]: http://dx.doi.org/10.1163/1875-8096_pplrdc_A9789041104403_03 (дата обращения: 16.08.2021).
24. *Hausmann R. Pleading and Proof of Foreign Law – a Comparative Analysis The European Legal Forum (E) 1–2008*. P. 11.
25. *Takahashi K. Foreign Law in Japanese Courts – A Comparison with the English Approach: Idealism versus Pragmatism*, *Singapore Journal of Legal Studies*, 2002. PP. 490–491.

26. Institut de Droit International Session of Santiago de Compostela 1989, Equality of Treatment of the Law of the Forum and of Foreign Law.
27. *Gerald Fitzmaurice*, Sir The Contribution of the Institute of International Law to the Development of International Law (Volume 138), in: Collected Courses of the Hague Academy of International Law. P. 216, first published online: 1973, [Эл.ресурс]: http://dx.doi.org/10.1163/1875-8096_pp1rdc_A9789028602540_06 (дата обращения:18.08.2021).
28. Венская конвенция о праве международных договоров: Принята 23 мая 1969 года, ст. 27.
29. *Перетерский И.С.* Очерки международного частного права РСФСР. М., 1925. С. 42-43.
30. *Хоцанов Д.А.* Установление содержания иностранных правовых норм в международном частном праве // Инфотропик Медиа, 2013. С. 22.
31. Постановление апелляционного гражданского суда РА от 15.06.2010 по гражданскому делу № ЕКД/2794/02/09.
32. Постановление апелляционного гражданского суда РА от 11.06.2021 по гражданскому делу № ГД/0988/02/20.
33. *Морозов Д.В.* Экстерриториальные нормы и доктрина международного частного права // Журнал российского права. 2011. №7 (175). С. 102. [Эл. ресурс]: <https://cyberleninka.ru/article/n/eksterritorialnye-normy-i-doktrina-mezhdunarodnogo-chastnogo-prava> (дата обращения: 19.08.2021).
34. *Асосков А.В.* Коллизионное регулирование договорных обязательств // Инфотропик Медиа, 2013. С. 78.
35. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2019г. № 24 «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации».
36. Определение Высшего Арбитражного Суда РФ от 2 мая 2012г. N ВАС-1569/12.
37. *Карбельников Б.Р., Д'Круз Р.* Общие положения российского международного частного права в зеркале английского права. Научно-практический и сравнительно-правовой комментарий к главе 66 Гражданского кодекса Российской Федерации – Специально для системы ГАРАНТ, 2021. С. 14.
38. Постановление Федерального арбитражного суда Поволжского округа от 1 августа 2008г. № А55-8968/07.
39. *Вольф М.* Международное частное право, пер. с англ. С.М. Рапопорт, М.: «Иностранная литература», 1948. С. 458, С. 459.
40. ՀՀ քաղաքացիական դատավարության օրենսգիրք ընդունված 09.02.2018 ՆՕ-110-Ն, հոդված 1257. [Эл. ресурс]: <https://www.arlis.am/DocumentView.aspx?docid=154651>(дата обращения: 23.08.2021).
41. *Марышева Н.И.* Международное частное право, 3-е изд., перераб. и доп. М.: Wolters Kluwer, 2010. С. 82.
42. Постановление апелляционного гражданского суда РА от 14.06.2019 по гражданскому делу № АРД/0086/02/16.

FOUNDATIONS FOR THE APPLICATION OF FOREIGN LAW BY NATIONAL COURTS DURING THE SETTLEMENT OF TRANSBOUNDARY PRIVATE LAW DISPUTES (ON THE EXAMPLE OF THE REPUBLIC OF ARMENIA)

S. Aleksanyan

ABSTRACT

This article analyses different approaches to the grounds of the application of foreign law by national courts when settling cross-border private law disputes. It was observed that many states, as a result of the codification of private international law, have implemented the approach of the ex officio application of foreign law by courts. Despite this, courts around the world often apply forum law (lex fori) in cross-border cases and do not take into account the foreign law which should be applied in accordance with conflict of laws rules.

At the same time, particularly in common law countries the approach continues to exist according to which the courts are authorized to apply foreign law only when the parties to the dispute refer to it.

This situation does not correspond to the current trends in the development of private law relations, mutual cooperation of states and can lead to an unjust outcome of the case.

There were also noted gaps in the legislation of the Republic of Armenia which hinder the development of the practice of the application of foreign law by national courts and thus should be resolved.

Keywords: foreign law, conflict of laws, cross-border disputes, ex officio, lex fori.

DOI 10.48200/1829-0450_2021_2_113
УДК 4414

Поступила: 07.09.2021г.
Сдана на рецензию: 09.09.2021г.
Подписана к печати: 20.10.2021г.

ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ В СФЕРЕ ЗАЩИТЫ ИНФОРМАЦИИ КОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Г.В. Антонян

*Российско-Армянский университет
lena-antonyan@mail.ru*

АННОТАЦИЯ

В данной научной статье рассматривается актуальность проблемы добросовестной эксплуатации института конфиденциальной бизнес-информации. Несмотря на большой массив нормативно-правовых актов, юстирующих сферу информационных правоотношений, в данном исследовании, исходя из законодательных реалий Армении, акцент ставится на надобности кардинальной модернизации правового регулирования защиты информации в корпоративных отношениях.

Ключевые слова: коммерчески-значимая информация, кибергигиена, киберэтика, кибербезопасность, способы защиты информации.

Введение

Ультрасовременность и острая необходимость рассмотрения данной темы во многом предопределена молниеносным информационным онтогенезом. Если ранее, до конца XX века, социум был технократическим и концентрировался на производстве материальных ценностей и товаров потребления, то сегодня главным символом «Информационной эпохи» является непосредственно информация, которая приобрела все качества товара, а в некоем смысле превзошла ее: коммерчески значимая информация на рынке ценных бумаг, в корпоративных отношениях, является «джек-потом» в руках ее держателя – основой выгодных капиталовложений, без которых немислимо нормальное функционирование ни общества и государства, ни коммерческих организаций в целом. Следовательно, крылатая фраза Натана Ротшильда «Кто владеет информацией, тот владеет миром» актуальна как никогда.

Процессы коммерциализации в Республике Армения, прошедшие под эгидой эволюции рыночных отношений в 1990-х гг., содействовали признанию прав собственности, развитию свободного предпринимательства, что повлекло за собой становление большого контингента армянского бизнес-сегмента. Успешное формирование частного сектора способствовало увеличению конкурентов на товарных рынках с постоянно растущими объемами разработок и выпуском в оборот

новых товаров, что повлекло появление экономических правонарушений среди самих предпринимателей – недобросовестная конкуренция. Одним из асоциальных проявлений неконкурентных действий является неправомерный сбор, использование, а также разглашение коммерчески значимых сведений субъекта предпринимательской деятельности.

Проблемы информационной безопасности компаний актуализируются возрастанием ценности информации по сравнению с другими ресурсами, вовлечением нанотехнологий в бизнес-сферу, наличием безбарьерного интернет-пространства, ростом трансграничных торговых правоотношений, чрезмерно высоким уровнем зависимости армянского рынка от зарубежной продукции в сфере информационных технологий, а также высокотехнологичными, целевыми действиями нарушителей информационной безопасности. Подобная цифровизация предпринимательства повышает требования частного сектора к защите информации и диктует компаниям новые правила кибергигиены и этики.

Такое положение приводит к логической развязке, согласно которой реализация бизнес-процессов в РА осуществляется в условиях нарастающей неопределенности и изменчивости экономической и правовой среды. Наличие нерентабельных условий перманентно популяризирует вопросы совершенствования законодательства РА в сфере защиты информации коммерческих организаций, обуславливая выбор темы научного исследования.

Так, если в странах с развитой рыночной конъюнктурой коммерческая тайна защищается посредством отлаженного механизма правового регулирования бизнеса, разработанного как на теоретическом, так и на практическом уровне, то в Армении до сих пор отсутствует полноценный правовой механизм протекции информации коммерческих организаций: данный институт пока находится на стадии становления. Анализ нормативных ресурсов Армении свидетельствует о неполноценности законодательства, в части отсутствия в юридическом массиве РА нормативно-правового акта о конфиденциальной информации, что свидетельствует о фрагментарности правового регулирования, требующей надлежащей правовой реакции. Для практического разрешения вопроса о соотношении различных видов тайн и ликвидации ряда пробелов в законодательстве необходимо принять закон о конфиденциальной информации, который ликвидирует дисперсность (распыленность) норм данной сферы регулирования, существующей в настоящее время и способствующей конгломерату законодательных статей в единый акт.

Аналогическое отсутствие массива норм, регулирующих режим коммерческой тайны, обуславливает необходимость кодификации закона о коммерческой тайне, которое способствует тому, что, во-первых, коммерческая информация будет надлежащим образом законодательно регламентирована и, как следствие, эффективно защищена, а во-вторых, будут установлены критерии, по которым сведения будут квалифицироваться в качестве коммерческой тайны, и этим будут защищены права контрагентов и, в-третьих, восполнится пробел квалификации коммерчески значимой информации организаций. Действующее законодательство

Армении не ограничивает возможность включения условия о сохранении коммерческой тайны в трудовой договор, в рамках же гражданско-правовых отношений практикуются «соглашения относительно конфиденциальности» между контрагентами. Однако и в этом случае остается ряд неразрешенных вопросов по поводу последствий незаконных действий работников относительно коммерческой тайны, в частности, после устранения от должности; вида ответственности за действия такого рода, конкретно: материальной ответственности работника и другие вопросы. Целесообразно дополнить норму ТК РА положением «о сохранности коммерческой тайны после окончания трудовых отношений и о выплате бывшему сотруднику вознаграждений на период действия этого обязательства».

Несмотря на солидный перечень способов протекции бизнес-сведений (комплекс частных и публичных мер) в данный момент в Армении существуют определенные трудности в обеспечении информационной безопасности организаций. Считается, что меры гражданско-правовой ответственности, отображенные в норме 1165 ГК РА (возмещение убытков), недостаточны для превенции информационных преступлений, а меры уголовно-правовой воздействия (штрафная санкция в размере от 300-кратной до 500-кратной МРОТ, а также лишение свободы сроком до 3 лет) – оставляет «желать лучшего». Действенным методом защиты коммерческой тайны, применяемый многими зарубежными странами, является ужесточение уголовно-карательной политики (например, большие штрафные санкции) как высокоэффективное средство обеспечения прав обладателя информации. На сегодняшний день проблема обеспечения защиты коммерческой тайны в Армении обусловлена отсутствием обобщенной практики подобных правонарушений и малочисленностью специалистов, компетентных в расследовании подобных асоциальных явлений [1]. Правовым препятствием процессуальной защиты нарушенных прав и законных интересов обладателя информации является то, что обладатель информации, реализуя свое субъективное право на судебную защиту, обязан доказать факт нарушения режима секретности коммерческой информации и последствия этого нарушения. Здесь возникают проблемы, поскольку в действующем УК РА в законодательном порядке не регламентирован размер значительного материального ущерба, являющийся обязательным признаком объективной стороны преступления, предусмотренного статьей 139 УК РА, что свидетельствует о неприменимости нормы на практике [2].

Правовое регулирование защиты информации в РА недостаточно совершенно, содержит массу недоработок, например, нормативно не упорядочен порядок передачи коммерчески значимой информации при реорганизации и ликвидации юридического лица, детально не регламентирован порядок предоставления сведений организации государственным и муниципальным органам. Учитывая обилие и склонность к получению информации о прибыльной хозяйственной деятельности государственных и муниципальных органов, следует предполагать неизбежность злоупотребления правами обладателя информации. Следовательно, в целях лик-

видации пробелов и защиты коммерчески значимой информации и прав обладателя сведений необходимо закрепить норму, касающуюся договорного порядка передачи конфиденциальной информации органам государственной власти и органам местного самоуправления. Данный договор, согласно нашей авторской позиции, должен стать в один ряд с другими гражданско-правовыми договорами, например, ст.1106 ГК РА – лицензионный договор. Положение о нормативном закреплении в ГК РА «договора о предоставлении права получения информации, составляющей коммерческую тайну» будет иметь большую практическую значимость, поскольку позволит предотвратить разглашение и незаконное использование информации, составляющей коммерческую тайну со стороны властных структур.

Положение субъектов коммерческой деятельности усугубляется несогласованными законодательными изменениями, увеличивающими список контингента, имеющего легальный доступ к конфиденциальной информации, и нормативной неопределенностью в вопросах пределов доступа к секретным бизнес-данным. Тенденция снижения роли тайны вследствие увеличения лиц, допускаемых к коммерческой информации, обуславливается борьбой с коррупцией и отмыванием денег. В связи с этим предлагается законодательно закрепить соблюдение принципа баланса интересов личности, общества и государства в информационной сфере [3].

В настоящее время одной из немаловажных проблем защиты информации в коммерческих организациях, да и вообще, информационной безопасности государства, является высокий уровень зависимости армянского рынка от зарубежной продукции в сфере информационных технологий – программное обеспечение, вычислительная техника и средства коммуникации. В подавляющем большинстве систем защиты бизнес-информации организаций в основном импортируются иностранные разработки, производители которых в некоем «амплуа» выступают недобросовестной конкурирующей стороной. Так, например, 30-го января 2007г. в Эдинбурге (Шотландия) было подписано соглашение о сотрудничестве в областях инвестиционных, образовательных и инновационных программ между правительством Армении и корпорацией Microsoft. Ситуацию усугубляет проблема гиперуязвимости продукции компании Microsoft, которые могут привести как к сбоям в системах, так и атакам со стороны враждебных пользователей. Проблему обостряет факт поступления в прессу информации о сотрудничестве компании Microsoft с Агентством Национальной Безопасности США (National Security Agency), ответственным за информационную разведку [4]. Так, с учетом ситуации на период с 2013–2017гг. Армения возглавляла десятку самых «инфицированных» стран. Лабораторией Касперского был обнаружен супершпионский вирус – Red October (Красный октябрь), который злостно имплементировался в важные государственные и коммерческие инфраструктуры Армении на протяжении 5 лет, совершая хищение ценной информации, интересующей иностранных хакеров [5]. Для минимизации бизнес-инфогенных рисков считается целесообразным поддержка и разработка национальных информационных технологий – с учетом армянской деловой практики и особенностей армянского менталитета [6].

Одним из самых уязвимых узлов кибербезопасности Армении является само общество, которое в плане киберсознания и киберкультуры отстают от стандартов мирового развития. Так, согласно ежегодному докладу лаборатории Касперского за 2015г., можно оценить реальную ситуацию в Армении, которая по рейтинговой таблице уязвимости занимает восьмое место в мире из-за низкого уровня киберграмотности населения: опасность «заразиться» в Интернете угрожает 36,63% пользователям, т.е. каждый третий ПК в Армении подвергается атаке. Ситуация критична и тревожна с учетом напряженных геополитических отношений Республики Армения с Республикой Азербайджан и Турцией. Проблема заключается в информационной войне и агрессии, в частности, применении инфооружия, воздействующего на сознание людей посредством зловредной информации психологического манипулирования, а также иного негативного воздействия на нравственно-психологическое здоровье и развитие человека [7]. Следовательно, базовым вектором усовершенствования законодательства Армении по защите информации коммерческих организаций является, прежде всего, разработка этико-психологических аспектов повышения уровня информационного сознания и кибергигиены общества, формирования информационной культуры соответственно особенностям армянского менталитета [8].

Обобщенный обзор армянской правовой действительности свидетельствует об определенных сложностях протекции информации коммерческих организаций. Практические трудности обусловлены рядом причин [9]:

- отсутствие легально унифицированной классификации коммерческо-значимой информации в законодательстве РА является краеугольным камнем полноценной реализации права правообладателя на протекцию сведений. Установление нормативно закрепленного перечня бизнес-информации устранил практические препятствия в процессе определении объекта охраны.
- малоэффективность мер гражданско-правовой ответственности – возмещение убытков ввиду затруднительности доказывания размера вреда и причинно-следственной связи. Действенным методом защиты информации является ужесточение уголовно-карательной политики, как высокоэффективного превентивного средства, предупреждающего нарушения правообладателя информации.
- немало проблем по защите информации коммерческих организаций возникает в процессе предоставления бизнес-сведений государственным и муниципальным структурам. В целях устранения пробела в ГК РА необходимо закрепить норму, регламентирующую договорной порядок передачи сведений, составляющих коммерческую тайну. Данная цивилистическая новизна будет иметь не только научную, но и практическую значимость, поскольку поспособствует превенции информационных злоупотреблений со стороны властных структур.

- нивелирование режимом тайны подтверждается увеличивающимся в геометрической прогрессии перечнями контингентов, имеющими легальный доступ к конфиденциальной информации. Ситуацию обостряет нормативная неопределенность пределов доступа к секретным данным. Тенденция снижения секретности вследствие увеличения контингента лиц, допускаемых к коммерческо-значимой информации, обусловлено преобладающим общественным интересом в части борьбы с коррупцией и отмыванием денег. В связи с этим необходимо разработать и принять закон «О правах физических, юридических лиц, органов государственной власти и местного самоуправления в сфере информационного взаимодействия» с целью обеспечения баланса интересов участников информационных правоотношений [10].

Комплексное исследование института режима тайны во взаимосвязи с теневой экономикой отражает противоречивый характер КЗИ в рыночной экономике. Так, установления «грифа коммерческой секретности» зачастую служит предлогом теневой конспирационной деятельности компаний – скрывание сведений и документов иных нелегальных процессов, констатирующих факты злоупотреблений. Государство, юрисдикционно фиксируя право бизнесменов на защиту информации, должно разработать механизм противодействия возможным теневым манипуляциям предпринимателей. Согласно нашей авторской позиции, для исключения подобной практики махинаций необходимо создать специальную систему регулирования взаимоотношений организаций и контролирующих его органов.

На сегодняшний день Армения оказалась перед лицом множества проблем, связанных с различными вопросами информационной безопасности. При этом темпы технического развития в мире требуют динамичного и быстрого ответа на вызовы современности, ибо отсутствие должного и своевременного внимания усугубит потенциальные опасности для Армении. В сложившейся ситуации Армения должна либо иметь четкую и, при этом, действенную программу решения проблем, связанных с вопросами информационной безопасности коммерческих организаций, либо будет все более отставать от быстро развивающихся глобальных реалий. В таком случае под угрозу будут ставиться вопросы, связанные не только с экономическим и социальным развитием республики, но и с национальной безопасностью. Следовательно, по итогам научного исследования, сформированы практические рекомендации протекции коммерческо-значимой информации, включающие следующие элементы: 1) политика абстрагирования от зарубежных информационных технологий и разработка/применение отечественных средств программно-аппаратной защиты информации – с условием минимизации роли оператора (пользователя); 2) оперативная реакция высших звенов корпоративного управления на происходящие изменения в законодательстве и коммерческой практике, оказывающие существенное влияние на стабильность хозяйственной ситуации и принятии адекватных мер по защите КЗИ; 3) этико-психологическая подготовка корпоративного персонала к работе с КЗИ, в частности, внедрение системы

поведенческой аналитики UEBA (User and Entity Behavior Analytics), DLP система (Data Loss Prevention) – функционально позволяющие выявить аномалии в поведении сотрудников и с высокой долей точности определять лиц, планирующих кражу информационных активов коммерческой организации.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ситишко Д.А.* Секрет производства (ноу-хау) и коммерческая тайна: некоторые особенности использования секрета производства // *Право и политика: научный юридический журнал.* № 4. М., 2009. С. 895.
2. *Коваленко Л.П.* Юридическая ответственность за правонарушения в сфере информационной деятельности // «Проблемы законности». 2012. № 120.
3. Закон РА «О государственной и служебной тайне». [Эл. ресурс]: URL:<http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=1654&lang=arm>
4. *Самвел М.* Некоторые вопросы информационной безопасности Республики Армения/ Ер., 2007г. [Эл. ресурс]: URL: http://www.noravank.am/upload/pdf/274_ru.pdf
5. “Red October” Diplomatic Cyber Attacks Investigation. [Эл. ресурс]: URL: <https://securelist.com/red-october-diplomatic-cyber-attacks-investigation/36740/#8>. URL: <https://www.in-fowatch.ru/presscenter/publications?q=presscenter/publications&created%5B0%5D=&created%5B1%5D=&page=6>. [Эл. ресурс].
6. *Мартirosян С.* Общество Армении и кибербезопасность: ситуация 2016 г. [Эл. ресурс]: URL: http://www.noravank.am/rus/articles/security/detail.php?ELEMENT_ID=15401
7. *Колотилин А.В., Калинин О.В.* Правовые проблемы защиты института инсайдерской информации: базовые аспекты // «Экономика и экологический менеджмент». 2014. № 1.
8. *Мартirosян С.* Общество Армении и кибербезопасность: ситуация 2016 г. [Эл. ресурс]: URL: http://www.noravank.am/rus/articles/security/detail.php?ELEMENT_ID=15401
9. *Самвел М.* Некоторые вопросы информационной безопасности Республики Армения. Ер., 2007. [Эл. ресурс]: URL: http://www.noravank.am/upload/pdf/274_ru.pdf

PROBLEMS OF IMPROVING THE LEGISLATION OF THE REPUBLIC OF ARMENIA IN THE FIELD OF INFORMATION PROTECTION OF COMMERCIAL ORGANIZATIONS

H. Antonyan

ABSTRACT

The conducted research within the framework of this article allowed us to state the relevance of the problem of fair operation of the institute of confidential business information. Despite the large array of normative legal acts regulating the sphere of information legal relations, the author of the study, based on the legislative realities of Armenia, inclines to the need for a radical modernization of the legal regulation of information protection in corporate relations.

Keywords: commercially significant information, cyber hygiene, cyberethics, cybersecurity, ways to protect information.

ПСИХОЛОГИЯ

DOI 10.48200/1829-0450_2021_2_120
УДК 740

Поступила: 21.06.2021г.
Сдана на рецензию: 21.06.2021г.
Подписана к печати: 10.07.2021г.

ՈՒՍՈՒՑԻՉՆԵՐԻ, ԴԵՌԱՀԱՄՆԵՐԻ ԵՎ ՆՐԱՆՑ ԾՆՈՂՆԵՐԻ ՊԱՏԿԵՐԱՑՈՒՄՆԵՐԻ ՀԵՏԱԶՈՏՈՒՄԸ ՀՈԳԵԲԱՆԱԿԱՆ ԾԱՌԱՅՈՒԹՅԱՆ ԵՎ ԴՊՐՈՑԻ ՀՈԳԵԲԱՆԻ ԳՈՐԾՈՒՆԵՈՒԹՅԱՆ ՎԵՐԱԲԵՐՅԱԼ

Ա.Ռ. Մուրադյան

*Հայ-Ռուսական համալսարան
armine_43@mail.ru*

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

Սույն հոդվածում քննարկվում է դպրոցի հոգեբանական ծառայության և դպրոցական հոգեբանի դերի և գործունեության նշանակության և անհրաժեշտության վերաբերյալ մոտեցումներն արդի դպրոցում՝ դեռահասների, նրանց դասավանդող ուսուցիչների և դեռահասների ծնողների շրջանում՝ պայմանավորված հոգեբանական, սոցիալական, քաղաքական և մանկավարժական գործընթացների հետ:

Հիմնաբառեր՝ դպրոցի հոգեբանական ծառայություն, դպրոցի հոգեբան, դեռահասներ, ուսուցիչներ, ծնողներ:

Ներածական մաս

Թեմայի արդիականությունը: Կրթության համակարգում և հատկապես հանրակրթության բնագավառում կատարվող բարեփոխումները և նորովի դրսևորվող նորարարությունները ենթադրում են սոցիալ-հոգեբանական ծառայությունների՝ հատկապես դպրոցի հոգեբանական ծառայության անհրաժեշտություն, քանզի նորովի վերափոխված կրթական համակարգում լուրջ տեղաշարժեր են դիտարկվում միջանձնային և ներանձնային հարաբերություններում և վերջիններիս ինքնադրսևորման տիրույթում: Հայաստանի հանրապետությունը այս համատեքստում նորեկներից է համարվում, քանզի հոգեբանական ծառայությունները և հատկապես դպրոցի հոգեբանական ծառայությունները վաղուց ի վեր գործում են աշխարհի բազմաթիվ երկրներում: Մեր երկիրը դեռևս առաջին քայլերն է անում և դպրոցներում աստիճանաբար ներդրվում են հոգեբանական ծառայության բաղադրիչներ, իսկ համեմատաբար վերջերս՝ 2013 թվականից նաև ներառական կրթության բաղադրիչ [1]:

Դպրոցի հոգեբանական ծառայության և հատկապես դպրոցական հոգեբանի դերի և անհրաժեշտության հրամայականը հատկանշական է հատկապես կրթական գործընթացին ներգրավված մասնակիցներին աջակցելու համար, քանզի դպրոցի հոգեբանական ծառայության և դպրոցական հոգեբանի աշխատանքային գործունեության հիմնական նպատակը սովորողների հոգեբանական աճի և զարգացման, վարքի և հուզական ոլորտի խնդիրների հաղթահարումն է, ծնող-երեխա-ուսուցիչ փոխգործակցության դրական ուղղորդումը: Հողվածում առանձնակի արդիական ենք համարում դեռահասության միջին և ավագ տարիքային շրջափուլում դպրոցի հոգեբանական ծառայության և դպրոցական հոգեբանի դերի և անհրաժեշտության վերլուծությունը դպրոցական համակարգում՝ դեռահասների ուսումնական, վարքային և հուզականային ոլորտների շարժընթացի ներգրավման, որտեղ մեծ կարևորություն ունեն նաև ուսուցիչները և ծնողները: Արդիական ենք համարում նաև հոգեբանական ծառայության կազմակերպման և հոգեբանի դերի և գործունեության հետազոտումը դպրոց-ընտանիք փոխգործակցության համատեքստում ըստ Մ.Ռ. Բիտյանովայի, որի շրջանակներում ընդգրկվել են նաև ընտանիքները և ուսուցիչները: Ակնհայտ է այն հանգամանքը, որ դպրոցում առկա է դպրոցի հոգեբանական ծառայության անհրաժեշտություն, քանզի հասարակական կյանքում տեղի ունեցող բեկումնային փոփոխություններն իրենց խորը հետքն են թողնում հատկապես դպրոցի և ներդպրոցական փոխհարաբերությունների վրա: Այդ փոփոխությունները ընդգրկում են դպրոցական կյանքի բոլոր ոլորտները՝ ուսուցիչ-ծնող, ուսուցիչ-երեխա, երեխա-ընտանիք-դպրոց, որտեղ դրսևորվում են տարաբնույթ գործառութային փոխհարաբերություններ: Այդ փոխհարաբերությունները հոգեբանական ծառայության գործընթացում ներառում են հետևյալ փուլերը [2]:

1. Հոգեբանական գործունեության նպատակային դրույթներ՝ ախտորոշիչ աշխատանք, կանխարգելիչ աշխատանք, զարգացնող-շտկող աշխատանք, խորհրդատվական աշխատանք, սոցիալ-վերահսկողական աշխատանք:

2. Հոգեբանական գործունեության անձնային դրույթներ՝ սովորողների հետ աշխատանք, ուսուցիչների հետ աշխատանք, ծնողների հետ աշխատանք, վարչակազմի հետ աշխատանք:

3. Հոգեբանական գործունեության դերային դրույթներ՝ խորհրդատվական աշխատանք, անհատական աշխատանք, խմբային աշխատանք:

Ակնհայտ է այն փաստը, որ վերոնշյալ բոլոր գործառութային փոխհարաբերություններում ներգրավված ուսուցիչներից ոչ բոլորը, ավելի ստույգ՝ փոքրամասնությունն է տիրապետում անհրաժեշտ գիտելիքներին և հմտություններին հատկապես դեռահասների հետ աշխատանքում [3]:

Դեռահասությունը համարվում է բարդ և ճգնաժամային տարիք, քանի որ հատկապես միջին և ավագ դեռահասների մոտ ճգնաժամերը դրսևորվում են

որպես աճող ցանկությունների և սահմանափակ հնարավորությունների բախման ելակետ, որոնց արդյունքում դեռահասների համար ուսուցումը չի հանդիսանում այլևս առաջատար գործունեություն, իսկ ընտանիքը, որպես ներգրավվածության հուզական միջավայր. դեռահասը սկսում է օտարանալ ընտանիքից և ձգտել դեպի «հեղինակավոր» այլ անձանց, ովքեր ըստ դեռահասի առավել ցայտուն են ազդում շրջապատի վրա և դուր են գալիս շրջապատին [4, 5]: Այս համատեքստում դեռահասն օտարանում է նաև դպրոցից, որտեղ նրան ներգրավվածության և ուսուցման գործընթացին նորովի վերակառուցված կազմակերպման համար ուսուցիչներին և ծնողներին նոր գիտելիքներ, հմտություններ և հոգեբանական հնարներ են անհրաժեշտ, որոնցից շատերի նրանք ուղղակիորեն չեն տիրապետում: Ինչպես նշում էր իր ժամանակին մեծն Կոմիտասը, պետք է իրավամբ հասկանալ երեխայի հոգին, նույնանալ նրա հետ, որպեսզի հասկանանք նրա պահանջունքն ու սիրտը: Հատկանշական է այն փաստը, որ դեռահասների սոցիալ-հոգեբանական ներգրավվածության և փոխըմբռնման հարցերում շատ հաճախ լուրջ բացթողումներ և տարաձայնություններ են ունենում նաև ծնողները, ովքեր շատ հաճախ չեն կարողանում շփման ընդհանուր եզրեր և փոխըմբռնում ապահովել սեփական երեխաների հետ: Շատ հաճախ, հենց ծնողներն իրենց դիտարկումներում են հաստատում այն փաստը, որ չեն կարողանում հասկանալ և ըմբռնել սեփական երեխաներին, վիճում և կոնֆլիկտային հարաբերություններ են ունենում, դրսևորում են միմյանց հանդեպ խորը անհանդուրժողականություն և միմյանց հասկանալու անընկալունակություն:

Ըստ Ի.Վ. Դուբրովինայի դեռահասների՝ հասկապես միջին և ավագ փուլերում, մոտ դրսևորում են ֆիզիոլոգիական բուռն արքսելերատիվ փոփոխություններ և հոգեբանական նորագոյացումներ, որոնք լուրջ ազդեցություն են թողնում դեռահասի արտաքին և ներքին հարաբերությունների և փոխազդեցության վրա, որն էլ իր հերթին «նպաստում» է վարքային նոր որակների ձեռքբերմանը և դրսևորմանը, ինչն էլ հիմք է հանդիսանում ծնողների և ուսուցիչների կողմից իրարամերժ որակական փոփոխությունների առաջացմանը [6]: Դեռահասների մոտ բացի վերոնշյալ փոփոխություններից լուրջ փոփոխությունների է ենթարկվում նաև սեռի և սեռային զարգացման գործոնը և սեռականության նոր ազդակները նոր մարտահրավերներ են նետում դեռահաս-շրջապատ-դպրոց գործունեությանը: Ըստ Մ.Ռ. Բիտյանովայի, այստեղ առանձնակի բարդ է դրսևորում ուսուցիչների և ծնողների հետ շփման առանձնահատկությունները, որտեղ շատ հաճախ նկատվում են էմոցիոնալ օտարացվածություն, զգայական դեպրիվացիա և տագնապային իրավիճակների դրսևորում [7]:

Այս և նմանօրինակ այլ հարցերի համատեքստում առավել արժևորվում է դպրոցական հոգեբանական ծառայության և դպրոցական հոգեբանի

աշատանքային գործունեության դրույթները, որը ժամանակակից դպրոցում իրականացվում է 3 հիմնական մոտեցմամբ՝ հոգեբան-ուսուցիչ-ծնող-դեռահաս ներգրավմամբ [8]:

I. Գործունեության մոդել կամ գործողությունների նպատակադրում, երբ հստակեցվում է դեռահասի, ուսուցիչների և ծնողների շրջանում, թե ով է դպրոցում աշխատող հոգեբանը և ինչու կամ ինչ աշխատանք է նա կատարում, քանզի ակնհայտ է այն մոտեցումը, համաձայն որի շատ դեպքերում դեռահասները, ուսուցիչները և ծնողները ուղղակիորեն իրազեկված չեն հոգեբանի աշխատանքային գործունեության շրջանակների մասին և ըստ այդմ էլ չեն պատկերացնում իրենց դերն ու անելիքը նրա հետ:

II. Պրակտիկ – գործառնական ֆունկցիոնալ մոդել, երբ դպրոցի հոգեբանական ծառայության և դպրոցական հոգեբանի աշխատանքն իրականացվում են իրազեկման, խորհրդատվական, ախտորոշման և արդյունքների ամփոփման համապարփակ ձևով, որի շրջանակներում շահառուները ուսուցիչները, ծնողները և դեռահասները տեսնում և պատկերացնում են աշխատանքը, աշխատանքի նպատակը, խնդիրները և կատարման շրջանակները:

III. Ուղղորդված կամ նպատակամետ մոդել, որն իր մեջ ներառում է սովորողների, մեր հետազոտման պարագայում՝ դեռահասների ուսումնական դաստիարակության, վարքային և հուզականային ոլորտների հետ տարվող ուղղորդված աշխատանք, որի հստակ իրագործումը հնարավոր է վերաբերյալ երկու մոդելները հստակ հաղթահարելու դեպքում [9]:

Այս գործառնությային մոդելների արդյունավետ կիրառումն է հանդիսանում այն հիմքը, համաձայն որի ձևավորվում է պատկերացում հոգեբանի աշխատանքային գործունեության որակական առանձնահատկությունների վերաբերյալ և, կարծես, հնարավորություն է ընձեռում դեռահասներին, նրանց ծնողներին և ուսուցիչներին հստակ պատկերացնել և ներգրավվել աշխատանքային հոգեբանական տիրույթում [10]: Այդ աշխատանքային տիրույթում դեռահասը ներգրավվում է անհատական և խմբային ձևերով, որտեղ հոգեբանական աջակցություն և ուղղորդում են ստանում: Ըստ Յու. Գիլբուխի՝ հոգեբանական աշխատանքն ինքնին ենթադրում է սոցիալ-հոգեբանական աջակցման համալիր մոտեցում, ինչը հնարավորություն է ընձեռում խորքային մոտեցում ցուցաբերել հիմնախնդրի վերաբերյալ և ստանալ հոգեբանական «սեփական» աջակցությունը [11]:

Առաջին տեսական մասի ամփոփում. դպրոցի հոգեբանական ծառայության և դպրոցի հոգեբանի գործունեության և նշանակության մասին փաստում են բազմաթիվ սոցիալ-հոգեբանական վերլուծությունները հողվածների, ուսումնասիրությունների, մենագրությունների և հետազոտական բաղադրյալների համատեքստում, որոնց վերլուծությունն ինքնին բերում է այն եզրահանգման, որ ներկայիս հարափոփոխ աշխարհում, երբ փոխվել և դեռ

շարունակաբար փոխվում և բարեփոխվում է կրթական համակարգը, ուղղակիորեն անհրաժեշտ է ներդնել դպրոցական հոգեբանական ծառայության բաղադրիչը որպես անձի յուրատիպ կայացման և առողջ հոգեբանական զարգացման նպաստող կարևոր գործոն: Ելնելով վերոնշյալ վերլուծությունից սույն հոդվածում առաջադրել ենք հետևյալ **վարկածը**. ենթադրում ենք, որ դպրոցում հոգեբանական ծառայության և հոգեբանի աշխատանքի անհրաժեշտությունը մեծամասամբ դիտարկվում է այն դեռահասների, դեռահասների և դասավանդող ուսուցիչների և դեռահասների ծնողների շրջանում, ովքեր իրենց խնդիրների հաղթահարման համար դիմել են հոգեբանին:

Հոդվածում առաջադրել ենք հետևյալ **նպատակը**՝ բացահայտել դպրոցի հոգեբանական ծառայության և հոգեբանի աշխատանքի անհրաժեշտության մասին պատկերացումները դեռահասների, նրանց դասավանդող ուսուցիչների և դեռահասների ծնողների շրջանում:

Հոգեբանական աշխատանքն առավել արդյունավետ վերլուծելու նպատակով անցկացվել է փորձարարական հետազոտություն՝ հիմքում ունենալով դպրոցական հոգեբանի դերի և անհրաժեշտության, աշակերտ-ուսուցիչ փոխհարաբերությունների, ինչպես նաև դպրոցականների մոտիվացվածության հետ կապված հիմնահարցերը:

Հոդվածի մեթոդական հենքը և մասնակիցների ընտրանքը.

Հոդված առավել համընդգրկուն վերլուծության առումով կատարվել է փորձարարական հետազոտություն՝ հիմքում ունենալով հոգեբանական **դիտման, զրույցի և հարցաթերթերի** մեթոդները: Հարցաթերթը հեղինակային են և ընդգրկել են երեք հիմնական ոլորտ՝ հետազոտվել են միջին և ավագ դասարանների դեռահասները, նրանց դասավանդող ուսուցիչները և դեռահասների ծնողները: Ամփոփ վերլուծության ընթացքում կատարվել է կորելացիոն վերլուծություն, արև ամբողջականացրել է երկու դպրոցներից ստացված հարցաթերթերի արդյունքները: Հեղինակային հարցաթերթերը հետևյալներն են.

1. «**Հարցաթերթ ավագ և միջին դեռահասների համար**», որի շրջանակներում հետազոտվել են վերաբերյալ տարիքային փուլի դեռահասների մոտեցումները դպրոցի հոգեբանական ծառայության և դպրոցի հոգեբանի աշխատանքի վերաբերյալ:

2. «**Հարցաթերթ ծնողների համար**», որի շրջանակներում հետազոտվել են վերաբերյալ տարիքային փուլի դեռահասների ծնողների մոտեցումները դպրոցի հոգեբանական ծառայության և դպրոցի հոգեբանի աշխատանքի վերաբերյալ:

3. «**Հարցաթերթ ուսուցիչների համար**» որի շրջանակներում հետազոտվել են վերաբերյալ տարիքային փուլի դեռահասների ուսուցիչների

մոտեցումները դպրոցի հոգեբանական ծառայության և դպրոցի հոգեբանի աշխատանքի վերաբերյալ:

Փորձարարական հետազոտություններն անցկացվել են Արմավիրի մարզի Նորակերտի միջնակարգ դպրոցի թվով 80 դեռահասների հետ՝ 40 աղջկա և 40 տղայի, 30 ուսուցչի՝ 25 կնոջ և 5 տղամարդու և 80 ծնողների՝ 60 կնոջ և 20 տղամարդու մասնակցությամբ, որոնցից 10 ծնողների ընտանիքները համարվում են ոչ լիարժեք, քանի որ գտնվում են փաստացի ամուսնալուծության և նյութական վատ պայմանների մեջ, ինչպես նաև Ջորավար Անդրանիկի անվան թիվ 12 հիմնական դպրոցի թվով 30 դեռահասների՝ 15 տղայի և 15 աղջկա, 20 ուսուցչի՝ 15 կնոջ և 5 տղամարդու, 30 ծնողների՝ 20 կնոջ և 10 տղամարդու մասնակցությամբ:

Փորձարարական աշխատանքներն իրականացվել են երեք հիմնական փուլերով.

ա. **առաջին** փուլում ընտրվել և հիմնավորվել են հետազոտության համար ընտրված նպատակային մեթոդների համակազմը, մասնակիցների ընտրանքը, կազմվել են նախնական հոգեբանական զրույցի հարցեր, անցկացվել է նախապատրաստական զրույց քննարկումներ կատարվելիք աշխատանքների մասին:

բ. **երկրորդ** փուլում անցկացվել են անցկացվել են փորձարարական աշխատանքներ, որոնց ընթացքում կիրառվել են նախնական օբյեկտիվ և մասնակցող դիտում, հոգեբանական զրույց՝ անհատական և խմբային կարգով, հեղինակային հարցարան՝ անհատական և խմբային կարգով:

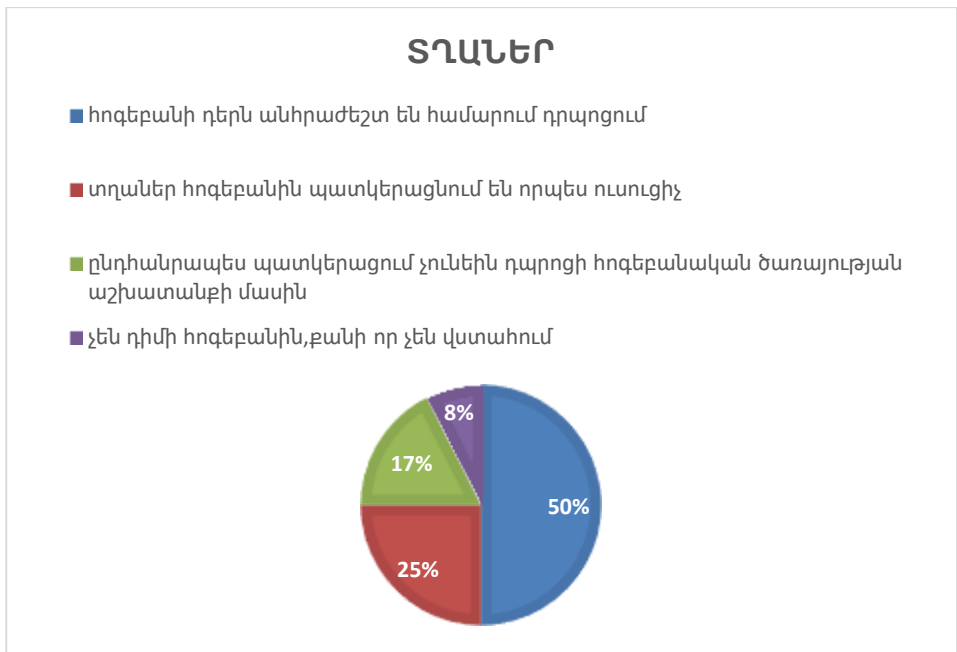
գ. **երրորդ** փուլում կատարվել է արդյունքների ամփոփում, կատարվել են համարժեք վերլուծություններ և եզրահանգումներ:

Հարցաթերթերի անցկացումն իրականացվել է անհատական տարբերակով՝ ծնողների և ուսուցիչների շրջանում և խմբային տարբերակով՝ դեռահասների շրջանում:

Հոգեբանական զրույցի, դիտման և մասնավորապես՝ հարցաթերթերի կիրառման նպատակն էր փորձարկվողների շրջանում պարզել դպրոցի հոգեբանական ծառայության կազմակերպման արդյունավետության և անհրաժեշտության և դպրոցական հոգեբանի աշխատանքային գործունեության արդյունավետության և անհրաժեշտության վերաբերյալ պատկերացումները շահառուների՝ ուսուցիչների, ծնողների և դեռահասների շրջանում: Հարցաթերթերն անցկացվել են անանուն՝ պահպանելով անաչառության և հոգեբանական գաղտնիության սկզբունքը: Հարցաթերթերի և մյուս մեթոդների անցկացման ողջ ընթացքն ամբողջությամբ տևել է 25 օր, որը մեզ հնարավորություն է տվել առավել լայն և անկեղծ աշխատանք ծավալել փորձարկվողների հետ: Աշխատանքների որակական և քանակական վերլուծություններն ամփոփվել են ինչպես թվային և որակական վերլուծություններով,

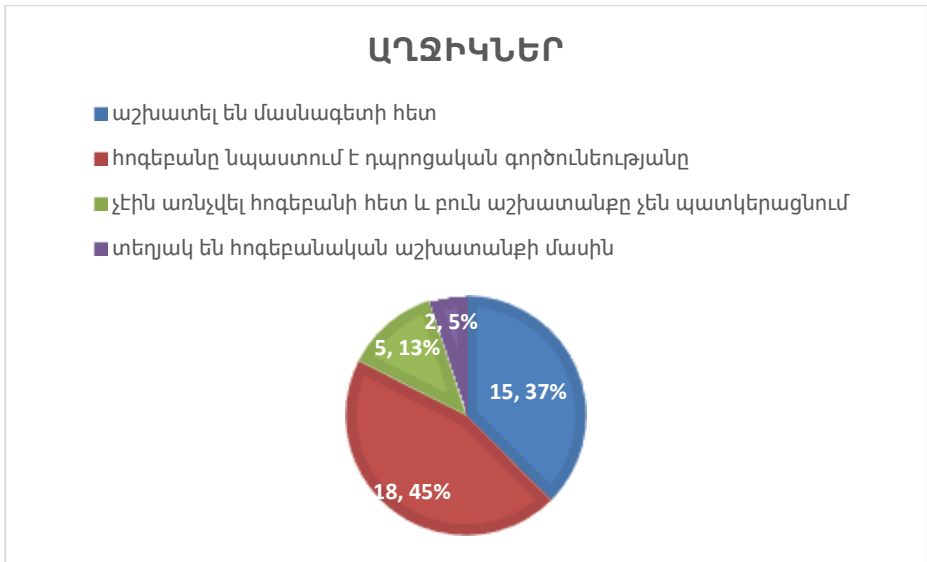
այնպես էլ կատարվել է մաթեմատիկական վիճակագրական համեմատական աշխատանք՝ Սպիրմանի սանդղակի կիրառմամբ:

Անցկացված հարցաթերթերի ամփոփման **արդյունքները**. ստացված տվյալների համաձայն Արմավիրի մարզի Նորակերտի միջնակարգ դպրոցի 80 դեռահասներից 40 տղաների մոտ արձանագրվել է հետևյալ պատկերը. Տղաներից 20-ը հոգեբանի դերն անհրաժեշտ են համարում դրպոցում, քանի որ առնչվել են մասնագիտական աշխատանքի հետ ժամանակ առ ժամանակ, սակայն պնդում էին, որ պիտի արվի միայն անհատական աշխատանք, քանի որ իրենք պատրաստ չեն խմբով աշխատանք կատարելու համար: 10 տղաներ հոգեբանին պատկերացնում են որպես ուսուցիչ և նշում էին, որ հոգեբանը պիտի օգնի իրենց սովորելու առումով միայն: Այս հանգամանքը վկայում է այն մասին, որ հոգեբանի դերի և աշխատանքային գործունեության մասին իրազեկվածությունը բավականին թերի է մի հանգամանք, որը վկայում է նաև հոգեբանական բուն աշխատանքին մասնակից չլինելու մասին: 7 տղաներ ընդհանրապես պատկերացում չունեին դպրոցի հոգեբանական ծառայության և հոգեբանի աշխատանքի մասին. սակայն բանավոր զրույցներում շեշտում էին, որ դեմ չեն լինի աշխատելու, եթե իմանան, թե ինչ աշխատանք է կատարվում: 3 տղաներ շեշտեցին, որ պատկերացումներ ունեն հոգեբանական ծառայության և հոգեբանի դերի վերաբերյալ, սակայն չեն դիմի հոգեբանին, քանի որ չեն վստահում որևէ մեկին: Ամփոփ վերլուծության ընթացքում պարզվեց, որ 35 դեռահաս տղաներ այնուամենայնիվ կդիմեն հոգեբանական ծառայությանը և հոգեբանին, 3 դեռահասներ կրկնակի փաստեցին, որ չեն դիմի, իսկ երկու դեռահաս չկարողացավ հստակ պատասխանել: Հատկանշական էր այն փաստը, որ ճնշող մեծամասնությունը դեռահասների պատրաստ էին հոգեբանական աշխատանքի այն դեպքերում, եթե հոգեբանը չիրազեկի իրենց ծնողներին, մի հանգամանք, որը ևս լուրջ մտորելու և հետագա աշխատանքների կատարման հիմքեր է տալիս

Նկար 1. Դեռահաս տղաների պատկերացումները հոգեբանի գործունեության անհրաժեշտության վերաբերյալ տոկոսային վերլուծությամբ:

Նույն դպրոցի 40 աղջիկներից 15-ը գտնում էին, որ հոգեբանը անհրաժեշտ է և իրենք աշխատել են մասնագետի հետ և շատ արդյունավետ են համարել աշխատանքը: Նրանք մասնակցել են անհատական կարգով և իրազեկվել են նաև ծնողները: 18 դեռահաս աղջիկներ գտնում էին, որ հոգեբանը նպաստում է դպրոցական գործունեությանը և ուսումնական առաջընթացին, սակայն իրենք կմասնակցեն միայն խմբային կարգով, քանի որ մյուսների հետ իրենց առանձնացված և օտար չեն զգում, իսկ անհատապես դիմելուց իրենք կլինեն դասընկերների ոչ հարմար ուշադրության կենտրոնում: Բացի այդ նրանք պատրաստ չեն կիսվել նաև ծնողների հետ, քանի որ չեն կարողանում վստահել. ամաչում են, մտածում են ընկերներն ավելի ճիշտ կհասկանան, օտարի հետ հեշտ է և այլն... 5 աղջիկներ լսել էին հոգեբանական աշխատանքի մասին, բայց չէին առնչվել հոգեբանի հետ և բուն աշխատանքը չեն պատկերացնում: Սա ևս վկայում է աշխատանքների մասին ոչ պատշաճ իրազեկվածության մասին: 2 աղջիկների կարծիքով տեղյակ են հոգեբանական աշխատանքի մասին, քանի որ իրենց դասընկերներից երկուսը ունեին կրթության առանձնահատուկ պայմանների կարիք և հոգեբանը նրանց հետ աշխատել է: Նրանք նաև նշեցին, որ հոգեբանը պիտի աշխատի միայն այդ երեխաների հետ, քանի որ իրենց հետ անհրաժեշտություն չեն տեսնում:

Նկար 2. Դեռահաս աղջիկների պատկերացումները հոգեբանի գործունեության անհրաժեշտության վերաբերյալ տոկոսային վերլուծությամբ:

Նույն դպրոցի 30 ուսուցիչներից հստակ մեծամասնությունը՝ 23 ուսուցիչ նշել էին, որ հոգեբանական աջակցությունը անհրաժեշտ է վարքային և դաստիարակչական խնդիրների հաղթահարման համար, քանի որ մերօրյա իրականության մեջ պարզապես հրատապ է նման աշխատանքը: 7 ուսուցիչների կարծիքով հոգեբանը անհրաժեշտ է հատկապես ներառական կրթության բնագավառում, քանի որ մյուս աշակերտները իրենց կարծիքով կարողանում են հաղթահարել խնդիրներն իրենք կամ ուսուցչի օգնությամբ: Բանավոր գրույցի ընթացքում ուսուցիչները նշեցին, որ հոգեբանական աշխատանքի կազմակերպումը և հոգեբանի աշխատանքն արդյունավետ է հատկապես իրենց հետ աշխատանքում, քանի որ ներկայիս սոցիալ-հոգեբանական վերափոխումներ արդյունքում երեխաների հետ շփման առանձնահատկություններում էական տեղաշարժեր են արձանագրվել: Նրանք նաև արձանագրեցին, որ շատ հաճախ ցանկացել են դիմել անհատական աշխատանքների համար, սակայն չեն կարողացել հաղթահարել ներքին բարդույթները:

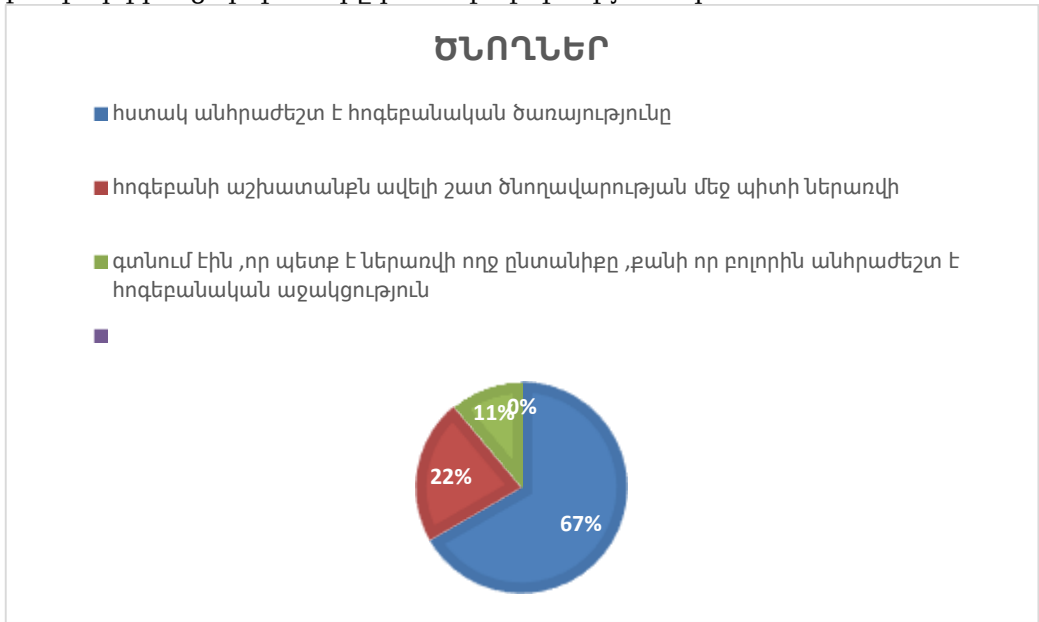

Նկար 3. *Դեռահասներին դասավանդող ուսուցիչների պատկերացումները հոգեբանի գործունեության անհրաժեշտության վերաբերյալ տոկոսային վերլուծությամբ:*

80 ծնողներից 60 կին փորձարկվողներից 30-ը նշել էին, որ հստակ անհրաժեշտ է հոգեբանական ծառայությունը և հոգեբանը դպրոցում, քանի որ իրենք առնչվել են հոգեբանի աշխատանքի հետ և համարում են այդ աշխատանքն արդյունավետ: Նրանք հստակ նշել էին, որ դեռահասների հետ աշխատանքային ժամերը հոգեբանը պիտի ավելացնի, քանի որ իրենք շատ հաճախ չեն կարողանում լիարժեք տիրապետել ծնող-երեխա միջանձնային հարաբերությունների արդյունավետ կառավարմանը: Ուզում եմ փաստել, որ այս ծնողներն ունենին բարձրագույն կրթություն և աշխատանք, ոչ լիարժեք ընտանիքներում բնակվող 10 կանայք փաստել էին, որ դպրոցում ուսուցիչների և դասընկերների կողմից իրենց երեխաները հաճախ են ճնշվում և այստեղ մեծ անելիք ունի դպրոցական հոգեբանը, ինչն իրենք չեն նկատել: Ջրույցի ընթացքում նրանք փաստում էին, որ ոչ թե հոգեբանը չի աշխատել, այլ ուսուցիչները չեն ուղղորդել մասնագիտական աշխատանքի, քանի որ չեն ուզեցել, որ բացվեն մի շարք մանրամասներ: Սա, իհարկե, վիճելի տեսակետ է, քանի որ քննարկվել է անտնիմ, առանց ուսուցիչների մասնակցության: Այս ծնողներից 8-ը չէր աշխատում այդ պահին, իսկ երկուսն աշխատում էին: 10 ծնողների կարծիքով հոգեբանի աշխատանքն ավելի շատ ծնողավարության մեջ պիտի ներառվի, սակայն, ըստ նրանց կարծիքի, հոգեբանը թերանում է այս բնագավառում և ծնողական ժողովներ կամ անհատական հանդիպումներ կազմակերպում են միայն ներառական կրթակարգով սովորող աշակերտների հետ: Սա, իհարկե, թերի աշխատանքային հարաբերությունների մասին է վկայում: 5 ծնողների կարծիքով իրազեկված են հոգեբանի աշխատանքից, սակայն գտնում էին, որ պետք է ներառվի ողջ ընտանիքը, քանի որ բոլորին անհրաժեշտ է հոգեբանական աջակցություն: Այս ծնողները չէին աշխատում:

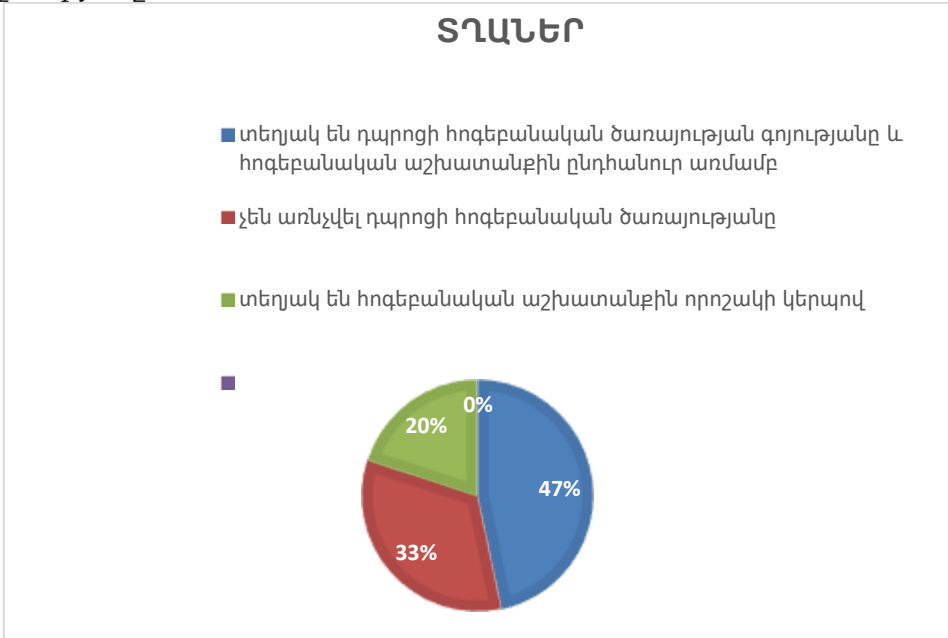
5 ճնողների կարծիքով իրազեկված չեն դպրոցի հոգեբանական ծառայության գոյության փաստով, սակայն կուզենային, որ իրենց երեխաների հետ աշխատեին հատկապես կոնֆլիկտային վարքագծի առումով, քանի որ իրենց երեխաները բավականին կովարար են և ագրեսիվ: Ամփոփիչ հոգեբանական գրույցի ընթացքում բոլոր ճնողներն էլ նշում էին հոգեբանական ծառայության արդյունավետության և արժեքային համակարգի կարևորության մասին, քանի որ վարքային, ուսումնադաստիարակչական և հուզականային հնարավոր խնդիրների առաջացման դեպքերում իրենք զգում են աջակցության կարիք, քանի որ իրենց երեխաները բուռն փոփոխություններ են ունենում:

Նկար 4. Դեռահասների ճնողների պատկերացումները հոգեբանի գործունեության անհրաժեշտության վերաբերյալ տոկոսային վերլուծությամբ:

Այսպիսով՝ Արմավիրի մարզի Նորակերտի միջնակարգ դպրոցում փորձարկվող երեք խմբերում էլ արժևորվեց հոգեբանի դերն ու աշխատանքային գործունեությունը, սակայն երեք խմբերում էլ կար թերահավատություն աշխատանքի վերաբերյալ, ինչ պայմանավորված է նախ՝ իրազեկվածության պակասով, ապա՝ սեփական պատճառներով. անվստահություն, աշխատանքի որակական կողմի հանդեպ ունեցող թերահավատություն, սեփական հոգեվիճակ և այլն: Արմավիրի մարզի Էջմիածին քաղաքի Զորավար Անդրանիկի անվան թիվ 12 հիմնական դպրոցի թվով 30 դեռահասներից 15 տղաների մոտ արձանագրվեց հետևյալ պատկերը. 7 տղաներ փաստեցին, որ տեղյակ են դպրոցի հոգեբանական ծառայության գոյությանը և հոգեբանական աշխատանքին ընդհանուր առմամբ, քանի որ առիթներ եղել են դիմելու, սակայն ավելացրել էին, որ անհատապես չեն դիմի, քանի որ խմբային աշխատանքում

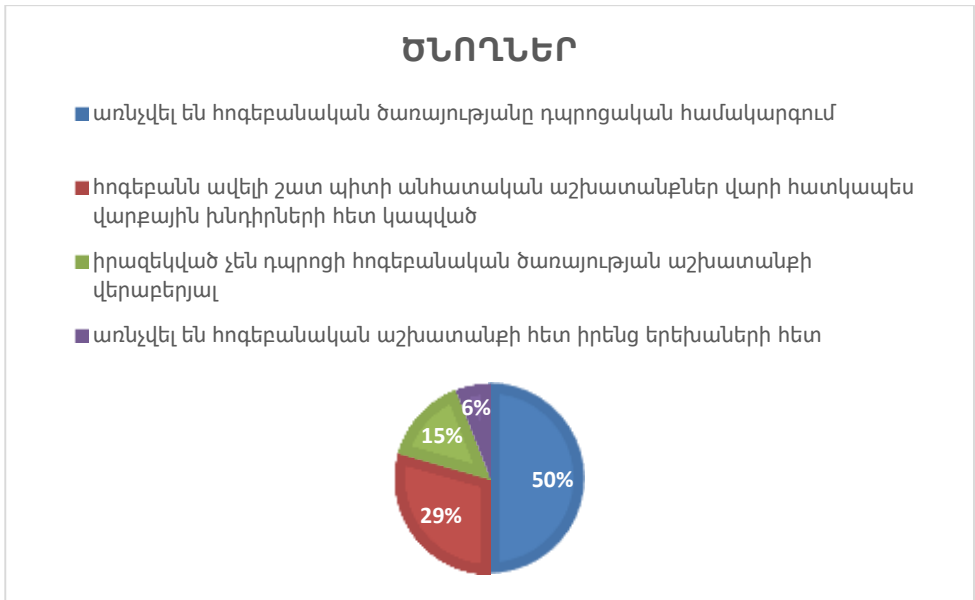
իրենց ավելի վստահ են զգում, քանի որ խումբն ըստ իրենց ընկերներ են: 5 տղաներ գտնում էին, որ չեն առնչվել դպրոցի հոգեբանական ծառայությանը և տեղյակ չեն, թե ինչով է զբաղվում հոգեբանը: Տեղեկացվածության դեպքերում դժվարացան պատասխանել կոլիմեն, թե՛ ոչ: 3 տղաներ գտնում էին, որ տեղյակ են հոգեբանական աշխատանքին որոշակի կերպով, սակայն չեն ցանկանում դիմել, քանի որ չեն վստահում որևէ մեկին ընդհանրապես: Բոլոր տղաներն էլ միահամուռ կերպով նշել էին, որ չեն ցանկանում տեղյակ պահել ծնողներին իրենց խնդիրների մասին, քանի որ չեն տեսնում դրա անհրաժեշտությունը:

Նկար 5. *Դեռահաս տղաների պատկերացումները հոգեբանի գործունեության անհրաժեշտության վերաբերյալ տոկոսային վերլուծությամբ:*

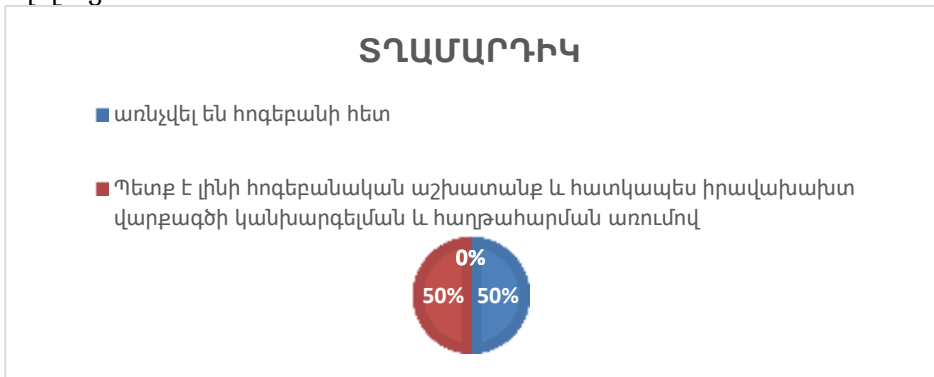
Այս դրույթը նկատվեց դպրոցներում և վկայեց այն հանգամանքի մասին, ծնող-երեխա փոխհարաբերություններում բավականին անվստահելի մթնոլորտ է տիրում: 15 աղջիկների մոտ ստացվեց հակառակ պատկերը. նրանք իրագեկված էին հոգեբանական աշխատանքի և հոգեբանի գործունեության հիմնական ոլորտներին դպրոցում և սեփական փորձով առնչվել են հոգեբանական աշխատանքի հետ: Նրանք, ի տարբերություն տղաների, նշել էին, որ չեն վստահում խմբին և նախընտրել են սեփական խնդիրները քննարկել հոգեբանի հետ անհատական կերպով: Աղջիկների կարծիքով՝ հոգեբանը իրենց ճիշտ է ուղղորդել և իրենց ծնողներն էլ տեղյակ են եղել կատարվող աշխատանքներին: Նույն դպրոցի 20 ուսուցիչներից 15 կին ուսուցիչների մոտ

արձանագրվեց հետևյալ պատկերը. 10 կին ուսուցիչներ պնդում էին, որ անհրաժեշտ է հոգեբանական ծառայությունը դադարեցնել և նպատակահարմար էին համարում ավելացնել առարկան նաև դասաժամերի տեսքով, քանի որ առարկայի դասավանդումն ըստ նրանց առավել արդյունավետ կդարձնի բուն աշխատանքային հարաբերությունները աշակերտների և ուսուցիչների հետ: 5 կին ուսուցիչներ պնդում էին, որ անհրաժեշտ է հոգեբանական աշխատանքն առավել գործնական բնույթով կիրառել, քանի որ նրանց կարծիքով իրենց մասնագետին պակասում են փորձարարական հմտությունները: 5 տղամարդ ուսուցիչ կարծիքով՝ ներկայիս համավարակի և հատկապես հետպատերազմական իրավիճակներում անհրաժեշտ է դադարեցնել հատուկ կազմակերպել ռազմական հոգեբանության դասընթացներ կամ հենց աշխատանքի ընդունել ռազմական հոգեբաններ, քանի որ իրենց և երեխաներին իրապես պակասում են հաղթահարման հմտությունները և կարողությունները: Նրանք նշում էին, որ այս պարագայում շատ արդյունավետ է այն հանգամանքը, որ դպրոցի հոգեբանը համագործակցի նաև զինղեկների հետ, հասկանա երեխաների այդօրինակ պահանջումները: Սա շատ արդիական և հետաքրքիր տեսակետ էր. 30 ծնողներից 17 կին ծնող նշում էր, որ առնչվել են հոգեբանական ծառայությանը դպրոցական համակարգում, սակայն նրանցից 10-ի կարծիքով հոգեբանն ավելի շատ պիտի անհատական աշխատանքներ վարի հատկապես վարքային խնդիրների հետ կապված, քանի որ երեխաներն այդ տարիքում միջանձնային հարաբերություններում բավականին կոնֆլիկտային են, իրենք ևս բացառություն չեն կազմում: Այս ծնողները չէին աշխատում: 5 կին ծնող նշել էր, որ իրազեկված չեն դպրոցի հոգեբանական ծառայության աշխատանքի վերաբերյալ, սակայն լինելու դեպքում կցանկանային համագործակցել: 2 կին ծնողի կարծիքով իրենք առնչվել են հոգեբանական աշխատանքի հետ իրենց երեխաների հետ կապված, սակայն այդ աշխատանքն արդյունավետ չեն համարել: Նրանց կարծիքով հոգեբանը բավարար ժամանակ չի տրամադրել իրենց երեխաներին և փաստացի խնդիրը չի հաղթահարվել: Այս ծնողներն աշխատում էին այդ պահին:

Նկար 6. *Դեռահասների ծնողների պատկերացումները հոգեբանի գործունեության անհրաժեշտության վերաբերյալ տոկոսային վերլուծությամբ:*

10 տղամարդ ծնողներից 5-ը նշեց, որ առնչվել են հոգեբանի հետ դպրոցում իրենց տղա երեխաների վարքային կոնֆլիկտների հաղթահարման հետ կապված և փոխգործակցության արդյունքում հասել են որոշակի հաջողությունների: Նրանք նշել էին, որ աշխատանքը կատարվել անհատական կարգով և իրենք գոհ են արդյունքից: 5 հայր ծնողի կարծիքով պետք է լինի հոգեբանական աշխատանք և հատկապես իրավախախտ վարքագծի կանխարգելման և հաղթահարման առումով, քանի որ իրենց կարծիքով տարիքը բավականին բեկումնային է և բոլորն էլ ապահովագրված չեն նման պայմանների մեջ հայտնվելուց:

Նկար 7. *Դեռահասների տղամարդ ծնողների պատկերացումները հոգեբանի գործունեության անհրաժեշտության վերաբերյալ տոկոսային վերլուծությամբ:*

Այսպիսով, Արմավիրի մարզի Ջորավար Անդրանիկի անվան թիվ 12 հիմնական դպրոցի դեռահասների, ուսուցիչների և ծնողների կողմից տրված պատկերացումներում հստակ նշվում էր հոգեբանական ծառայության կազմակերպման և հոգեբանի դերի անհրաժեշտության վերաբերյալ մոտեցումները, ինչն ինքնին բավականին դրական պատկերացում է: Սակայն աշխատանքի վերաբերյալ իրազեկվածությունը բավականին ցածր մակարդակի վրա էր գտնվում, մի հանգամանք, որը նաև հոգեբանի աշխատանքի արդյունավետության պակասի մասին է վկայում:

Եզրակացություն:

Այսպիսով երկու դպրոցներում կատարված հետազոտությունների արդյունքները փաստեցին, որ ընդհանուր 110 դեռահասների (65,37%), 50 ուսուցիչների (77%) և 110 ծնողների (67%) մեծամասնության կարծիքով հոգեբանն ուղղակիորեն անհրաժեշտ է դպրոցում, սակայն հոգեբանի աշխատանքի վերաբերյալ իրազեկվածությունը բավականին ցածր ցուցանիշ էր արձանագրել նաև այն փորձարկվողների մոտ, ովքեր առնչվել էին հոգեբանի հետ: Նրանք, առնչվել էին միայն մեկ կամ երկու ոլորտների հետ, իսկ դպրոցական համակարգում անելիքներն ավելին են, պահանջները՝ մեծ: Դպրոցի հոգեբանը որպես մանկավարժական կոլեկտիվի լիարժեք անդամ իր գործունեությունը չի ծավալում ամբողջապես կամ բավարար չափով չի տիրապետում հատկապես փորձարարությանը դպրոցական համակարգում, մի հանգամանք, որը փաստեցին հատկապես ծնողները: Հոգեբանի դերն ըստ ուսուցիչների անփոխարինելի է հատկապես ներառական կրթակարգում աշխատելիս, սակայն ըստ ուսուցիչների, երեխաների հատուկ կարիքների հետ աշխատելիս ավելի մեծ ուշադրություն պիտի դարձվի: Այստեղ նորից շեշտադրվեց փորձարարության պակասի հանգամանքը: Այս վերլուծված մոտեցումները թույլ են տալիս հոգեբանական աշխատանքն առավել համալիր կազմակերպելու և վերլուծելու հետագա համանման աշխատանքներում:

ԳՐԱԿԱՆՈՒԹՅՈՒՆ

1. Կրթական ուսումնական հաստատության հոգեբանի գործունեության կազմակերպումը (մեթոդական ուղեցույց), Եր., 2008:
2. *Битянова М.* Организация психологической работы в школе. М., 2003. С. 300.
3. *Абрамова Г.С.* Психология развития и возрастная психология. Учебник. – М.: Прометей. 2017. 708с.
4. *Մարապետյան Վ.Ս.* Հոգեբանական ծառայությունը կրթական համակարգում, Ջանգալ-97, Եր., 2010, 458 էջ:
5. *Մարապետյան Վ.Ս.* Տարիքային հոգեբանության արդի հիմնախնդիրները, Հատուկ մանկավարժություն և վերականգնողական հոգեբանություն, Գիտական հանդես, 1(1), 2011. էջ. 80–89:
6. *Дубровина И.В.* Практическая психология образования. М., 1997. СС. 532–579, 371–430.
7. *Битянова М.* Организация психологической работы в школе. М., 2003. С. 300.

8. Նոյն տեղում:
9. Подольский А. И., Идובהва О. А. Психология развития. Психоэмоциональное благополучие детей и подростков. Учебное пособие для вузов. М.: Юрайт, 2019. С.124.
10. Обухова Л. Ф. Психология развития. Исследование ребенка от рождения до школы. Учебное пособие для академического бакалавриата. М.: Юрайт. 2019. С. 275.
11. Битянова М. Организация психологической работы в школе. М., 2003. С. 300.

ИССЛЕДОВАНИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ПЕДАГОГОВ, ПОДРОСТКОВ И ИХ ПОДИТЕЛЕЙ О ЗНАЧЕНИИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ СЛУЖБЫ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПСИХОЛОГА В ШКОЛЕ

А.Р. Мурадян

АННОТАЦИЯ

В данной статье анализируется значение и необходимость работы школьной психологической службы и школьного психолога с подростками, учителями и родителями. Актуальность темы это исследование реформ в системе школьного образования на примере армянской школы и, особенно, исследование в сфере школьной психологической службы общего образования, и новаторские нововведения, которые предполагают социально-психологические разнообразные методы работы школьной психологической службы образования. Армения в этом контексте считается новичком, поскольку психологические услуги и, особенно, психологические услуги школы давно действуют во многих странах мира. В статье мы провели актуальный анализ психологической службы школы и роли школьного психолога, необходимости вовлечения в школьную систему работу психологов школы. Здесь очень важно по мнению М.Р. Битяновой, вовлечение школьной психологической службы образования и школьных психологов в работу с учителями, родителями и общественностью, поскольку происходящие в общественной жизни переломные изменения оставляют свой глубокий след, в частности, на школьных и внутришкольных отношениях. В статье анализируется работа школьной психологической службы и школьного психолога с подростками среднего и старшего возраста, их учителями и родителями: эти взаимоотношения в процессе психологической службы включают следующие этапы:

1.Целевые положения психологической деятельности: диагностическая работа, профилактическая работа, развивающая и корректирующая работа, консультационная работа, социально-контрольная работа.

2.Личные положения психологической деятельности: работа с учащимися, работа с учителями, работа с родителями, работа с администрацией.

3.Рольные положения психологической деятельности: консультационная деятельность, индивидуальная работа, групповая работа.

Очевидно, что не все учителя, вовлеченные во все вышеописанные функциональные взаимоотношения, точнее: их меньшинство, владеют необходимыми знаниями и навыками, особенно в работе с подростками. Подростковый возраст считается сложным и критическим возрастом, поскольку особенно у средних и старших подростков кризисы проявляются как отправная точка столкновения растущих желаний и ограниченных возможностей, в результате чего для подростков обучение не является более ведущей деятельностью, а семья как эмоциональной средой участия. Как отмечал в свое время великий Комитас, нужно по праву понимать душу ребенка, отождествляться с ним, для того чтобы понять его потребности и

сердце. В этом трудном для подростков время они часто отчуждаются от школы и даже от семьи, и здесь учителям и родителям необходимы новые знания, навыки и психологические приемы, многими из которых они напрямую не владеют. Часто именно родители в своих наблюдениях подтверждают тот факт, что не могут понять своих детей, ссорятся и приобретают конфликтные отношения, проявляют глубокую нетерпимость друг к другу и непонимание друг друга. По И.В. Дубровиной, у подростков особенно на средних и старших этапах, проявляются бурные физиологические акселеративные изменения и психологические новообразования, которые оказывают серьезное влияние на внешние и внутренние отношения и взаимодействие подростка, что, в свою очередь, «способствует» духовному привитию и проявлению новых поведенческих качеств. Среди подростков, помимо вышеуказанных изменений, серьезные изменения происходят также в сфере полового развития, и новые импульсы сексуальности бросают новые вызовы деятельности подростков. По мнению М.Р. Битяновой, именно здесь очень сложны особенности общения с учителями и родителями, где очень часто наблюдается эмоциональное отчуждение, эмоциональная депривация и проявление тревожных ситуаций. В контексте этих, и других подобных, вопросов наиболее ценятся положения школьной психологической службы и трудовой деятельности школьного психолога, которые в современной школе реализуются в трех основных подходах с привлечением психолога-педагога-родителя-подростка.

I. Модель деятельности или цель действий, когда уточняется среди подростков, учителей и родителей, кто является психологом, работающим в школе, и почему или какую работу он выполняет, поскольку очевиден подход, согласно которому во многих случаях подростки, учителя и родители напрямую не осведомлены о рамках работы психолога и не представляют с ним своей роли и задачи.

II. Практико - функциональная модель, когда работа психологической службы школы и школьного психолога осуществляется по комплексному принципу информирования, консультирования, диагностики и обобщения результатов, в рамках которого бенефициары-учителя, родители и подростки-видят и представляют работу, цель работы, задачи и рамки исполнения.

III. Ориентированная или целеустремленная модель, включающая в себя направленную работу с обучающимися, поведенческой и эмоциональной сферами, четкая реализация которой возможна при преодолении двух моделей.

Эффективное применение этих функциональных моделей является основой, согласно которой формируется представление о качественных особенностях работы психолога и, кажется, дает возможность подросткам, их родителям и учителям четко представлять и вовлекаться в трудовое психологическое пространство. По мнению Ю. Гилбуха, психологическая работа сама по себе предполагает комплексный подход к социально-психологической поддержке, что дает возможность проявить глубинный подход к проблеме и получить психологическую «собственную» поддержку.

Обобщение первой теоретической части – о психологической службе школы и деятельности школьного психолога, свидетельствуют многочисленные социально-психологические анализы в контексте статей, исследований, монографий и исследовательских составляющих, анализ которых сам по себе приводит к выводу, что в современном меняющемся мире, ко-

гда изменилась и все еще постоянно меняется и реформируется образовательная система, просто необходимо внедрить компонент школьной психологической службы как важный фактор, способствующий своеобразному становлению личности и здоровому психологическому развитию.

Выводы: результаты исследований, проведенных в двух школах, констатировали, что в общей сложности 110 подростков (65,37%), 50 учителей (77%) и 110 родителей (67%), считают, что школьная психологическая служба и школьный психолог просто необходимы в школе, однако не менее важен и печален тот факт, что информированность о работе психолога зафиксировала довольно низкий показатель и у тех испытуемых, которые имели отношение к психологу, и у тех, кто не имел опыта работы с психологом. Роль психолога, по мнению учителей, незаменима, особенно при работе в инклюзивном образовании.

Ключевые слова: школьная психологическая служба, школьный психолог, подросток, учителя, родители, социальная, психологическая, педагогическая деятельность.

EXAMINING THE PERCEPTIONS OF TEACHERS, ADOLESCENTS AND THEIR PARENTS ABOUT THE ACTIVITIES OF THE PSYCHOLOGICAL SERVICE AND SCHOOL PSYCHOLOGIST

A. Muradyan

ABSTRACT

Relevance of the topic is a study of reforms in the school education system on the example of the Armenian school and especially a study in the field of the school psychological service of general education and innovative innovations that involve socio-psychological diverse methods of work of the school psychological service of education. Armenia is considered one of the newcomers in this context, since psychological services and especially psychological services of the school have been operating in many countries of the world for a long time.

In the article, we consider it relevant to analyze the psychological service of the school and the role of the school psychologist, the need to involve the work of school psychologists in the school system. According to M. R. Bityanova, it is very important here to involve the school psychological service of education and school psychologists in working with teachers, parents and the community, since the crucial changes taking place in public life leave their deep mark, in particular, on school and intra-school relations. The article analyzes the work of the school psychological service and the school psychologist with middle-aged and older adolescents, their teachers and parents: these relationships in the process of psychological service include the following stages:

1. Target provisions of psychological activity: diagnostic work, preventive work, developmental and corrective work, consulting work, social control work:
2. Personal provisions of psychological activity: work with students, work with teachers, work with parents, work with the administration:
3. Role positions of psychological activity: consulting activity, individual work, group work:

It is obvious that not all teachers involved in all the functional relationships described above, or rather, a minority, have the necessary knowledge and skills, especially in working with teenagers.

Adolescence is considered a difficult and critical age, since especially in middle-aged and older adolescents, crises manifest themselves as a starting point for the collision of growing desires and limited opportunities, as a result of which learning is no longer a leading activity for adolescents, but the family as an emotional environment of participation. As the great Komitas noted at the time, it is necessary to understand the soul of a child by right, to identify with him, in order to understand his needs and heart. In this difficult time for teenagers, they are often alienated from school, and even from the family, and here teachers and parents need new knowledge, skills and psychological techniques, many of which they do not directly own. Often it is the parents who confirm in their observations the fact that they cannot understand their children, quarrel and have conflicting relationships, show deep intolerance to each other and lack of understanding of each other.

According to I. V. Dubrovina, adolescents, especially at the middle and older stages, manifest rapid physiological accelerated changes and psychological neoplasms that have a serious impact on external and internal relationships and interaction of a teenager, which, in turn, “contributes” to spiritual instillation and the manifestation of new behavioral qualities. Among adolescents, in addition to the above-mentioned changes, serious changes are also taking place in the field of sexual development, and new impulses of sexuality pose new challenges to the activities of adolescents. According to M. R. Bityanova, it is here that the features of communication with teachers and parents are very difficult, where emotional alienation, emotional deprivation and the manifestation of anxious situations are very often observed.

In the context of these and other similar issues, the provisions of the school psychological service and the work of a school psychologist are most appreciated, which in a modern school are implemented in three main approaches with the involvement of a psychologist-teacher-a parent-a teenager.

I. The model of activity or the purpose of actions, when it is clarified among teenagers, teachers and parents who is a psychologist working at school, and why or what kind of work he does, since the approach is obvious, according to which in many cases teenagers, teachers and parents are not directly aware of the scope of the psychologist's work and do not represent their role and tasks with him:

II. Practical and functional model, when the work of the psychological service of the school and the school psychologist is carried out according to the complex principle of informing, consulting, diagnostics and generalization of results, within which the beneficiaries-teachers, parents and adolescents-see and represent the work, the purpose of the work, tasks and scope of execution:

III. A focused or purposeful model that includes directed work with students, behavioral and emotional spheres, the clear implementation of which is possible when overcoming two models.

The effective use of these functional models is the basis according to which an idea of the qualitative features of the psychologist's work is formed and, it seems, allows adolescents, their parents and teachers to clearly imagine and get involved in the psychological work space.: According to Y. Gilbukh, psychological work itself implies a comprehensive approach to socio-psychological support, which makes it possible to show a deep approach to the problem and get psychological “own” support. The generalization of the first theoretical part – about the psychological service of the school and the activities of the school psychologist is evidenced by numerous socio-psychological analyses in the context of articles, studies, monographs and research components, the analysis of

which in itself leads to the conclusion that in the modern changing world, when the educational system has changed and is still constantly changing and being reformed, it is simply necessary to introduce a component of the school psychological service as an important factor contributing to a kind of personality formation and healthy psychological development.

Conclusions: the results of studies conducted in two schools stated that a total of 110 teenagers (65.37%), 50 teachers (77%) and 110 parents (67%) believe that the school psychological service and a school psychologist are simply necessary at school, but no less important and sad is the fact that awareness of the work of a psychologist recorded a rather low indicator both in those subjects who were related to a psychologist and those who did not have experience working with a psychologist. According to teachers, the role of a psychologist is irreplaceable especially when working in inclusive education, however, according to teachers, more attention should be paid to children with special needs when working with children: These analyzed approaches allow for a more comprehensive organization and analysis of psychological work in further similar works.

Keywords: school psychological service, school psychologist, adolescents, teachers and parents.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

DOI 10.48200/1829-0450_2021_2_140
УДК 82-1/-9

Поступила: 25.06.2021г.
Сдана на рецензию: 28.06.2021г.
Подписана к печати: 12.07.2021г.

РОЛЬ И ЖАНРОВАЯ СПЕЦИФИКА ПАРАТЕКСТА В НОН-ФИКШН РОМАНАХ НА ПРИМЕРЕ “IN COLD BLOOD” ТРУМЕНА КАПОТЕ

Н.Г. Мкртчян

*Российско-Армянский университет
nare.mkrtchyan@rau.am*

АННОТАЦИЯ

В данной статье мы обращаемся к роли элементов паратекста в нон-фикшн романе на примере произведения американского писателя середины прошлого столетия, стоящего у истоков этого жанра – Трумена Капоте. В работе выявляется, какую жанрообразующую роль играют заголовок, эпиграф и подзаголовки романа “In Cold Blood”, и как паратекст влияет на восприятие такого синтетического жанра, как нон-фикшн роман.

Ключевые слова: нон-фикшн роман, Капоте, жанр, паратекст, литература США.

Книга американского писателя середины XX века Трумена Капоте “In Cold Blood” стала прецедентным текстом и положила начало развитию целого жанра, который сам автор назвал «нон-фикшн романом». Этот синтетический жанр предполагает многопластовость, и его различные аспекты (от социальных мессиджей до нарративной структуры романа) дают богатый материал для исследований. В данной статье мы обращаемся лишь к теме паратекста произведения и его жанрообразующей функции.

Актуальность исследования элементов паратекстароманов нон-фикшн нисходит, в первую очередь, из неугасающего интереса к самому жанру. Выбор романа обусловлен тем обстоятельством, что Капоте считается основателем этого жанра [1], а его произведение, спустя уже больше полувека, все еще переиздается и пользуется популярностью во всем мире. Более того, “In Cold Blood” преподают на курсах по журналистике, справедливо считая его «шедевром» [2]. Роман нон-фикшн написан на основе реального события – убийства семьи Клаттеров в 1959 году в американской глубинке – городке Холкомб.

Исследование элементов паратекста, в частности, заголовка и эпиграфа, позволяет с точностью выявить подтекст всего произведения, актуализировать зало-

женные автором неявные смыслы и обрисовать особенности сравнительно молодого жанра. Тема интересна еще и в силу того, что «новая журналистика», у истоков которой стоял Капоте [3], находится на стыке журналистики и литературы, а заглавия медиатекстов и художественных произведений конструируются совершенно по различным принципам и выполняют разные функции. В этом плане любопытно проследить, по законам какого жанра строится заглавие в романе нон-фикшн.

В статье мы рассматриваем как оригинальный заголовок, так и его русские переводы, поскольку возникающие при переводе трудности (отчасти так и не решенные) интересным образом позволяют выявить жанровые особенности произведения. Хотя роман Капоте и, в целом, произведения этого жанра дают богатый материал для исследования роли и значения паратекста, что, в свою очередь, приближает к пониманию сути романа нон-фикшн. На момент написания статьи нам не удалось найти ни одной научной работы по этой или похожим темам.

Поскольку роман нон-фикшн – жанр синтетический, следовательно, условно разобрав текст на составляющие, получаем как литературные, так и журналистские элементы разбора. Учитывая, что в художественных и журналистских текстах рамочные компоненты выполняют разные функции, то их роль и значение в романе нон-фикшн далеко не очевидна.

Говоря о романе “In Cold Blood”, мы используем термин «паратекст», который Ж. Женнет придумал для обозначения «рамочных элементов *литературного* текста» [4]. К элементам паратекста относятся заглавие, подзаголовок, эпиграф, предисловие, имя автора и пр. Это – все «сигналы» автора, которые прочерчивают границы между художественной реальностью и реальностью эмпирической.

Все перечисленные компоненты в «Хладнокровном убийстве» имеются. Есть также посвящение («Джеку Данфи и Харпер Ли с любовью и благодарностью») и авторское предисловие. При том, что Капоте претендует на точное отображение этой эмпирической реальности, он использует «сигналы входа» в художественную реальность. Все вышперечисленное (крайне редко, но даже эпиграф) имеется в журналистских текстах, однако в медиатекстах эти паратекстуальные элементы имеют свои особенности.

Начнем с заглавия. Когда речь заходит о жанровых особенностях, оно представляет особый интерес. Заглавие – «минимальная формальная конструкция, представляющая и замыкающая художественное произведение как целое» [5]. Практически невозможно перепутать заглавие литературного произведения и журналистского текста. Примечательно, что по журналистскому заголовку можно восстановить контекст произведения, в то время как литературные заглавия чаще всего абстрактны и непонятны вне контекста произведения. В этом плане заглавие

романа Капоте ближе к заголовкам фикциональных произведений, так как выражение “In Cold Blood” («Хладнокровно») дает широкий спектр вариантов интерпретации и не делает прямых указаний на содержание произведения¹.

Касательно заглавий в журналистике исследователь С.М. Гуревич отмечает, что важнейшая функция заголовка в журналистском тексте – привлечение внимания читателя. Заголовки помогают ему быстро ознакомиться с содержанием номера, понять, о чем сообщают его публикации, что важно в информации, которую ему предлагают, что представляет для него особый интерес» [6]. С этой точки зрения, заглавие произведения Капоте оказывается бессмысленным и неинформативным. “In Cold Blood” несет в себе больше эмоциональной, нежели информационной нагрузки. Такая расстановка акцентов в журналистике неприемлема, и в качестве заглавия «репортажа» [7] оно оказывается несостоятельным. Для сравнения отметим, что новостная заметка в газете “The New York Times” о смерти Клаттеров, которая побудила Капоте написать роман нон-фикшн, называлась “Eisenhower Appointee Murdered” [8]. Все самое важное вынесено в заголовок. По информативности он несопоставим с “In Cold Blood”.

Что касается заглавия художественного произведения, то, по слова Н.А. Фатеевой, «Заглавие как порог стоит между внешним миром и пространством художественного текста, и первым берет на себя основную нагрузку по преодолению этой границы. В то же время заглавие – это предел, который заставляет нас вновь обратиться к нему, когда мы закроем книгу. Таким образом, происходит «короткое замыкание» всего текста в его заглавие» [9]. Кржижановский писал, что «десяток-другой букв, ведущих за собой тысячи знаков текста, принято называть заглавием» [10]. Пожалуй, это самое точное и емкое определение заглавия художественного произведения.

Впервые заглавие “In Cold Blood” Капоте употребляет в письме 27 июня 1960 года, спустя месяцы с начала работы над романом [11]. В последующие годы он чаще называет ее “the Kansasbook” [12] “my Kansasbook” [13]. А в переписке с четой Дьюи (следователем и его женой), которые на протяжении долгих лет помогали ему в написании книги, называет свое детище “Our Volume” [14], “Ourbook” [15].

Сразу после выхода «Хладнокровного убийства» автор в интервью “The New York Times” признавался, что один из героев романа – Перри Смит, был недоволен заглавием, возражал против него, говорил, что убийство не было совершено хлад-

---

¹ В качестве примеров приведем названия других знаменитых нон-фикшн романов: “The Naked and the Dead” Нормана Мейлера, “Helter Skelter” Винсента Буглиози или «Долина смертной тени» А. Приставкина. Ни одно из названий не дает прямых указаний на содержание произведения.

нокровно. Капоте сказал ему, что заглавие обладает *двойным* значением, но отказался разъяснять, каким именно [16]². Несомненно, говоря о втором значении, Капоте имел в виду предстоящую хладнокровную казнь главных героев книги, именно поэтому в разговоре с наивным Перри он не захотел уточнять, что речь идет, в том числе, и о его смерти. Этот смысл отчетливо прочитывается в контексте борьбы Капоте против применения смертной казни, однако этим не исчерпывается.

Таким образом, заглавие “In Cold Blood” указывает также на социальную составляющую романа нон-фикшн. Однако оно носит в себе не два, а несколько неявных смысловых пластов, которые проявляются при внимательном прочтении. В дословном переводе название книги звучит как «Хладнокровно». Этот эпитет одинаково может относиться к:

- действиям убийц;
- отношению общественности к убийцам;
- действиям отдельных личностей в отношении убийц;
- действиям жителей городка в отношении друг друга (это акцентируется в подзаголовке);
- действиям судей по отношению к убийцам.

При прочтении произведения целиком (чего Перри не мог сделать по объективным причинам) становится очевидно, что автор закладывал все эти смыслы в текст, и заглавие романа – квинтэссенция этих идей.

В оригинале оно еще более звучное, выражение “in cold blood” по сравнению с его синонимами употребляется не очень часто. В корпусе современного американского английского [17] наречие “in cold blood” встречается всего 349 раз, причем, чаще всего именно в связи с романом Капоте. В то время как ближайшие синонимы (coldly, cruelly), как правило, употребляются гораздо чаще – “coldly” – 975 раз, “cruelly” – 607 раз.

Для фактографического романа выбор такого заголовка интересен еще и потому, что «хладнокровно» – это оценочное наречие, что, казалось бы, противоречит намерению автора написать беспристрастный развернутый репортаж и описать события такими, какими они были. Однако Капоте удается так организовать и структурировать реальные документы, письма, исторические данные и другие факты в художественном пространстве, что «хладнокровно» воспринимается не как субъективная оценка писателя, а как констатация факта со стороны репортера.

Исходя из этого, эпитет «хладнокровно» можно применить и к методу написания романа, и, в целом, к методологии работы Капоте. Он часами брал интервью у убийц, изучал их биографии, анализировал психологические особенности каждого. В итоге, автор сдружился с преступниками вплоть до того, что, когда Дик и

---

²“Perry's greatest objection was the title. He didn't like it because he said the crime wasn't committed in cold blood. I told him the title had a double meaning. What was the other meaning? He wanted to know. Well, that wasn't something I was going to tell him”.

Перри сидели в камере смертников, Капоте переписывался с ними два раза в неделю, Смит завещал Капоте все свои «сокровища» в виде книг, писем, песен и прочее. С одной стороны, автор за годы работы над романом эмоционально сблизился со своими героями, с другой – должен был отбросить свои личные переживания, проявить хладнокровность и объективно рассказать о событиях, как и предполагает жанр романа нон-фикшн.

В тексте самого произведения название комментируется в диалоге репортеров в зале суда.

“Perry Smith. My God. He’s had such a rotten life” – Parr said.

“Many a man can match sob stories with that little bastard. Me included. Maybe I drink too much, but I sure as hell never killed four people in cold blood.”

“Yeah, and how about hanging the bastard? That’s pretty goddam cold-blooded too.” [18].

Приведенная реплика – уникальный случай, когда Капоте использует в тексте именно выражение “in cold blood”. Это – ключевой диалог, который произносится ближе к концу событий романа, еще раз подтверждая все выводы, к которым нарратор подводил читателей на протяжении всего повествования.

Помимо вовлеченности в жизнь (в том числе и эмоциональную) преступников, Капоте помогало также полное владение фактографическим материалом. Автор, как добросовестный репортер, собрал по делу все, что можно было, начиная с дневников и личной переписки действующих лиц с друзьями и родственниками вплоть до официальных записей всех интервью ФБР [19]. Капоте сделал все, чтобы произведение было максимально достоверным. Из огромного объема информации он с математической точностью вычленил самое важное и выстроил свой нарратив, уместив всю историю на 350-ти книжных страницах. На уровне заглавий частей книги рассмотрим, как именно он развертывает повествование.

Роман «Хладнокровное убийство» состоит из четырех глав: «Последние, кто видел их живыми» (The Last to see Them Alive), «Неизвестные лица» (Persons Unknown), «Ответ» (Answer), «Перекладина» (The Corner). Названия глав уже сами по себе плавно и логично выстраиваются в целостную историю.

Название главы «Последние, кто видел их живыми» намекает на нарративные приемы, которые автор использовал при ее написании. В этой главе автор использует переменную внутреннюю фокализацию [20], то есть каждый нарративный сегмент повествуется с фокализацией на одном из действующих или наблюдающих лиц (подруга, бойфренд, учитель, сосед, страховой агент и др.). По сути, всю главу рассказывают «последние, кто видел их живыми». Капоте утверждал, что его вмешательство в этой главе минимально [21], и он просто записал свои разговоры со свидетелями, однако небезосновательно будет предположить, что таким образом автор заранее отводил от себя подозрения в додумывании деталей и

«оправдывался» за использование конструкта все ведущего нарратора. В силу такой осведомленности нарратора и благодаря отточенному языку автора книга получила художественную ценность, а не стала просто репортажем с места событий.

Название второй главы – отсылка к формулировке полицейских в отчете (“Persons Unknown”). Оно, как и название первой главы, указывает на фокус наррации. Вторая глава изложена преимущественно с пространственной и оценочной точки зрения официальных органов. Название третьей главы наименее замысловатое, оно звучит просто «Ответ» (“Answer”). В ней даются ответы на все важные вопросы относительно мотивов и обстоятельств убийств. После этой главы преступление перестает казаться зловещим в своей непостижимости, загадочности и жесткости. С одной стороны, эта глава – кульминация произведения, с другой – она выводит его на иной, аксиологический уровень. Если бы это был детектив, то на этапе раскрытия всех подробностей повествование завершилось бы, потому что ответы даны. Однако в системе ценностей автора дальнейшая судьба героев представляет не меньший (если не больший) интерес, чем преступление со своими загадками. Этот подход вынесен и в подзаголовок романа, в котором упоминаются «последствия». Четвертая глава называется “The corner”, в русском переводе – «Перекладина». В философском плане это – самая важная глава, в ней же решается судьба главных героев.

Обратимся к другим элементам паратекста. Нередко заголовок имеем подзаголовок, «расширяющий его возможности, а также эпиграф или группу эпиграфов, направленных на достижение того же художественного эффекта. Взаимосвязь заглавия и подзаголовка может иметь самые разные значения: взаимодополнения, контраста, разъяснения и т.п.» [22]. Уже было отмечено, что Капоте использует различные маркеры, обозначающие вход в художественную реальность, в том числе подзаголовок и эпиграф. Подзаголовок звучит как “A true account of a multiple murder and its consequences”³. В отличие от чисто художественного и абстрактного заглавия, подзаголовок объясняет читателю, что за книга перед ним лежит. По отношению к заголовку имеет значение разъяснения. В подзаголовке автор также подчеркивает, что для него особую значимость имеет также описание «последствий» убийства, его влияния на жизнь как самих убийц, так и жителей городка, в котором оно произошло.

В принципе, заглавие и подзаголовок романа Капоте в совокупности дают представление о сущности жанра, который можно представить как правдивый отчет о реальных событиях, изложенный в форме художественного произведения.

Еще одним жанрообразующим элементом паратекста является эпиграф. Важно отметить, что, в отличие от заголовка, имени автора и прочих рамочных компонентов, эпиграф является факультативным даже для художественных произведений, не говоря уже о журналистских текстах. Использование эпиграфа в ро-

---

³ Можно перевести как «Правдивый отчет о множественном убийстве и его последствиях».

мане нон-фикшн – еще один шаг по направлению к фикциональности произведения. Эпиграфом к «Хладнокровному убийству» служит четверостишие из поэмы Франсуа Вийона «Баллада о повешенных»:

*Мы жили, как и ты. Нас больше нет.
Не вздумай осуждать – безумны люди.
Мы ничего не возразим в ответ.
Взглянул и помолился, а Бог рассудит.*

Капоте выносит в эпиграф одну из центральных тем романа, задавая определенный тон и настроение еще до начала основного повествования. Важно, что автор выражает свою позицию, сразу же расставляет акценты, при том, что дальше собирается представить документальный, нон-фикшн нарратив, претендующий на объективность. Далее Капоте рассказывает историю приговоренных к смертной казни, ни разу открыто не высказавшись «за» или «против». Однако благодаря эпиграфу (и не только) сомневаться в его позиции не приходится. Прибегая к этому литературному приему, автор максимально концентрированно высказывает свое мнение в эпиграфе, практически выводя его (мнение) из основного повествования. Далее позиция Капоте угадывается через выбор типа нарратора и структурную организацию повествования.

Книга дошла до русскоязычных читателей под названием «Хладнокровное убийство». Однако оригинальный, английский вариант “In Cold Blood” дает гораздо больше простора для интерпретаций. С переводом заглавия книги на русский имеются закономерные трудности. У переводчика может возникнуть соблазн вывести в русский вариант заглавия первый и самый очевидный смысл, однако это лишает оригинальное заглавие того наслоения смыслов, которое было так важно для Капоте и которое раскрывается по мере прочитывания книги. Как писал Кжижановский, «заглавие... вправе выдавать себя за главное книги. ...заглавие, лишь постепенно, лист за листом, раскрывается в книгу: книга и есть – развернутое до конца заглавие, заглавие же – стянутая до объема двух-трех слов книга» [23].

Первый русский перевод (роман переводился частями и с небольшими сокращениями) был опубликован практически сразу после публикации книги. Вышел он под названием «Обыкновенное убийство» в 1966 году в журнале «Иностранная литература». Перевод был выполнен в соавторстве Владимира Познера и Валентины Чемберджи. В беседе с исследователем творчества Капоте Денисом Захаровым Чемберджи отметила: «...в выражении «хладнокровно» нет того убийственного смысла, который есть в слове обыкновенно, а мне казалось, что отсутствие каких бы то ни было эмоций, которые *характеризовали бы это убийство*⁴, и было

---

⁴ Слова переводчицы свидетельствуют о том, что при переводе она была нацелена на передачу первого смысла.

самым страшным в нем. Так и получилось, что «Обыкновенное убийство» показалось мне более удачным названием из многочисленных вариантов, которые вертелись тогда в голове» [24].

Отметим, что в год, когда Познер и Чемберджи начали работу над переводом (1965), на экраны вышел советский документальный фильм «Обыкновенный фашизм». Мы не утверждаем, что это повлияло на выбор заглавия для русского перевода романа, однако очевидна аналогия в принципе обыгрывания чего-то из ряда вон выходящего, чудовищного и эпитета «обыкновенный». В хрестоматии «Документальная проза писателей запада. 60-ые годы» [25] перевод Познера и Чемберджи публикуется под названием «Совершенно хладнокровно».

Еще одна причина отдаления от заглавия Капоте нам видится в том, что оригинальное название книги – «хладнокровно» – наречие, а в традициях русскоязычной литературы не принято выводить в заголовок наречие. Так что нужно было адаптировать (локализовать) заглавие и сделать его более привычным русскому слуху.

Самый распространенный и ставший классическим вариант русского перевода звучит как «Хладнокровное убийство». Это – первый полный перевод, который был сделан спустя 36 лет со дня публикации бестселлера, он принадлежит Марии Гальпериной. В ее переводе книга и стала известна русскоязычному читателю. В письме Д. Захарову переводчица признавалась, что заглавие «Хладнокровное убийство» ей предложило издательство, и никаких других версий она не рассматривала [26]. Этот перевод оказался довольно успешным, и на русском роман до сих пор переиздается в варианте, впервые опубликованном в 2001 году.

Перевод «Хладнокровное убийство» предполагает два варианта прочтения. Речь может идти об убийстве членов семьи Клаттер, а также о казни «Дика и Перри» (причем, казни их подвергли не только, может даже, не столько судьи, сколько общественность, так как Капоте упоминает о том, что суд подвергся сильнейшему давлению со стороны общественности), которую Капоте однозначно воспринимал как убийство. Сочувствие к героям недвусмысленно выражено и в эпиграфе к роману. Все остальные упомянутые смыслы теряются из-за уточнения «убийство», а также из-за того, что в русском переводе упущен подзаголовок, в то время как значение этого элемента паратекста не стоило недооценивать.

Еще один вариант перевода – «Не дрогнув». Автор этого заглавия Дмитрий Благоев, который перевел отрывок романа. Этот перевод приводится также в книге Т. Вулфа «Новая журналистика», где упоминается роман Капоте.

Захаров, говоря о переводах произведений Капоте в целом, отмечает: «Современным читателям подобные варианты перевода названий книг Капоте кажутся непривычными, но в те времена эти произведения еще не были переведены на русский язык, и потому каждый новый исследователь или переводчик предлагал собственную версию заглавия» [27].

В рамках данной статьи история перевода заглавия важна постольку, поскольку возникающие при переводе трудности и невозможность найти идеальное решение позволяют глубже раскрыть суть оригинала. Работа над поиском перевода – это, в первую очередь, работа с оригиналом, таким образом, перевод можно рассматривать как метод исследования объектов, в данном случае – паратекста.

В этом контексте интересен также выбор перевода эпиграфа. У «Баллады повешенных» Ф. Вийона с десятков известных переводов, зачастую сильно отличающихся друг от друга. Гальперина остановила выбор на переводе Ильи Эренбурга. Сам Капоте приводит эпиграф в оригинале – на французском. Исследовательница Лаура Эйдем (Laura Eidem) даже говорит, что может быть, баллада приводится на французском, потому что она слишком очевидным образом указывает на исход книги [28]⁵. На русский можно было бы и не переводить, потому что акценты в зависимости от перевода сильно меняются. Переводчица поставила себя перед дополнительным выбором, перед которым сам Капоте ставить себя не стал.

Поскольку спустя почти 40 лет со смерти Капоте интерес к его творчеству не угасает, а в русскоязычной литературоведческой среде даже возрастает, не исключено, что могут появиться и новые переводы романа с новыми заглавиями.

Как говорилось выше, разработанный Труменом Капоте жанр находится на стыке литературы и публицистики, сочетая в себе приемы и того, и другого. Однако что касается элементов паратекста, то они сугубо литературные. Это – не художественный заголовок (эпиграф, посвящение, подзаголовки) к журналистскому тексту, репортажу, а именно: романное заглавие (эпиграф, посвящение, подзаголовки).

Если упрощенно представить суть жанра через название «роман нон-фикшн», то элементы паратекста относятся к составляющей «роман», а не «нон-фикшн». Исследователь Туровская дала краткое и очень точное определение «Хладнокровного убийства» – «документ в форме романа» [29]. Все вышеизложенное подтверждает эту концепцию.

Что касается роли конкретно заглавия, то мы увидели, что в романе нон-фикшн заголовок выполняет ту же роль, что и заглавие в фикциональном произведении. По структуре и принципу составления оно максимально далеко от журналистского заголовка и абсолютно фикционально.

Говоря о жанровой специфике, нужно еще раз подчеркнуть, что заглавие «Хладнокровного убийства», как и сам роман, многопластовое и предполагает множественность прочтений. В нем заложено несколько взаимодополняющих смыслов, которые раскрываются во мере прочтения. Особо важно, что заглавие книги обрастает новыми смыслами в контексте борьбы Капоте против применения смертной казни. Закрыв книгу после прочтения, читатель вновь возвращается к

---

⁵ Perhaps this poem is obscured in its original French because it hintstoo strongly at the book's outcome.

заголовку, переосмысливает его и обнаруживает, что заложенный в нем глубинный смысл в какой-то мере противоположен тому, что лежит на поверхности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авдонина Н.С. Принципы и жанровое разнообразие литературного журнализма / Н.С. Авдонина, И.А. Фокина // «Вопросы теории и практики журналистики». 2017. Т. 6, № 4. СС. 528–540.
2. Jensen V. Writing history: Capote's novel has a lasting effect on journalism // LJ World. 2005 // https://www2.ljworld.com/news/2005/apr/03/writing_history_capotes/
3. Новая журналистика и Антология новой журналистики / Под ред. Т. Вулфа, У.Э. Джонсона; пер. с англ. Д. Благова, Ю. Балаяна. СПб.: Амфора, 2008. С. 48.
4. Цитируется по Зенкин С. Теория литературы: проблемы и результаты. М.: НЛЮ, 2018. 368с.
5. Кожина Н.А. Заглавие художественного произведения: онтология, функции, параметры, типология // Проблемы структурной лингвистики. 1984: Сб. науч. тр. М., 1986. С. 167.
6. Гуревич С. М. Газета: вчера, сегодня, завтра. Учебное пособие для вузов / С.М. Гуревич, Москва: Аспект Пресс, 2004 (<http://evartist.narod.ru/text10/01.htm>)
7. Plimpton G. (1966) The Story behind a non-fiction novel // The New York Times January. № 16 // URL: <https://www.nytimes.com/>
8. Kenneth T. Reed, Truman Capote, Twane Publishers, A Division Of G.K. Hall & Co, Boston, 1891. P. 102
9. Фатеева Н.А. Синтез целого: На пути к новой поэтике. М.: Новое литературное обозрение, 2010. (<https://lit.wikireading.ru/48309>)
10. Кржижановский С.Д. Поэтика заглавий. Кооперативное издательство писателей «Никитинские субботники», М.: 1931. С. 3.
11. Gerald Clarke. Too Brief a Treat. Random House. New York. P.287. С. 297, С. 292, С. 328, С. 361.
12. Plimpton G. (1966) The Story behind a non-fiction novel // “The New York Times”, January. № 16 // URL: <https://www.nytimes.com/>
13. Corpus of Contemporary American English (<https://www.english-corpora.org/coca/>)
14. Capote T. In Cold Blood. Penguin Books. 2000. P. 298.
15. Gerald Clarke. Too Brief a Treat. Random House. New York. P. 289.
16. Фигуры. В 2-х томах. Т. 2. М.: Изд.-во им. Сабашниковых, 1998. С. 207.
17. Plimpton G. (1966) The Story behind a non-fiction novel // “The New York Times”, January. № 16 // URL: <https://www.nytimes.com>
18. Загидуллина М.В. Заглавие, Федор Михайлович Достоевский. Антология жизни и творчества: <https://fedordostoevsky.ru/research/aesthetics-poetics/152/>
19. Кржижановский С.Д. Поэтика заглавий, Кооперативное издательство писателей «Никитинские субботники», М. 1931. С. 3.
20. Захаров Д.В. Трумен Капоте в русских переводах // «Вопросы литературы», № 2, 2019. СС. 148–172.
21. Документальная проза писателей Запада. 60-ые годы / Под ред. С.Кугиной, Изд-во «Прогресс». М., 1972. С. 319.
22. Захаров Д.В. Трумен Капоте в русских переводах // «Вопросы литературы», №2, 2019. СС. 148–172.
23. Eidem L. Fiction and Nonfiction in In Cold Blood and The Executioner's Song, The Department of English University of Michigan. 2008.
24. Туровская М. Герои «без геройного времени» (Заметки о неканонических жанрах). 1971, <https://wysotsky.com/0009/595.htm>

**ROLE AND GENRE SPECIFICITY OF PARATEXT IN NON-FICTION
NOVELS ON THE EXAMPLE OF “IN COLD BLOOD” BY TRUMAN
CAPOTE**

N. Mkrтчyan

ABSTRACT

In this article, we turn to the role of paratext elements in non-fiction novel using the example of the work of the American writer of the middle of the last century, who was at the origins of this genre, Truman Capote. The work reveals the genre-forming role of the title, epigraph and subtitles of the novel “In Cold Blood”, and how paratext affects the perception of such a synthetic genre as a non-fiction novel.

Keywords: non-fiction novel, Capote, genre, paratext, American literature.

ЖУРНАЛИСТИКА

DOI 10.48200/1829-0450_2021_2_151
УДК 316.77; 070

Поступила: 28.09.2021г.
Сдана на рецензию: 30.09.2021г.
Подписана к печати: 20.10.2021г.

КРИЗИС ЖАНРОВ ЖУРНАЛИСТИКИ В ЭПОХУ ИНТЕРНЕТ-СМИ: ОСОБЕННОСТИ ПОНЯТИЯ, ТРАНСФОРМАЦИИ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

А.Е. Ерицян

*Российско-Армянский университет
asyaeritsyan@gmail.com*

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассматриваются особенности понятия «жанр» в журналистике, основные причины кризиса жанров мультимедийной журналистики в эпоху развития интернет-СМИ. На основе мониторинга ведущих русскоязычных интернет-СМИ были также выделены закономерности и тенденции развития жанрово-форматных особенностей современного журналистского текста: от трансформаций и сращения традиционных жанров в единый формат до появления новых, самостоятельных жанров.

Ключевые слова: мультимедийная журналистика, интернет-СМИ, медиатекст, жанр.

В эпоху информационных технологий непрерывно меняются принципы и основы журналистской деятельности. Данные изменения отражаются также на форме, структуре и закономерностях составления самого журналистского текста: изменилась лексика, изменилась стилистика и композиция современных журналистских материалов. Все эти процессы не могли не коснуться и жанров мультимедийной журналистики (медийных жанров).

Самые динамичные изменения в журналистской деятельности происходили в период трансформаций каналов передачи информации (появление радио, телевидения) и были неразрывно связаны с научно-техническим прогрессом. С развитием Интернета традиционные СМИ (печатные издания, радио и телевидение) стали завоевывать интернет-пространство: появились ведущие информационные агентства в глобальной паутине, а понятия «кросс-медиа», «конвергентная редакция», «мультимедийный формат» стали неотъемлемой частью функционирования любого современного и конкурентного медиа. Все это заложило фундамент для начала процесса трансформаций как самой специфики журналистской деятельности и принципов работы редакций, так и самих медиатекстов (в данном случае, текстов СМИ).

На данном этапе мы наблюдаем новую волну трансформаций, которые связаны с развитием социальных сетей; когда интернет-издания и традиционные СМИ стали ретранслировать собственный контент на официальных страницах в популярных соц. сетях (ярким тому примером являются страницы в Facebook, Twitter, Instagram, TikTok и набирающие в последнее время популярность Telegram-каналы).

Таким образом, мы можем констатировать, что нынешние трансформации медиатекста «подстраиваются» под особенности современных интернет-коммуникаций, под закономерности функционирования социальных сетей. И, никак, не наоборот.

Одной из основных характеристик современного медиатекста в интернет-СМИ является размытость жанровых границ, что привело к кризису традиционной системы жанров журналистики и необходимости анализа жанровых трансформаций.

Жанровые изменения, которые будут и дальше неизбежно отражаться на принципах создания и распространения журналистских материалов, можно рассмотреть под разными углами. С одной стороны, в современной журналистской практике мы действительно наблюдаем кризис жанров, что, в некоторой степени, обусловлено оторванностью академического знания (в этой области) от практики. Иногда мы имеем дело с такими текстами, жанр которых практически невозможно определить. Более того, в таких текстах могут одновременно переплетаться и приемы, которые используются в художественно-публицистических жанрах, и приемы, которые характерны для новостей или аналитики.

Отсюда возникают вполне закономерные вопросы: есть ли сегодня необходимость в жанрах журналистики? И есть ли серьезный разрыв между теоретическими знаниями в области жанров журналистики и их практическим применением?

Действительно, современный медиатекст представляет собой нечто далекое от строго очерченных жанровых границ. И, на первый взгляд, может показаться, что в современной журналистике нет необходимости в жанрах и каких-либо жанровых границах. Но это лишь поверхностное суждение, которое оторвано как от логики коммуникаций, так от специфики самой журналистской деятельности. При более детальном изучении этого, на поверку, хаотичного потока встречающихся в интернет-СМИ текстов «вне жанров» и «вне правил» прослеживаются процессы становления новых жанровых форм, которые нуждаются в более детальном изучении и более современных подходах к написанию.

Более того, в современной мультимедийной журналистике на данный момент можно выделить самостоятельные форматы подачи материала – новые жанры, которые имеют свои отличительные черты и вовсе не представляют собой хаотичный текстовый поток. Они характеризуются четкими правилами и постоянностью форм, которые сформировались в результате трансформаций традиционных «газетных» жанров.

Кроме процесса отпочкования новых жанров прослеживается также процесс слияния характерных для различных жанров элементов в единый формат. И если рассмотреть данную ситуацию в другом ракурсе, более позитивном ключе, можно констатировать, что данные трансформации делают современный медиатекст очень интересным и ярким явлением в герменевтике, в котором могут гармонично сочетаться стилистические приемы самых разных жанров. Ведь за каждым жанром закрепляется определенная лексика, стилистика, композиция. И в случае гармоничного переплетения жанровых форм, сливаются и их перечисленные составляющие, что, возможно, дает большую творческую свободу опытным авторам (неопытным авторам такая «жанровая свобода» только навредит, сделав их текст хаотичным и трудным для восприятия).

Кроме того, современный медиатекст и его жанровые трансформации открывают новые горизонты для глубинного изучения особенностей развития современной журналистики в эпоху информационных технологий в целом. А детальное изучение отдельных жанров современной мультимедийной журналистики (язык, стиль, структура, формат подачи и т.п.) позволит минимизировать разрыв между теоретическим знанием в области жанров журналистики и их практическим применением.

Прежде, чем рассмотреть причины трансформаций жанров журналистики попытаемся привести наиболее информативное и лаконичное, на наш взгляд, определение понятию «жанр» и рассмотреть его в контексте журналистской деятельности.

«Жанр (франц. genre) (в искусстве) – исторически сложившееся внутреннее подразделение во всех видах искусства; тип художественного произведения в единстве специфических свойств его формы и содержания. Понятие «жанр» обобщает черты, свойственные обширной группе произведений какой-либо эпохи, нации или мирового искусства вообще. В каждом виде искусства система жанров складывается по-своему» [1].

Таким образом, одной из ключевых характеристик жанров является единство художественной формы и содержания. Трансформации и изменения жанров в искусстве (например, в литературе) происходят плавно, эволюционно (хотя в последние десятилетия мы наблюдаем быструю смену трендов в искусстве, кинематографе, литературе, что также отражается на жанрах), в то время, как в современной журналистике этот процесс происходит молниеносно (требуются не годы, а всего несколько месяцев). Иногда мы просто не успеваем «поймать» и изучить какой-либо медиатренд и его влияние на развитие медитекста.

Поэтому, если мы исследуем жанры журналистики, то здесь мы имеем дело с наиболее частыми и динамичными трансформациями жанровых форм. Это связано в основном с особенностями самой журналистской деятельности, которая отличается особым динамизмом, сложностью ее определений, многообразием функций. Тему многообразия человеческой деятельности и ее влияния на речевые жанры не обошел стороной и выдающийся русский философ и литературовед М.М.

Бахтин: «Богатство и разнообразие речевых жанров необозримо, потому что неисчерпаемы возможности разнообразной человеческой деятельности и потому что в каждой сфере деятельности вырабатывается целый репертуар речевых жанров, дифференцирующийся и растущий по мере развития и усложнения данной сферы» [2].

В этой многогранной, обширной и многофункциональной деятельности (журналистика), которая напрямую зависит от технического прогресса, развития цифровых платформ, потребностей аудитории, общественно-исторического контекста, и даже от таких деталей, как настроения в обществе и канал распространения информации, понятие «жанр» понимается несколько иначе. Так, опираясь на общее определение понятия «жанр», которое подразумевает единство формы и содержания, мы можем констатировать, что оно не охватывает все вышеотмеченные специфические черты самой журналистской деятельности, которые дают нам право рассматривать понятие «жанр» в журналистике, абстрагировавшись от литературно-искусствоведческого контекста. Более специфическое толкование понятия «жанр» дается в учебном пособии Л. Киракосяна «Формула журналистики, или журналистика для всех»: «Жанр объединяет в себе, гармонически соединяя, два компонента: содержание как первичный фактор и форму как вторичный. И поэтому жанром в журналистике можно назвать содержательную форму, обладающую устойчивыми признаками» [3]. Так, автор не просто делает акцент на единстве формы и содержания журналистского жанра, он выводит на первый план содержательную составляющую материала, что, по нашему мнению, является важнейшей составляющей классификации журналистских материалов.

Таким образом, говоря о кризисе жанров журналистики, мы, в первую очередь, должны рассмотреть понятие «жанр», не абстрагируясь от специфики журналистской деятельности, многогранность и динамичность которой изначально подразумевает постоянные трансформации и кризисы кажущихся традиционными основ. При этом отказ от такого столпа журналистской деятельности, как жанр, невозможен, исходя из логики коммуникаций.

Существование жанров в журналистике облегчает работу и самого автора, а также делает текст более понятным для читателя: «Можно обойтись без жанров? Наверное, да. Только в этом случае автору статьи каждый раз пришлось бы выдумывать форму для своего произведения, а читатель затем должен был бы эту форму разгадывать, чтобы понять смысл текста <...> Жанры необходимы и для удобства журналиста, которому достаточно всего лишь выбрать наиболее подходящую форму для своего материала, и для удобства читателя, который идентифицировал жанр, сможет сразу же понять, что за информация ему будет предложена» [4].

Если мы говорим о невозможности отказа от жанров журналистики и появлении новых форм медиатекста, то почему мы характеризуем трансформации структурных и содержательных особенностей форм журналистского текста как кризиса жанров в современной журналистике? Прежде всего, отметим, что в данном исследовании мы рассматриваем само понятие «кризис» как пограничное состояние системы, состояние, близкое к переходу системы в новое качественное состояние.

Так, именно кризис, надлом и несоответствие старого к изменяющейся жизни приводит либо к модернизации старого, либо к появлению нового. Именно этот процесс модернизации старого и появления нового и происходит на данном этапе с жанрами современной журналистики.

Таким образом, мы наблюдаем за двумя интересными процессами: в первом случае традиционные жанры «перекочевали» в интернет-пространство, став мультимедийными и адаптированными к цифровым платформам, во втором – на основе трансформаций и слияния традиционных жанров появились новые, самостоятельные жанры журналистики.

На основе мониторинга русскоязычных интернет-СМИ (Русская служба Би-би-си, Лента.Ру, ТАСС, Meduza, «Настоящее время», русскоязычная версия Deutsche welle, Журнал Esquire.ru и др.) мы выделили следующие новые мультимедийные жанры, основываясь на сформировавшихся закономерностях их структурного построения (формы) и отличающейся стилистики, а также на частоте появления в 3-х и более СМИ (из выборки).

- Лонгрид;
- Фактчек;
- Видеофиче;
- Правила жизни.

На основе проведенного нами контент-анализа материалов выше отмеченных жанров выделим их специфические особенности:

- Мультимедийность;
- Адаптированность к различным цифровым платформам;
- Креативность и хорошие литературные способности автора;
- Более свободный, непринужденный стиль повествования;
- Традиционная основа: ядром новых жанров являются традиционные, газетные жанры.

Примечательно также, что одной из причин появления новых жанров является также глобализация информационного пространства: так, например, жанр «лонгрид» впервые появился в The New York Times [5] и сразу же был «перехвачен» другими СМИ.

Выводы

Итак, на основе нашего исследования, можем систематизировать основные причины, которые, на наш взгляд, влияют на трансформации жанров журналистики. Так, жанровые изменения обусловлены следующими факторами:

- Изменениями специфики журналистской деятельности;
- Техническими инновациями эпохи информационных технологий, а также развитием социальных сетей;
- Изменениями медиатекстов;
- Меняющимися потребностями аудитории;
- Глобализацией информационного пространства.

Основываясь на микровыводах, к которым мы пришли в ходе нашего исследования, выделим основные тенденции развития жанров в журналистике:

- Сращение отдельных жанров внутри жанровой системы в единый мультимедийный жанр;
- Мультимедизация традиционных жанров;
- Максимальная гибкость и адаптированность к социальным платформам;
- Появление новых, креативных жанров журналистики;
- Минимизация числа жанров (сведение к 3–4 основным жанрам) в практической деятельности журналиста.

Наглядным примером процесса сращения жанров внутри жанровой системы (поглощения устаревающих жанров более адаптированными к современным СМИ жанрами) являются трансформации информационных жанров в интернет-СМИ. Ранее в газетной журналистике принято было выделять несколько информационных жанров, однако данный этап характеризуется слиянием традиционных жанров информационной журналистики в единый мультимедийный формат – с четко выраженными структурными и стилистическими особенностями.

Законы интернет-коммуникаций и тенденции развития интернет-СМИ не обошли стороной и основные, традиционные жанры журналистики (например, репортаж и интервью). Репортаж (или интервью, очерк) в интернет-СМИ отличается мультимедийностью (гармоничное сочетание текстового формата с иными аудиовизуальными форматами подачи информации), гипертекстуальностью (использование гиперссылок и сносок в рамках одного материала) и, конечно же, учетом последующей адаптации текста (заголовка, лида, подводки) к особенностям той или иной платформы (социальной сети), по которой он будет распространяться.

Развитие цифровых платформ и появление различных социальных сетей, быстрая сменяемость медиатрендов продолжают в дальнейшем оказывать существенное влияние на структуру журналистских материалов, следовательно, вносить свои коррективы в их жанрово-форматные особенности. Поэтому адаптированность материала или его элементов к различным медиаформатам останется основной тенденцией, влияющей на развитие не только жанров журналистики, но и современного медиатекста.

Появление креативных, авторских материалов обусловлено высокой конкуренцией между изданиями и запросом аудитории, которая все больше нуждается в новых, интересных подходах к освещению тех или иных событий. Креативность и умение «удержать» читателя является характерной чертой такого нового жанра журналистики, как лонгрид.

Минимизация числа жанров исходит из практической необходимости и удобства самого журналиста. Так, практикующему журналисту необязательно держать в голове все 10–15 жанров журналистики, достаточно четко и ясно отличать основные 4–5 жанров и определять уместность их использования, исходя из редак-

ционного задания. Данная тенденция не подразумевает отказа от жанров журналистики, ведь, как мы уже отметили выше, отказ от жанров журналистики не упрощит, а еще больше усложнит работу самих журналистов и негативным образом повлияет на восприятие медиатекста аудиторией.

Таким образом, в ходе нашего исследования мы пришли к выводу, что кризис жанров в журналистике является неизбежной закономерностью и обусловлен динамичной спецификой самой журналисткой деятельности. Кризис жанров не подразумевает отказа от жанров, а ведет к модернизации традиционных жанров и их форм, а также появлению новых, более адаптированных к современным информационным технологиям медийных форматов. При этом качество материалов по-прежнему зависит не от жанров или каких-либо трансформаций, а от профессионализма самих журналистов и эффективной деятельности редакций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Новейший словарь иностранных слов и выражений. Мн.: Харвест, М.: ООО Изд-во АСТ, 2001. С. 311.
2. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Литературно-критические статьи. М.: Художественная литература, 1986. С. 428.
3. Киракосян Л.М. Формулы журналистики, или журналистика для всех. Ер.: Изд-во РАУ, 2009. С. 136.
4. Колесниченко А.В. Практическая журналистика. М.: МГУ, 2013. С. 6.
5. Галустян А. Кульчицкая Д. Мультимедийные лонгриды как новый формат онлайн-журналистики // Newmedia // <http://newmedia2016.digital-books.ru/kniga/mul-timedijny-e-longridy-kak-novy-j-format-onlajn-zhurnalistiki/> // [Режим доступа 28.09.21].

THE CRISIS OF JOURNALISM GENRES IN THE ERA OF INTERNET-MEDIA: FEATURES OF THE CONCEPT, TRANSFORMATIONS AND DEVELOPMENT TRENDS

H. Yeritsyan

ABSTRACT

In this study we examined the features of the concept of “genre” in journalism, as well as the reasons behind the crisis in the genre in multimedia journalism during the era of Internet media development. Based on the monitoring of leading Russian-language Internet media outlets, we also identified patterns and trends in the development of genre-format features of modern journalistic text – from transformations and merging of traditional genres into a single format to the emergence of new, independent genres.

Keywords: multimedia journalism, internet media, media text, genre.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Агаян Н.А. – преподаватель кафедры Политологии РАУ.

Алексян Ш.С. – аспирант кафедры Гражданского и гражданско-процессуального права РАУ.

Антонян Г.В. – соискатель кафедры Гражданского и гражданско-процессуального права РАУ.

Восканян М.А. – д.э.н, и.о. профессора, заведующая кафедрой Экономики и финансов РАУ.

Галстян А.Г. – к.э.н, ст. преподаватель кафедры Экономики и финансов РАУ.

Григорян Г.А. – к.э.н, исполнительный директор Grigoryan and Partners LL.

Дунамалян Н.А. – к.полит.н, ст. преподаватель кафедры Политологии РАУ.

Егиазарян А.Б. – к.э.н., доцент, преподаватель кафедры Экономической теории и проблем экономики переходного периода РАУ.

Ерицян А.Е. – аспирант, преподаватель кафедры Журналистики РАУ.

Карамян И.А. – преподаватель кафедры Политологии РАУ.

Мкртчян Н.Г. – аспирант, преподаватель кафедры Мировой литературы и культуры РАУ.

Мурадян А.Р. – к.псих.н., ст. преподаватель кафедры Психологии РАУ.

Назаретян Г.А. – аспирант кафедры Политологии РАУ.

Нашикян Л.А. – аспирант кафедры Экономики и финансов РАУ.

Оганесян Т.А. – к.филос.н, доцент кафедры Философии РАУ.

Сандоян Э.М. – д.э.н., профессор, директор и председатель Ученого совета Института экономики и бизнеса РАУ, руководитель Бизнес-школы РАУ.

Саркисян О.Л. - к.филос.н, и.о. профессора, заведующий кафедрой Политологии РАУ.

Хачатурян С.О. – магистрант МОП Национальная безопасность РАУ.

Хачикян С.Р. – аспирант кафедры Политологии РАУ.

**Вестник Российско-Армянского университета. Серия: гуманитарные
и общественные науки, № 2 (38) 2021г.**

*Главный редактор РНИ – М.Э. Авакян
Корректор – А.С. Есаян
Компьютерная верстка – А.С. Бжикян*

Адрес Редакции научных изданий Российско-Армянского университета:
*0051, г. Ереван, ул. Овсена Эмина, 123
тел/факс: (+374 10) 27-70-52, (внутр. 42-02)
e-mail: maria.avakian@rau.am*

Заказ № 2

Подписано к печати 21.12.2021г.
Формат 60x84¹/₁₆. Бумага офсетная № 1.
Объем усл. 10,33 п.л. Тираж 100 экз.

Отпечатано в типографии: